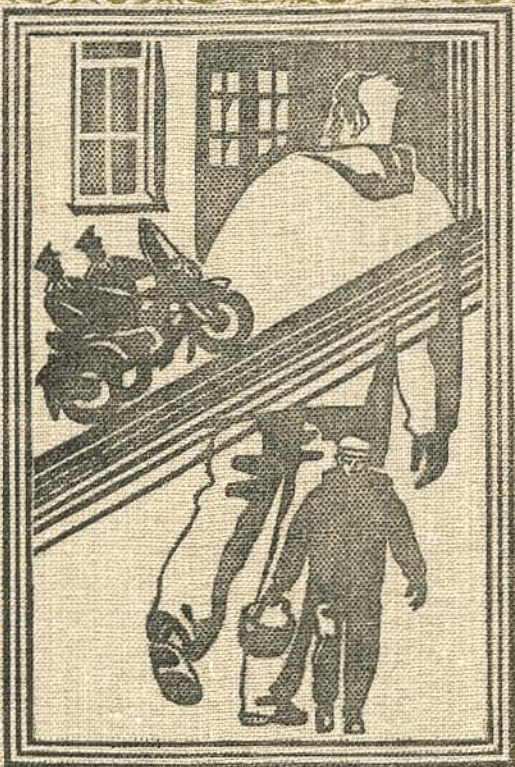

ИРИНА СТРЕЛНОВА
ШАХ ПОМИДОРНОМУ
КОРОЛЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1991

Ирина Стрелкова

ШАХ
ПОМИДОРНОМУ
КОРОЛЮ

Повестъ

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Художник
А. Борисов

ОТ АВТОРА

Что нового в славном городе Путятине? Новостей множество, назову только самые главные. Построили набережную на реке ПUTE. Танцевальная площадка в парке переименована в дискотеку. Кстати, стеклышки для разноцветного освещения взяты из старого светофора. Это подарок ГАИ. А на углу улиц Пушкина и Фабричной установлен светофор новой конструкции, со стрелками. Ну и еще одна новость — новые приключения наших провинциальных детективов. Ограбление века, расследование ведут сотрудник милиции Николай Фомин и путятинский Шерлок Холмс, он же директор городского музея Володя Киселев. Как бывшие одноклассники, они называют друг друга школьными прозвищами: Фома и Кисель.

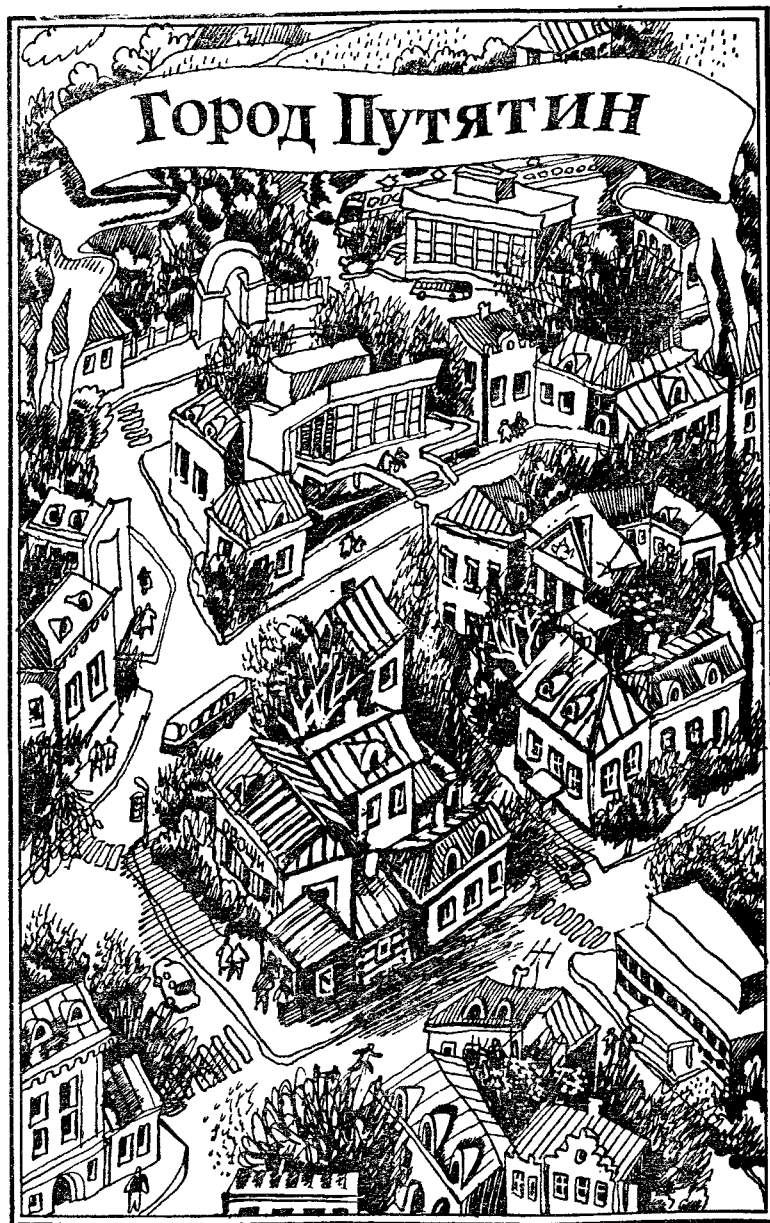
Надеюсь, читатель помнит основные достопримечательности Путятина, небольшого старинного города в самом сердце России. Здешняя ткацкая фабрика построена в прошлом веке. На центральных улицах чуть ли не каждый дом — памятник русской провинциальной архитектуры. Особые имена есть у городских окраин: Двудворицы, Крутышка, Посад, Париж... Володя Киселев живет в Посаде, неподалеку от старинного монастыря. Николай Фомин — в новом микрорайоне на Сиреневом бульваре (Путятин всегда славился своей сиренью).

Добавлю для любознательных, что в Путятине имеется несколько городских автобусных маршрутов и несколько сельских, связывающих город с глубинкой. Трамвая и тем более троллейбуса в городе нет

С 4803010102—076 306—90
М101(03)-91

ISBN 5-08-001582-9

© Ирина Стрелкова. Текст. 1991
© А. Борисов. Оформление. 1991

«Заблудились! Идем куда глаза глядят! Что ж... Я доволен. Я даже рад и счастлив! Есть повод вспомнить слова великого Шекспира: «Хвостун всегда попадает впросак». Фома уверял, что прекрасно ориентируется в лесу. Ха-ха!..»

Володя уже не видел впереди выгоревшую добела штормовку Фомина. Только слышал треск лесного сухостоя. Фомин ломил напрямик через чашу.

Корявая лапа цапнула Володю за шиворот. Сапог увяз в трухлявом пне. Обломанная ветка сунулась в глаз. Володя чудом успел перехватить проклятую ветку. Нет, всякому терпению есть предел!

— Фома! — заорал он в бешенстве. — Ты куда меня завел?

— Куда надо! — донеслось издалека.

Володя прибавил шаг, держа направление на треск сучьев.

И вдруг впереди стало тихо.

— Фома! — позвал Володя. — Ты где?.. Фома! — завопил он во все горло. — Прекрати дурацкие шутки!

Никакого ответа. С Фомой что-то случилось.

Володя кинулся на выручку. Воображение рисовало жуткую картину: черная жижа болота, поверх плавают пузыри...

Он ободрался в кровь и успел выбраться из чащи в самый захватывающий момент. Фома балансировал на бревне, перекинутом через глубоченный овраг. Сейчас сорвется! Нет, двинулся дальше. Мелкие шажки канатоходца, руки с тяжелыми корзинами расставлены пошире для равновесия. Смертельный цирковой трюк!

Володя замер, боясь проронить хотя бы слово.

Фома покачнулся... «Спокойно! — взмолился про себя Володя. — Ни в коем случае не бросай корзины!» Фома устоял, двинулся дальше. У Володи отлегло от сердца, появилась возможность оценить обстановку.

«Ему-то что... Он всегда в себе уверен... — Володя приблизился к оврагу, заглянул вниз. В сырой мгле мрачно поблескивал черный ручей. — Да, Фоме удобно балансировать, у него две корзины для равновесия. А у

меня пестерь за спиной. Придется обойтись без цирковых номеров, скромненько перейду вброд...»

Сказано — сделано.

Результаты оказались плачевными. Он черпнул ледяной воды в оба сапога и безуспешно пытался забраться по скользкой крутизне. Пришлось ухватиться за протянутую сверху палку. А кто мог ее протянуть в этом безлюдном месте? Только Фома!

— Весьма тебе признателен,— процедил Володя сквозь зубы.

Фома продолжал ломить напрямик. Болото так болото. Овраг так овраг. Буреломы, непролазные ельники, заросли крапивы...

Володя набрался терпения и молчал.

«Когда мы окончательно заплутаем, Фоме некого будет винить, кроме самого себя».

Вопреки логике они не заплутали. И не дали маху километров десять. Лес кончился, и Володя не поверил своим глазам: шоссе, автобусная остановка — та самая, где сошли утром.

«Ну, это уж слишком! Выйти прямо к остановке!» — Володя почувствовал себя обманутым. Фома не мог так точно рассчитать направление. Ему просто повезло. Ему всегда везет.

Фомин и не подозревал о терзаниях своего спутника. Улегся на лавку в пестро раскрашенном бетонном павильончике и блаженно вытянул ноги.

— Рано пришли. До автобуса еще полчаса.

На лавке оставалось достаточно места. Володя мог тоже растянуться во весь рост. Но он не собирался подражать Фомину.

Присел на краешек, освободился от холщовых рамок пестеря и принялся стаскивать сапоги. Пора заняться носками, промокшими насквозь, когда он так неудачно форсировал ручей.

Носки, толстые и мягкие, Володя связал сам. Собственноручно. Чистейшая шерсть — без какой-либо примеси синтетики. Все сто процентов. Володя сам вычесывал козу Дуню, которую пришлось держать, пока сестрица Танька была маленькой и нуждалась в молоке. Прял нитки он тоже собственноручно, пользуясь указаниями, полученными у музейной сторожихи тети Дены. И носки получились необыкновенно прочными. Главный

секрет прочности — в пряже. Не жалея рук, когда тянешь, сучишь и скручиваешь. Так учила тетя Дена. Володя не жалел и, сидя за прялкой, служившей когда-то его прабабушке, пришел к выводу, что правы были люди в старину — не ускоряли и не упрощали существовавшую тогда технологию, честно делали все, что положено, потому-то вещи получались прочными и жили долго.

Свои замечательные носки Володя бережно выжал и снова надел. Влез в сапоги, легонько притопнул, и ногам сразу стало тепло.

Чем теперь заняться в ожидании автобуса? Володя с искренним сожалением взглянул на Фомина. Ему бы только поваляться! А великий Паскаль говорил, что всего невыносимей для человека покой. Потому что покой дает человеку почувствовать свою ничтожность, заброшенность, несовершенство, зависимость, бессилие и пустоту.

Володя сосредоточился. Не заняться ли для начала вон тем одиноким деревом, стоящим посередине поляны, усеянной кочками? Кривой ствол, кривые, но сильные ветви. Одинокие сосны никогда не вырастают стройными, устремленными ввысь, к солнцу, как это получается у всех сосен в бору. Но какая воля к жизни чувствуется в одиноком дереве! И кора словно кольчуга...

Володя скользнул взглядом вниз по закованному в кольчугу стволу и насторожился. Там, под сосной, что-то виднелось среди травы. Серый бугорок. И к бугорку вел от шоссе след автомобиля, две широкие полосы примятой травы. Машина вроде бы грузовая, тяжелая. Но кому понадобилось кататься через поляну?

— Фома... — Володя постарался не выдать своего внезапного волнения. — Видишь вон ту кривую сосну?

Фомин нехотя поднял голову.

— Ну, вижу...

— Все видишь? И серый бугорок? — продолжал допытываться Володя.

— Бугорок? — Фомин лениво прищурился. — Вижу...

Володя кипел от негодования, но внешне казался спокойным.

— Сделай одолжение, присмотришься повнимательней.

Фомин поворочался на лавке и сел. Вчера вечером начальник управления Петр Петрович Налетов приказал ему забыть на сутки о расследовании кражи из универмага, отдохнуть и развеяться: «Говорят, опять пошли...

Косой коси. Бери своего Киселева и отправляйся с утра пораньше».

Опята действительно появились в великом множестве. Налетоз не ошибся. Но с какой стати он навязал в пару Киселева! Мог бы предвидеть, что с Киселем не отдохнешь и не развеешься — Кисель покоя не даст...

Не торопясь с ответом, Фомин методично изучал поляну с одинокой сосной. «Кисель в своем репертуаре. Демонстрирует дедукцию. Но и мы не лаптем щи хлебам. Что он там обнаружил? Серый бугорок? — Фомин иронически хмыкнул. — Тоже мне загадка! Какой-то шофер не довез до стройки бетонный раствор, вывернул куда попало... Типичное для строителей безобразие! Во что лес превратили! Везде битый кирпич, кучи железа! Давно пора принять решительные меры! — Фомин почувствовал, что начинает заводиться, и взял себя в руки. — Спокойно! Охрана природы — обязанность лесничества, а не милиции...»

— Ты молодец! Заметил непорядок, — покровительственно сказал Фомин. — Но не останавливайся на достигнутом. Помоги лесникам привлечь виновных к ответственности. — Он решил воспользоваться случаем и показать настырному детективу, что толочь воду в ступе не такое уж выдающееся умение. — Сумеешь кого-то прищучить — другие станут побаиваться. Кстати, могу тебе для начала подсказать. В Нелюшке строится животноводческий комплекс. Туда и возят бетонный раствор. Работает бригада шабашников. Ты их спроси, сколько стоит кубометр раствора. Тут, под твоей сосной, лежат выброшенные народные деньги. Ну, как? — Фомин победно взглянул на самозваного Мегрэ. — Берешься за расследование?

Лицо путятинского детектива в засохших брызгах зеленой тины выразило печаль и удивление.

— И это все, что ты можешь сказать о сером бугорке? Пожалуйста, напрягись, подумай. Я тебя не тороплю.

Ну и нахалюга! Фомин решил не поддаваться.

«Спокойно», — посоветовал он себе и улегся поудобней.

— Думай, думай... — наседали неугомонный детектив.

— Отстань! — прорычал Фомин.

— Не хочешь сам додуматься, тогда слушай... — Володя наклонился над Фоминым и хрипло прошептал: — Когда я увидел эту сосну... Страшная мысль сверкнула, словно черная молния... Фома, там скрыты следы преступления!..

Фомин демонстративно зевнул и повернулся к стене. «Не хочу думать о сосне и не буду!»

Но в голову сами полезли предположения. «Почему шоферу пришлось вывернуть раствор на поляне? Участковый Сироткин из Нелюшки сообщал, что шабашники вкалывают на комплексе от зари до зари. Деловые ребята, должны бы вести учет машинам с раствором. И бригадир у них ушлый. Маркин. Жуликоватый, по наблюдению Сироткина. Летом в Нелюшке работали городские старшеклассники, Маркин нанял троих ребят строить гараж частнику. Явный жулик. Но жулик может пустить раствор налево. Какой ему смысл выворачивать самосвал в лесу?..»

Злее осенних мух допекали Фомина непрошенные догадки, но он стойко делал вид, что дремлет.

А Володе не сиделось на месте. Выбрался из павильона, обошел вокруг. Из ближних кустов донеслись подозрительные шорохи, даже почудились голоса. Володя замер и прислушался. Нет, в кустах никого. Вернулся в павильон, подкрался на цыпочках к лежащему Фомину и шепнул в ухо:

— Фома, я проверил, нас никто не подслушивает... — Лежащий никак не реагировал, но эта игра не обманула Володю. Напротив, он убедился, что Фомин не спит, и произнес гробовым голосом: — Фома, под сосной скрыт труп...

— Что-о-о?! — Фомин стремительно вскинулся, но Володя придавил его к лавке.

— Спокойно!

Услышав свой любимый совет от нахального Киселя, Фомин рассвирепел.

— А ну, пусти! — Одним прыжком он был на ногах, а Володя отлетел к стенке.

Но не растерялся. Повторил с достоинством:

— Да, Фома! Труп! И убийца пока на свободе.

Теперь главное — не дать Фоме опомниться.

— Да, труп зарыли и шлепнули сверху лепешку бетона. Элементарный прием итальянских мафиози.

Помнишь, как в кино? Трупы запрягивали в колонны из железобетона. Убийца последовал их примеру. Но спрятать концы преступнику — или преступникам — не удалось. Шофер, Фома, шофер!.. Он был либо соучастником, либо всего-навсего барыгой, продавшим налево машину раствора. Либо... — Володя воодушевился, версия приобретала все более ясные очертания. — Либо там, под сосной, зарыт труп самого шофера. Он участвовал в каких-то махинациях, пригрозил разоблачением — и вот результат... Шофера укололи и тут же использовали последнюю порцию раствора, который он вез... Поэтому для начала надо будет узнать, не случилось ли в последние дни, что некто, работавший шофером, внезапно отбыл в неизвестном направлении, не взяв расчета и вообще никого не предупредив о своем отъезде... Соображаешь?

Фомин наконец обрел дар речи.

— Ну ты и тип... — произнес он с отвращением. — Ты маньяк! Ты хуже убийцы! Ты о чем тут размышляешь? Тебе труп нужен? Чтобы свою дедукцию демонстрировать?

— Коля! — вскричал изумленный детектив. — Это всего лишь условная версия!..

— Версия? Не вилай, я тебя давно раскусил... — Фомин веско припечатывал каждое слово. — Ты и раньше норовил устроить себе развлечение из чужой беды. Мы боремся против преступности, а ты?.. Размышляешь... Трупы, убийства...

Володя покорно выслушал обличительную речь. «Ладно, пускай отведет душу».

— Я тебя понимаю, Фома, — примирительно заговорил он, выждав момент, когда противник вообразил себя победителем и расслабился. — Ты практик. Прагматик. Вопросы теории тебе всегда были чужды...

— Какая еще теория? — пробурчал Фомин.

— Сейчас объясню. Только слушай внимательно, — кротко попросил Володя. — Известно ли тебе такое имя: Поль-Луиджи Нерви?

Задав каверзный вопрос, Володя уставился на собеседника. Фома сейчас роется в памяти, перебирает имена теоретиков, которых изучают на юридическом факультете. «Напрасный труд! Сейчас я Фому огоршу».

— Нерви — крупный современный архитектор. — Во-

лодя вложил в свое сообщение изрядную дозу укоризны. — Такие имена надо знать.

— При чем тут архитектура! — возмутился Фомин

— Совершенно ни при чем, — согласился Володя. — Хотя, конечно, бетон имеет в современной архитектуре самое широкое применение. А там, под сосной, как ты мне сам пояснил, покоится нечто бетонное... Но я вспомнил Поля-Луиджи Нерви по совершенно другому поводу. Ему принадлежит очень важная в любом деле идея, что надо идти дальше научного этапа познания и достичь знания интуитивного. Интуитивного! — с наслаждением повторил Володя. — Именно в области интуиции рождаются все гениальные догадки, которые мыслителю предстоит затем лишь обосновать с помощью логики. — Володя видел, что его эрудиция действует на Фомина, как пассы гипнотизера. — Вот и я на примере с лепешкой бетона под сосной решил потренировать свою интуицию, — продолжал он все с той же кротостью. — Да, кстати, ты читал Павла Ковалевского? У него есть потрясающе интересные «Психиатрические эскизы из истории». Непременно прочти. Полезнейшее пособие для сыщика! — Володя сделал паузу, надеясь хоть что-то услышать от собеседника, но Фомин не проронил ни слова. — Так вот, Павел Ковалевский не сомневался, что предчувствия действительно существуют и в них лежит часть та тонкая чувствительность, которая присуща людям мечтательным, с живым воображением...

И вот тут он допустил промашку

— Мечтательным? — Фомин покатился со смеху. — Таким, как ты?

— И тебе тоже, — с достоинством парировал Володя. — В твоей жизни, Фома, интуиция тоже играет немалую роль. Но ты этого не замечаешь, потому что все происходит как бы помимо тебя.

— Ну, ну, — проворчал Фомин. — То ты меня своей дедукцией допекал, теперь заморочишь интуицией...

— Для твоей же пользы! — уточнил Володя. — Для повышения квалификации! К сожалению, область бессознательного до сих пор мало исследована...

Фомин не принадлежал к прилежным читателям журнала «Наука и жизнь» и потому не мог уличить Володю в том, что все его сведения взяты из недавно напечатанной статьи о роли интуиции в науке. А Володя

выложил все имена и все примеры и затем предпринял искусный выпад:

— Ты сам, Фома, толкаешь меня тренировать интуицию на каких-то условных вариантах. Почему я заговорил про убийство? Только потому, что ты мне не поручаешь пусть самое простое, но настоящее, реальное дело. А ведь Петр Петрович распорядился, что я назначаюсь твоим общественным помощником.

Фомин удивленно покрутил головой.

— Ну, ты и гусь!.. Выходит, я еще и виноват?.. Но подумай, какой из тебя общественный помощник! Ты теперь городская знаменитость. Тебя каждый в лицо знает. Мне проще самому где-то побывать, не привлекая внимания. А послать тебя?.. Да ведь ты идешь по городу — на тебя все оборачиваются: «Киселев! Киселев!» Я за собой таких шепотков не слышу. Потому что хожу и не выпячиваюсь. Не гонюсь за славой...

— И я не гонюсь! — вскричал Володя. — Ни в коем случае! Слава — яд, который следует принимать малыми дозами. Так говорил Бальзак, а он в этих вещах разбирался. Не волнуйся, Фома, всю славу я готов оставить тебе. В любом деле меня интересует только сам процесс разгадывания хитросплетений преступления. Работа мысли... Ничего больше! — клятвенно заверил Володя. — Поэтому я готов всегда оставаться в тени. И ты смело можешь подключить меня к розыску банды. Да, да! Только не выкручивайся! Весь город талдычит про золото на сотню тысяч! Честное слово, о моей помощи никто не узнает!

— Ну, ты, Кисель, обнаглел... — Фомин удержался от дальнейших комментариев. Сам виноват — послушался Налетова и взял с собой в лес друга детства. Но какое затмение нашло на Петра Петровича?.. То приказывает отключиться от этого проклятого дела с универмагом, то подсовывает Киселя.

II

На генеральном плане города Путятин новый универмаг венчал перспективу Сиреневого бульвара. Современное здание, стеклянный кубик, не хуже, чем в других районных центрах, а может, и лучше.

Городская газета успела трижды сообщить о начале

строительства универмага. Увы... На том месте еще и конь не валялся, — острили (уже не один год) путятинцы. Вывеска «Универмаг» по-прежнему торчала над старинными торговыми рядами. Там же, в рядах, теснились — тоже в ожидании переезда в новые дома — два магазина: книжный и «Фрукты — овощи».

Торговые ряды по праву считались шедевром русской провинциальной архитектуры прошлого века. Каменные аркады, галереи на толстых колоннах, узорная кирпичная кладка, лишь самую малость поврежденная временем. Качество старинной постройки внушало уважение к предкам, но галерея затеняла окна, и вентиляции никакой — в сводчатых залах застоялись допотопные запахи дегтя, рогож и еще каких-то давно исчезнувших товаров. Самое место было бы здесь сторожу в классическом тулупе с берданкой за плечами, но Путятин от технического прогресса не отстал: в универмаге все двери и окна оплетали чуткие проводочки охранной сигнализации. Только сунься — милиция тут как тут.

Грабители и не стали тревожить сигнализацию. Они ее обошли. Предельно просто. Под торговыми рядами тянулись заброшенные и забытые всеми подвалы. Воры залезли в овощной магазин, где никакой сигнализации не было, спустились в подвал, отыскивали заставленный пустыми бочками ход, добрались до подвалов универмага, снизу пропилили пол в отделе игрушек, прошли в ювелирный отдел, взрезали немудрящий сейф, забрали весь путятинский золотой запас и тем же путем ушли.

Дело было в ночь с субботы на воскресенье, а по воскресеньям все магазины в Путятине не работают. Воры имели в своем распоряжении достаточно времени, чтобы замести следы и надежно припрятать похищенное. К тому же им помог ливень, обрушившийся на Путятин в субботнюю ночь.

Утром в понедельник овощной магазин преспокойно начал торговлю. Правда, заведующей, когда она отпирала дверь, показалось, будто замок висит как-то не так, но внутри магазина она не обнаружила никакого беспорядка.

Звонок в милиции раздался только без четверти одиннадцать, когда пришли на работу продавщицы ювелирного отдела. Несколько голосов рыдали в трубку, и ничего нельзя было разобрать. Фомин не стал тратить

время на разговоры. Через три минуты он был в универмаге и еще через две минуты докладывал о происшествии Налетову, распорядившись перед тем, чтобы на дверях универмага вывесили популярную табличку: «Закрито на учет».

В подвал спустили знаменитого в Путятине Джульбарса. Он взял след и вывел под землей к овощному магазину. Но там след оборвался. Как раз в этот момент в магазине умудрились грохнуть на пол бочку с соевыми огурцами, она лопнула, и в подвал хлынул водопад пахучего рассола. Джульбарс вылез из подвала весь мокрый, облепленный укропом и лавровым листом, брезгливо отряхнулся, пофыркал своим чутким черным носом и твякнул проводнику вполне внятно: вы как хотите, но я в таких условиях работать не могу.

Не принес особых успехов дотошный осмотр испорченного сейфа, пропиленного пола и пути, которым проследовали воры. Опрашивали продавщиц, жителей домов, выходивших на площадь. Никакой зацепки. Продавщицы ювелирного отдела не вспомнили ни единой подозрительной личности, крутившейся возле золотой витрины. В овощном никто и не предполагал, что существует ход между подвалами, тот угол использовали для хранения пустой тары. Жители ближних домов слышали в ночь с субботы на воскресенье треск мотоцикла. И машины проезжали. Но никто не поинтересовался, не выглянул. По площади каждую ночь ездят.

Всеми действиями руководил сам Налетов.

Фомин понимал, почему так нервничает и торопится Петр Петрович. Кража слишком крупная, чтобы ею занималось городское управление внутренних дел. Пришлют следователя из областного управления. Вот и спешит Петр Петрович набрать побольше материала по свежим следам — и мы не лыком шиты.

Следователь областного управления внутренних дел капитан милиции Егоров прибыл на другой день и сразу дал понять, что «наверху» путятинским ГУВД недовольны.

— Прошляпили универмаг. Почему при установке сигнализации не были учтены подвалы? Вы обязаны все учитывать и предвидеть.

Что ж... Все правильно, самая крупная и самая дерзкая кража в области за последние пять лет — не дости-

жение здешней милиции, а совсем наоборот. Но Фомин на месте Егорова не стал бы держаться с низовыми работниками так высокомерно. Ведь дальше придется работать вместе.

Нет, не понравился Фомину Егоров — красавец из кино с задумчивым взглядом. Но так уж складывалось, что работать с Егоровым предстояло именно Фомину.

«Это тебе высокая честь и доверие, — сказал Налетов, — полезная практика и отличная перспектива на будущее... в случае удачных действий».

Первый их разговор состоялся в кабинете начальника следственного отдела, отданном в распоряжение Егорова. Фомин подробно рассказывал обо всем с самого начала, со звонка из универмага и своего там появления. Егоров слушал с иронической улыбкой, заставлявшей Фомина сбиваться и путаться. Затем небрежно пролистал принесенную Фоминым папку, уже вполне пухлую, и задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Что же мне с вами делать, а?

Именно такой дурацкий вопрос Фомину когда-то задавали в школе. И он понуро молчал. Хотя прекрасно знал, что полагается делать с учеником, не выучившим урока. Влепить двойку и отпустить на место.

Вспомнив школу, Фомин упрямо набычился и ничего не ответил Егорову на один из древнейших воспитательных вопросов. Не дал втянуть себя в невыгодную игру. «Спокойно, Фомин. Не лезь в пузырь. Ты на службе...»

Егоров продолжал все в том же задумчивом воспитательном тоне:

— Не густо тут у вас... Собака след потеряла. На витринах уйма покупок пальчиками отметилась, на сейфе — никаких отпечатков. Пила и портативный газорез, которыми орудовали преступники, вами все еще не обнаружены... Ну и как бы вы стали действовать дальше, если бы вам довелось возглавить следствие?

— Я бы... — Фомин запнулся. При таком отношении со стороны Егорова что ни скажи — все окажется чепухой.

Но служба есть служба. Фомин отбросил свои личные переживания и четко доложил возможный, с его точки зрения, план действий.

Значит, так. Проверить продавщиц ювелирного отдела, их родню и знакомых. То же и по овощному мага-

зину. Особое внимание обратить на эпизод с разбитой бочкой. Кто-то мог это сделать с умыслом, чтобы вывести из строя Джульбарса. Затем потребуются проверить всех, кто у милиции на примете: где они были в ночь с субботы на воскресенье. Участковые обойдут владельцев газорезов: не украден ли у кого аппарат, нет ли следов недавней работы. Ну и за девчонками непременно надо понаблюдать. Кольцо там или цепочка, кулончик могут у кого-то объявиться...

Егоров уже не улыбался иронически. Слушал и одобрительно кивал, ни разу не перебил.

«Ничего, мы еще сработаемся!» — радовался Фомин.

Увы... Одобрительные кивки относились не к Фомину. Егоров выражал одобрение самому себе за проникательность. С первой минуты знакомства с Фоминым он ожидал, что услышит именно такой стандартный план действий.

— Типичная районная узость взгляда... — Егоров побарабанил пальцами по врученной ему папке с материалами по универмагу. — По-вашему, преступление совершили некие лица из местных, и золото они похитили, чтобы дарить подружкам кольца и кулончики... Должен вас огорчить. Универмаг ограбили гастролеры. Видна опытная рука. На долю местных выпадает только пособничество, наводка. Кто-то у вас здесь знал, как устроены подвалы, какие ходы и выходы. Кто-то из торговых работников, нынешних или бывших. Впрочем, это мог быть и не работник торговли. И не обязательно искать среди тех, кто сейчас живет в Путятине. Наиболее вероятно, что ограбление универмага замыслилось где-то в колонии. Придется поднять старые дела, установить, где отбывают наказание местные жители. Один из ваших земляков выболтал опытному рецидивисту тайну подвалов. Или продал — это будет ближе к истине...

У Фомина захватило дух. Он уже видел, как мотается по всей стране с особо важным заданием.

Но из дальнейших речей Егорова стало ясно, что ничего серьезного и ответственного Фомину не поручат. Его дело — поиски местного значения. Допрос жителей, проверка владельцев газорезов.

Историю с бочкой Егоров считал чистой случайностью. Однако почему бы и это не проверить.

Егоров потрудился над старыми делами и вскоре отбыл из Путятина, даже не поинтересовавшись, удалось ли Фомину найти хоть какие-нибудь зацепки.

У Фомина, по правде сказать, успехов пока не было. Допросы родни и знакомых продавщиц ювелирного отдела ничего не дали. Надежды, что бочка с огурцами выведет на след, не оправдались. Бочку катили две продавщицы. Почтенный пенсионер, бывший мастер прядильного цеха, вполне естественно возмутился, что женщины надрываются над такой непомерной тяжестью, и потребовал, чтобы ему дали что-нибудь вроде рычага. Продавщицы принесли из подсобки стальной лом, которым зимой скалывают лед со ступенек. Пенсионер подсунил лом под бочку, чуть приподнял эту махину, и тут-то она и сорвалась.

«Но даже если я ничего не нашел, — обиженно думал Фомин, — все равно Егоров должен был перед отъездом пригласить меня, выслушать».

Фомин не собирался выкладывать свои обиды начальству. Многоопытный Налетов и сам все понял. Поэтому-то Фомин и получил нежданно-негаданно приказ отдохнуть в субботу и развеяться, чтобы потом взяться за дело со свежими силами.

К тому же Петр Петрович считал, что в сложившейся ситуации, когда весь город взбудоражен ограблением универмага, Фомин обязан держать под строжайшим присмотром своего общественного помощника, склонного проявлять чрезмерную самостоятельность. Давая Фомину совет отправиться по грибы вместе с Киселевым, Петр Петрович не сказал напрямик, что надо прощупать, нет ли у самозваного детектива каких-нибудь опасных намерений. Все образуется само собой: Киселев во время совместной прогулки непременно заговорит про ограбление века и уж тут-то Фомин проведет разъяснительную работу.

Фомин думал со злорадством: «А может, не стоит мешать Киселю? Хочет сунуться в дело об ограблении универмага — тем лучше!»

Ему представилась дивная картина. Егоров стучит кулаком на Киселя: «Да вы кто такой!» Кисель сначала держится с амбицией, толкует Егорову про свои ориги-

нальные методы, но тот покажет ему, как соваться не в свое дело, отучит навсегда.

Увы, эту милую сердцу сцену пришлось тут же выбросить и уничтожить. Потому что от Егорова будет взбучка не только Киселю. Влетит — и куда сильнее! — Фомину. И Налетову тоже. Как могли допустить существование самозванного частного детектива под боком у городского управления внутренних дел!

— Вот что, Кисель! — Фомин старался говорить мягко и в то же время с официальной строгостью. — Ты мне сейчас дашь слово. Поклянешься. Никакого вмешательства в расследование кражи из универмага. Никакой самодеятельности. Понял? Кражу расследуем не мы...

В ответ Фомин услышал легкий смехок.

— Я знаю. У нас в Путятине побывал некто из областного управления... Об этом, Фома, знает весь город... Что же касается меня, то я бы охотно померялся силами с профессионалом. Я ведь тоже становлюсь профессионалом, но по-прежнему не подвержен шаблону. Только творчески, только собственными оригинальными методами — вот мой девиз...

Фомин понял, что никакой клятвы он от Киселя не дождет. Даже простого честного слова.

«Еще одна забота на мою голову! — уныло размышлял Фомин. — Придется чем-то его занять, отвлечь каким-то поручением... Но каким?..»

Фомин принялся перебирать в памяти мелкие происшествия, случившиеся за недавнее время. Ни одно из них не годилось. Потому что именно из пустяков Кисель умудряется сочинить что-нибудь сложное и запутанное.

«Никаких мелочей ему доверять нельзя, — сказал себе Фомин. — Но и ничего крупного, упаси бог! — добавил он, спохватившись. — С крупным Кисель такого натворит — век не расхлебашь. Тогда что же остается? Не мелкое, не крупное и такое, чтобы Кисель увлекся и влез по уши...»

— Не мелкое и не крупное... — вслух произнес Фомин.

— Ты о чем? — полюбопытствовал Володя.

Фомин напустил на себя таинственность.

— Да так... Есть одно дело...

Заявление пенсионера Смирнова! Вот что можно подсунуть Киселю. Дело в самый раз. Не крупное, но и мел-

ким не назовешь. Совершенно дурацкое дело. Полная белиберда и собачья чушь. И вполне во вкусе путятинского Эркюля Пуаро.

III

Заявление пенсионера Смирнова поступило к Фомину при обстоятельствах несколько диковинных, но вполне типичных для Путятинина с его провинциальными нравами. Простые люди ничего не предпринимают спроста. Непременно с подходцем.

Фомин ходил в парикмахерскую на Пушкинской два раза в месяц, по пятницам после работы.

Он стригся всегда у добродушной и неповоротливой Татьяны Ивановны. В далекие детские годы его водил к ней строгий дед, признававший для себя и для внука единственную мужскую стрижку «бокс». Татьяна Ивановна обрабатывала Колькин затылок машинкой и оставляла впереди скромную челочку.

Потом он стал ходить в парикмахерскую самостоятельно и обзавелся чубом до бровей, чтобы иметь устрашающий вид.

В старших классах отпустил лохмы до плеч и обходил парикмахерскую за три версты. Но время от времени директор школы отсылал его из класса с категорическим приказом: «Нестриженным не возвращайся!» Добросердечная Татьяна Ивановна чуточку состригала концы волос — зато обильно прыскала одеколоном, что служило доказательством покорного выполнения директорского приказа.

Вернувшись в родной Путятин после долгого отсутствия, Фомин потряс Татьяну Ивановну молодецким видом, мундиром и погонами. Она и не надеялась, что он сядет в ее кресло. Все молодые путятинцы стриглись у нового мастера Люси, к Татьяне Ивановне ходили только старики и мелюзга. Однако Фомин сел в ее кресло. Татьяна Ивановна ужасно разволновалась и обкорнала его до безобразия. Это не помешало Фомину остаться ее верным клиентом, и она стригла его вполне удовлетворительно.

Но в прошлую пятницу Татьяны Ивановны в парикмахерской не оказалось.

— Ваш мастер болеет, — сочувственно прошептала

прекрасная Люся.— И не скоро выйдет. Собирается на пенсию — давно пора... Конечно, после Татьяны Ивановны вас может не устроить моя работа, — кокетливо продолжала Люся, уверенная в своем превосходстве, — но прошу вас, вы только попробуйте...

Фомину не понравилось, что она его так уговаривает. Его всегда настораживало повышенное внимание со стороны продавцов и работников службы быта, нервная суетливость или слишком бурная радость по поводу появления сотрудника милиции. Но не будешь же ходить нестриженным.

Сидя в кресле и не очень-то вслушиваясь в болтовню Люси о сказочных доходах Валерия Леонтьева, Фомин увидел в левой створке зеркала нетерпеливо подрагивающую ногу. Бело-голубая кроссовка «Адидас», голубой вельвет джинсов. В коридорчике перед мужским залом ожидал своей очереди Джека Ключев, руководитель ансамбля «Радуга».

«Что я знаю про Джеку Ключева?» — спросил себя Фомин.

Оказалось, он знал не так-то мало.

Джека начал свой путь к славе в школьном ансамбле «Юность». Путятин переживал тогда музыкальный бум. На каждом краю города тренкала и пела своя группа. «Каскадеры», «Инопланетяне», «Анжелика», «Примус»... Знаменитый в Путятине мастер Витя Жигалов был завален заказами на электрогитары. Считалось, что жигаловские электрогитары не уступают мировому стандарту.

Самодельные электрогитары наводили Фомина на грустные размышления. Откуда берутся детали, которыми не торгуют в Путятине? К тому же Фомин понимал, что на самоделках музыкальный бум не остановится. Каждый ансамбль мечтает о настоящих покупных инструментах.

В размышлениях, куда может завести ребят электромузыка, Фомин руководствовался своим опытом голубятника. Мальчишка начинает с простых сизарей, а потом не умеет себя удерживать. И пошло-поехало... Одних продал, других купил, третьих заманил и в конце концов докатился до кражи, до Уголовного кодекса.

Два ансамбля законно обзавелись покупными инстру-

ментами и всей полагающейся аппаратурой. Первый комплект, полученный путятинским универмагом, перехватил директор ПТУ для своего ансамбля «Радуга». А второй достался школе для «Юности», где всем заправлял Джека Ключев, хотя официальным руководителем считался молодой учитель Олег Сергеевич.

Между школой и ПТУ существовали давние контры. Страсти кипели на футбольных матчах и на районных смотрах самодеятельности. Но такого соперничества, как между «Юностью» и «Радугой», Путятин еще не видывал. Все юное население города раскололось на два лагеря — одни за «Юность», другие за «Радугу».

И тут случилось то, что Фомин предвидел и ожидал. Джека Ключев кончил десятый класс и, несмотря на протесты своего отца, всеми в городе уважаемого врача-педиатра, поступил в ПТУ, в группу наладчиков. Впрочем, ходили слухи, будто директор ПТУ клятвенно обещал Джеке: «Никакой наладкой станков заниматься не будешь. Только «Радугой».

Одним ударом «Юность» лишилась блистательного гитариста, певца, поэта, композитора, а «Радуга» обрела нового перспективного руководителя. Джека сразу засадил ребят из ансамбля за серьезные музыкальные занятия. У него открылся и коммерческий талант — «Радуга» выступала за плату в городском парке и в колхозных клубах.

«Портят парня», — размышлял Фомин, наблюдая в зеркале нахально раскачивающуюся ногу в голубом вельвете и бело-голубой кроссовке.

Фомин помнил Джеку Ключева примерным мальчишкой, самым одаренным учеником Путятинской музыкальной школы по классу рояля. На отчетных концертах Джека, то есть тогда Женья Ключев, выходил в белой рубашечке с голубым бантом и бойко отстукивал на рояле пьески собственного сочинения.

От наблюдений за Джекой, вернее, за его ногой, отраженной в левой створке зеркала, Фомина оторвали загадочные действия, возникающие с другой стороны. В правой створке отражалась дверь, ведущая в подсобные помещения парикмахерской, откуда, как знал Фомин, имелся черный ход во двор.

Дверь стала поминутно приоткрываться, кто-то пода-

вал Люсе призывные знаки. Фомин разглядел очки в металлической оправе и сивую бороду.

— Вас зовут,— сообщил он Люсе, упорно не замечавшей призывных знаков. Или притворявшейся, что не замечает.

Люся удивленно пожала плечами, отправилась в подсобку, пробыла там считанные секунды и вернулась, плотно прикрыв за собою дверь. Фомин понял, что деловой разговор в подсобке состоится после его ухода.

Наконец Люся завершила свои труды над головой Фомина, занятой уже другими, далекими отсюда мыслями. Из коридора, где ждал своей очереди Джека, слышался одобрителный возглас:

— Люси! Ты превзошла себя! Отличный скальп!

Фомин вздрогнул и поглядел в зеркало. В самом деле скальп! Он не узнал свои родные волосы. Они стали шедевром парикмахерского искусства.

Такую работу совестно уносить домой. Хоть снимай с себя голову и оставляй здесь для украшения витрины.

— Не нравится? — кокетливо прошептала Люся.

— Блеск! — с фальшивым восторгом произнес Фомин, прикидывая про себя, куда завернуть по дороге, чтобы ликвидировать немислимую красоту.

За шедевр ему пришлось заплатить ровно столько, сколько с него брала Татьяна Ивановна за свою немудрящую работу. Люся категорически отказалась взять с Фомина хоть на копейку больше. За их препирательством с усмешкой наблюдал Джека, плюхнувшийся по-свойски в кресло перед зеркалом.

— Ну-ка давай отсюда! — Люся бесцеремонно выставила звезду эстрады в коридор и умоляюще поглядела на Фомина.— Николай Палыч! Одна малюсенькая просьба.— Для убедительности она прижала руки к груди, и Фомин уставился на золотое колечко, засверкавшее фиолетовыми искрами.— Нравится? — прошептала Люся.— Аметист...

Фомин чуть не спросил: «Когда купили? А чек имеется?»

Никакой просьбы у Люси не было. Она завела Фомина в подсобку и раздраженно бросила прятавшемуся там старику:

— Вот тебе милиция, дядя Проша, а я пошла, меня клиенты ждут...

Теперь Фомин узнал старика. Прокопий Лукич Смирнов. Живет на Парковой улице, в собственном доме. Лет ему не так уж много, а на вид благообразный старец, борода лопатой, седой венчик вокруг лысины.

Когда-то Лукич ходил с палочкой и в валенках с калошами чуть ли не круглый год. Считалось, у него больные ноги, ревматизм. По слабости здоровья Лукич служил на фабрике вахтером.

Потом вахтер Смирнов оказался причастным к краже ситца с фабричного склада — ситец среди бела дня вынесли через проходную. Каким-то образом Лукичу удалось выкрутиться. С фабрики его, конечно, уволили, и он устроился грузчиком на железную дорогу.

Ревматизм у Лукича к тому времени исчез. Он хвастал, будто вылечился сам, припарками из трав. Вранье, конечно. Однако, еще будучи вахтером, Лукич приторговывал на рынке мятой, душицей и зверобоем. А по бесплатному железнодорожному билету он стал ездить со своими травами в Москву. Обтерся там, кое-чему подучился и в корне переменял образ жизни. Отрастил бороду, научился говорить мудренными словами, увесил дом иконами, раздобыл старинные книги и открыл прием больных. Знахари-травники сейчас в моде, и народ к Смирнову повалил валом. Из самых дальних краев.

Все это Фомин припомнил, пока благообразный старец извлекал из внутреннего кармана старомодного, добротной ткани пиджака кожаный бумажник с монограммой из желтого металла, очевидно золотой.

— Извините, что побеспокоил столь необычным путем. Узнал от племянницы, когда вы здесь бываете, и вот...— Знахарь выудил из бумажника сложенный вчетверо тетрадный листок.— Прошу ознакомиться. Намедни обнаружил в почтовом ящике. Идти в милицию не имею смелости: за мною следят.

«Артист,— отметил про себя Фомин.— Намедни... Специально вкручивает словечки».

На тетрадном листке в левом верхнем углу красовалась зловещая эмблема пиратов и бдительных электриков. Череп и скрещенные кости... Фомин чуть не расхохотался в лицо знахарю. Нашел чего испугаться!

Текст записки и старательный школьный почерк вполне соответствовали рисунку:

*В субботу вечером положите 1000
рублей в почтовый ящик дома 25. Не
пытайтесь жаловаться в милицию.
За вами следят.*

Фомин повертел листок и так и сяк. Подписи никакой.

— Глупая шутка,— уверенно заявил он.— Дурацкий розыгрыш. А вы, взрослый человек, поверили...

— Я надеюсь, что правоохранительные органы примут меры,— с достоинством произнес знахарь.

— Поймаем,— неуверенно обещал Фомин.

Знахарь достал клетчатый носовой платок, вытер пот со лба и нервно скомкал.

— Это обещание меня не устраивает. Я прошу у милиции защиты!

«Не играет! — решил Фомин.— Напуган по-настоящему...»

Никаких симпатий к знахарю он не испытывал. Но в данной ситуации знахарь был гражданином, обратившимся за помощью.

— Моя жизнь в опасности. Если я им тысячу не выложу, меня убьют. А где я возьму такие деньги?

— В записке не сказано, что убьют,— увещевал Фомин.

— Дом спалят... Где я приткнусь на склоне лет?

Трусость знахаря внушала отвращение. Но Фомин продолжал задушевное собеседование.

— Идите домой и не беспокойтесь. Валерьяновый корень у вас есть? Очень помогает для успокоения.

— Валерьяновый корень у нас не произрастает,— уныло отвечал знахарь.— А травам из аптеки я, извините, не доверяю. И вам не советую. Мои запасы к вашим услугам. При стрессах я бы рекомендовал пустырник и душицу.— Фомин сделал вид, будто слушает с огромнейшим вниманием, и знахарь воодушевился.— Людям вашей профессии необходимо лечить нервную систему. У каждого организма свои потребности. Люди привыкли пить валерьяну и проходят мимо таких прекрасных средств, как синюха и марьян корень.

Фомин не собирался лечиться травами. Он вообще никогда не болел. Но плавная речь знахаря его заинтересовала. Фомин использовал представившуюся возможность, чтобы понять, какими приемами Лукич околпачивает доверчивых клиентов.

Участковый инспектор из Крутышки докладывал на летучке в городском управлении, что неоднократно пытался пресечь деятельность знахаря, показывая ему в Уголовном кодексе 221-ю статью — незаконное врачевание. Но Смирнов предъявил в качестве возражения собранные в папку газетные статьи в защиту народной медицины. Затем он сказал, что если на рынках разрешают торговать грибами и клюквой, то, стало быть, дозволены к продаже и другие дары природы, собранные своими руками. И в заключение знахарь воздел руки к небу: «Люди ко мне едут за исцелением. Благое ли дело отправить их восвояси с разрушенными надеждами!»

Получив такой квалифицированный отпор, участковый тоже занялся собиранием газетных статей — но не тех, что защищали лекарей, травников, а других, где разоблачались невежественные врачеватели. Увы, все статьи с разоблачениями неумолимо свидетельствовали, что знахарей-травников развелось много, а привлечь их к уголовной ответственности удастся с великим трудом.

«Хитер старик,— размышлял Фомин под степенную речь знахаря о сроках сбора целебных трав, о том, что коренья и болотное зелье лучше всего брать на Симона Зилота, двадцать третьего мая, а мяту и сереборинный цвет в Иванову ночь, седьмого июля.— Да, хитер... С участковым у него отношения испорчены, вот и пришлось поддавливать меня... Но почему такой прожженный жулик принял всерьез записку, написанную детским почерком да еще с дурацким черепом в углу?...»

Задавать этот вопрос напрямую Фомин не собирался.

— Почему в записке назван дом двадцать пять? — спросил он знахаря.— Вам известно, кто там живет?

На морщинистом лбу высыпали капли пота, знахарь смахнул их скомканным платком.

— В том-то и дело... Никто не живет... Пустой дом... То ли ломать собираются, то ли ремонтировать. Дом не частный, принадлежит автобазе. Жильцы полгода как съехали. Ночью мимо идешь — мурашки от страха.

Вроде бы кто смотрит из окон. А сегодня я шел и думаю — дай погляжу, где там место для денег. В самом деле, висит на дверях почтовый ящик. Вместо замочка провололочкой снизу закручен. И до того мне жутко стало! Спинной чую — следят...

Фомин поглядел на трясущиеся губы знахаря. Деньги у него, конечно, есть. И вся улица знает, сколько народу к нему ходит и почему он берет. Автора записки надо искать где-то по соседству.

— Ладно...— Фомин сложил записку и спрятал в карман.— Будем заниматься вашим делом без промедления.

Он уже решил, что нет смысла докладывать начальству о дурацкой записке. Пока хватит и дружинников. Вообще-то этим делом должна бы заняться Нина Вороханова, инспектор по делам несовершеннолетних. Но зачем портить ей субботний вечер. Нину можно подключить потом.

— Значит, план операции таков,— принялся объяснять знахарю Фомин.— В субботу вечером, часиков в девять, вы выходите из дома и кладете конверт в указанное вам место. Не забудьте сунуть в конверт пачку бумаги, нарезанной в формате денежных купюр. И не бойтесь — мои люди будут сидеть в засаде. Но для виду оглядывайтесь с опаской. А затем возвращайтесь домой и на улицу больше не выходите, даже если услышите шум. И можете не сомневаться, что тот, кто придет за конвертом...— Фомин сделал выразительный жест, а затем в лучших традициях детектива отвернул рукав, поглядел на часы и отчеканил: — Сейчас я уйду двором первый. Ваш уход — через пять минут.

Одной минуты хватило Фомину, чтобы ликвидировать под краном во дворе шедевр, сотворенный руками прекрасной Люси.

IV

Начальник Путятинского ГУВД Петр Петрович Налетов с утра наработался в саду и присел отдохнуть на скамье возле куртины георгинов. Заветное его местечко. Домочадцы в поисках Петра Петровича прежде всего кидались сюда.

Вчера Петр Петрович вынул из почтового ящика

открытку, машинально отметив, что штемпеля нет, открытка доставлена не почтой, а кем-то из актива общества садоводов и цветоводов. На воскресенье назначена городская выставка цветов. Тов. Налетова П. П. приглашают принять участие. «Надеемся увидеть Ваши прекрасные георгины».

Они все еще надеются...

Петр Петрович знал, что его георгины и в самом деле прекрасны. Лучшие в городе. Да что там Путятин! Георгины Петра Петровича и на всесоюзной выставке взяли бы первый приз!

Но опять — как и в прошлом году, и в позапрошлом, и во все прежние годы — Петр Петрович оказался в полной растерянности. Разумеется, он — как и любой цветовод — рад бы увидеть торжество своих любимцев. Но... Служба обязывает! Не очень-то удобно начальнику городской милиции выставлять на обозрение публики свою фамилию в сочетании с цветами, пусть даже такими серьезными и строгими, как георгины. У фамилии начальника милиции должен быть только служебный смысл.

Еще одна причина ежегодных отказов Петра Петровича от участия в выставках составляла тайну, тщательно оберегаемую даже от домочадцев. Цветы на выставку надо принести срезанными. Только так. И значит, придется ради собственного тщеславия занести нож и срубить голову вот этому розовому — «Диадеме»! И снежно-белому — «Зимней сказке». И самому своему любимому — «Пламенному». Нет, никогда!..

Петр Петрович восхищался цветами, но букеты... Букеты он ненавидел. Наследственная черта. Славу налетовских георгинов начал создавать его отец, тоже служивший в милиции, но на должности совсем не боевой, начальником паспортного стола. Отец любил повторять: розами можно любоваться в вазе, георгинами — только в саду.

Вся путятинская милиция к увлечению Петра Петровича относилась одобрительно. Начальству положено иметь какую-нибудь слабость. Это облегчает жизнь коллегам.

«Но все-таки... Может, решиться наконец и выставить моих красавцев? — спросил себя Налетов и сразу же дал категорический ответ: — Нет! Пускай живут!..»

Ему казалось, что «Пламенные» сегодня особенно хороши. А Киселев еще смеет утверждать, будто этот цвет подходит только астрам. Нашел с чем сравнивать! Куда там щуплым астрам до высоких и статных георгинов!

— Петр Петрович! — слышалось от дома. — Вы где?

По дорожке, усыпанной толченым кирпичом, молодецкато вышагивал Егоров из областного управления. Судя по его загадочному лицу, с какими-то важными новостями.

— Красотища тут у вас! — восхитился Егоров и протянул руку к самому статному, самому гордому из «Пламенных».

Петр Петрович и ахнуть не успел. Гордая голова скапталась с плеч.

— А они, оказывается, не пахнут... — разочарованно произнес капитан Егоров, засовывая в петлицу спортивной куртки загубленный безвозвратно шедевр природы.

У Налетова вертелись на языке самые злые слова, но вслух он заговорил с провинциальным радушием:

— Давненько не виделись. Вы с дороги? Проголодались? А я как знал — еще не завтракал.

От завтрака Егоров не отказался.

— Я к вам ненадолго. Искал Фомина, но он куда-то запропал. — Егоров и не догадывался, какую жестокую рану нанес Петру Петровичу, держался, по обыкновению, уверенно, не пряча своего истинного отношения к районным детективам. — Надеюсь, Фомин в мое отсутствие не вышел за границы данных ему поручений?

— Фомин выехал в глубинку, — сообщил Налетов.

Ответ вполне точный и правдивый. Именно в глубинку и заслал сегодня Фомина Петр Петрович. В самую глушь, в лес, где Фомин сейчас наверняка всерьез занялся воспитанием своего слишком активного общественного помощника.

— Впрочем, он мне не так уж и нужен, — небрежно проронил Егоров. — Все вопросы я предпочитаю решать с вами.

Налетов старательно обходил взглядом алый цветок в петлице куртки Егорова.

— Я передам Фомину все ваши указания. Не вижу причин отстранять его от дела.

Егоров чуточку смутился.

— Нет, пусть занимается. Тем более что заниматься осталось недолго.

На террасе, выходящей в сад, их ожидал накрытый стол.

— Быстро у вас! — сказал Егоров.

— Семья работника милиции всегда в готовности номер один. — Петр Петрович подвинул гостю салат, сковородку с яичницей и собственноручно заварил чай.

Оказалось, Егоров прибыл в Путятин прямым из энской исправительно-трудовой колонии. Уплетая яичницу, он подробно расписывал, как наконец вышел на эту колонию. Как туда добирался самолетами и поездами. Нарочно оттягивал самое главное — что удалось там разузнать.

«Умеет себя подать! — отметил Налетов. — Надо обратить внимание Фомина — пусть поучится, как это делают. А то принесет ценные сведения — и бух, валит прямым...»

Если отбросить все несущественные детали, которым Егоров придавал многозначительность, новости оказались дельными.

В энской колонии отбывал свой срок много раз осужденный Левчук Григорий Анисимович по кличке Гриня.

Полгода назад туда же попал бывший осматрщик вагонов со станции Путятин Сухарев Виталий Дмитриевич. Сухарева судили за хищение железнодорожных грузов. Он намечал себе вагон с чем-нибудь ценным и устраивал так, чтобы вагон из-за неисправности загоняли в тупик.

Гриня бежал из колонии за пять дней до той злополучной субботы, когда был ограблен путятинский универмаг.

Сухарев, вызванный на допрос, признался Егорову, что никакой дружбы с Гриней у него не было. Один только страх. Надо было чем-то откупаться. Другие заключенные платили дань Грине деньгами и продуктами. А Сухарев поведал ему про подвалы путятинского универмага.

Тайна старинных торговых рядов досталась Сухареву по чистой случайности. В Путятине его соседом по дому

был одинокий старик. В биографию старика Сухарев не вникал. Вроде бы тот еще до революции служил приказчиком у какого-то купца. По версии Сухарева, старик открыл ему тайну в благодарность за доброе отношение: то хлеба ему купишь, то еще чего-нибудь.

Сначала Сухарев не принял всерьез стариковскую болтовню. А потом как-то зашел в овощной магазин, и его попросили подсобить с разгрузкой. Переносили в подвал коробки с болгарскими консервами. Лампочка светила еле-еле, однако Сухареву удалось разглядеть в дальнем конце за грудой разбитых ящиков и бочек что-то похожее на нишу.

Дальнейшие действия Сухарева были таковы. Он подрядился отремонтировать лесенку, ведущую из подсобки в подвал, и получил возможность обследовать нишу. Старик не врал. Нашлась дверца, и за ней ход с кирпичным сводом.

Покидая подвал, Сухарев аккуратно замаскировал нишу. Вот, собственно, и все. Егорову он поклялся, что никогда и не помышлял о крупной краже, будучи по природе робким жуликом, способным только на мелкие хищения из вагонов.

— Ничего себе робкий! — заметил Налетов. — Тасил самое дорогое, пломбы обратно навешивал — только опытный эксперт отличит от настоящих.

Конечно, Сухареву можно было в чем-то верить. И в чем-то нет. Старик, живший с ним по соседству, давно умер — уже не установишь, от него Сухарев узнал про подвалы или от кого-то другого, которого не хочет называть. На умершего можно все свалить. А с тем, другим, Сухарев, вполне вероятно, готовил ограбление универсама.

— Я уверен, что Гриня пришел на готовое, — сказал Егоров. — Слишком короткий промежуток отделяет день побега и день ограбления. Всего пять суток. Гриню в Путятине ждал сообщник Сухарева. И кстати, без такого опытного рецидивиста золотого дела не провернешь. У Сухарева и кого-то нам неизвестного вряд ли имелись каналы сбыта. Им позарез требовался такой, как Гриня, имеющий связи с перекупщиками золота...

«Очень эффектно, — подумал Налетов, — но слишком шикарно для Путятина. И для Сухарева сложно. Так можно дойти до предположения, что он нарочно отхватил

восемь лет лагерей, чтобы встретить Гриню и прислать в Путятин...»

Еще Налетов подумал о неизвестном сообщнике Сухарева. Мог быть кто-то. Но не обязательно они с Сухаревым собирались красть золото. Могли нацелиться на что-то другое.

Излагать Егорову свои слишком простые соображения Налетов не стал. Не лучше ли послушать, каков у него дальнейший план действий.

На стол перед Петром Петровичем легла фотография мрачного детины. Ее надо размножить и раздать. Прежде всего участковым. Пусть поспрашивают местное население, случилось ли кому видеть такого, где и с кем. Любая, даже самая малая информация о Грине может дать ниточку к его сообщнику.

— Старыми связями Грини я займусь сам, — деловито продолжал Егоров. — Брать его придется не здесь. На встрече с покупателем золота. Чтобы все побрякушки были при нем. Быстрый сбыт краденого в его характере. Не умеет выждать, затанцовать... — Егоров дал понять, что насчет предполагаемых скупщиков золота у него уже налажен контакт с московским угрозыском, и перешел к задачам путятинской милиции. — Фомин пусть отвлекает внимание преступников на себя. Дело в том, что к расследованию подключается капитан милиции Куртикий из областного угрозыска. Он будет жить в Путятине под чужим именем. Об этом Фомину знать не обязательно. Его задача изображать бурную деятельность, словом, создать лишний шум. А Рудик Куртикий уже здесь, в Путятине. Паспорт у него на имя Арутюна Бабкеновича Назаретяна. Прибыл из Краснодара, привез помидоры. Какие-то подростки околачивались возле рынка, он с ними сталкивался насчет разгрузки. Главного зовут Ханя.

— Известная личность, — пояснил Налетов. — Павел Рыжиков.

Рудику Куртикийу сказочно повезло в Путятине с первых шагов. Требовалось сыскать для помидорного короля Арика Назаретяна приличную комнату недалеко от рынка, и Ханя привел его к той самой хозяйке, у которой снимал комнату Сухарев. Помидорный король, не торгуясь, заплатил за полмесяца вперед. И уже успел узнать, что где-то в Путятине существует бывшая ма-

стерская Сухарева. Моторную лодку у Сухарева по суду конфисковали, мастерскую упустили из вида...

Налетов крикнул от досады. Действительно, упустили. Не мастерская, конечно. Будка из фанеры на берегу Пути в компании таких же кое-как сколоченных будок. Но ведь был там весь необходимый владельцу моторки инструмент... И мог быть газорез...

Налетов не стал оправдываться, что дело Сухарева вела железнодорожная милиция. Кто бы ни вел... За все, что находится в Путятине, отвечает городское управление.

— Связь Рудик будет держать только с вами, — инструктировал Егоров. — Для него удобно, что вы живете в отдельном доме. Но приход сюда — крайний случай. Рудик будет звонить по телефону, я ему дал оба ваши номера — служебный и домашний... — Егоров поморщился и добавил: — Фомина все же поставьте в известность. Чтобы он случайно не полез в дела Арика Назаретяна.

«Ничего, — подумал Налетов. — Будет и на нашей улице праздник. Мы еще поглядим, как вы запоете у себя в областном управлении, когда Фомин назло вам разыщет грабителей. Да таких, о которых вы и не подозревали...»

Наивные беспочвенные мечты! Налетов раньше и не знал, что он на это способен. Вернувшись с небес на землю, он уныло сказал себе: «Нет, не обскакать Фомину мастеров своего дела — энергичного Егорова и везучего Рудика. Ведь надо же... Проник в тот самый дом...»

В каждом тихом провинциальном городе непременно сыщется хоть один подозрительный дом. Не притон, не воровская хаза, но милиция за ним приглядывает особо. А жильцы такого дома, в свою очередь, живо интересуются деятельностью милиции и знают всех ее сотрудников поименно и в лицо.

Путятинский подозрительный дом находился неподалеку от станции, на улице, носившей странное для русского города название Эльдоратовская. Этим названием короткая улица была обязана некогда процветавшему трактиру «Эльдорадо». После революции трактир прекратил свое существование, но дурная репутация двухэтажного кирпичного дома сохранилась. Сменялись жильцы, однако получалось так, будто кто-то нарочно

сел здесь самых непутевых. И если в этом доме освобождалась комната, горсовету не удавалось вручить ордер на нее приличному человеку. «Куда угодно, — говорил приличный человек, — но только не на Эльдоратовскую». И в конце концов подозрительный дом получал еще одного ненадежного жильца. Так было, когда отец Налетова заведовал паспортным столом, так осталось и по нынешнее время.

— И вот еще что, — сказал Егоров. — Предупредите ваших сотрудников — знахаря Смирнова не трогать, им займется Рудик. Есть сведения, что Сухарев был связан со Смирновым.

— Не возражаю, — Налетов наклонил голову. — Смирнов — фигура нам известная. Знахарь-травник, свой дом на Парковой, солидная кубышка, пациенты со всех концов страны. А раньше работал грузчиком на станции, с Сухаревым близких контактов не поддерживал, но о хищении из вагонов, безусловно, знал. Хитрющий старик. В прошлом за ним числится причастность к краже с фабричного склада, но сумел выкрутиться и с тех пор перекинулся на медицину.

Деловой разговор закончился, и Егоров взялся за ватрушки. Ел он — приятно поглядеть — с молодым и здоровым аппетитом.

— А у меня мать шаньги печет. Пальчики оближешь. Налетов подложил гостю еще ватрушку.

— Вы, значит, не женаты?

— Никак не получается... — Егоров печально вздохнул. — Только познакомишься с хорошей девушкой, начнешь подумывать о женитьбе — как снег на голову, достанется такое дело, что вспомнишь о невесте через полгода. А она уже замужем за другим. Так вот и живу до сих пор со стариками. Они у меня замечательные... Где-нибудь вдалеке от дома раскроешь свой командировочный чемодан, а там — шаньги. Мама успела положить в последнюю минуту.

Егоров и не догадывался, как много о себе сейчас рассказал начальнику путятинского городского управления. «Молодой, не расстался еще с романтикой. Ему бы только мотаться с поезда на самолет...»

Проводив Егорова, Петр Петрович позвонил дежурному управлению. Надо сегодня же обследовать будки возле лодочного причала, установить, которая принадле-

жала Сухареву, и проверить, что там находится. Все это проделать втихую, не привлекая к себе внимания.

V

Участковый Женя Журавлев прикинул в уме, что причал и скопище будок возле него отлично просматриваются с моста через Путю. Оттуда и начал. Ну, конечно, причал пуст, ни одной лодки. Ясное дело — суббота, все на рыбалке.

Без особых надежд Журавлев стал разглядывать, нет ли кого, колупающегося возле своей будки. Он понимал, что ни единой души там сейчас нет и быть не может. Иди и шарь сколько хочешь. Без риска, что привлечешь к себе внимание.

Но что толку? На будках не написаны фамилии владельцев. Попробуй определи, которая из них принадлежала ныне осужденному Сухареву.

«Всегда у нас так... — самокритично размышлял Журавлев. — То никому и дела нет до будок, то немедленно подавай сведения. А где я их возьму?! Вот если бы сейчас кто-то возился у себя в лодке... Тогда все просто: нагрянул участковый, объявил постройки на берегу незаконными, переписал фамилии владельцев... И никто бы не запаниковал. «Пиши, пиши! Мы тебя не боимся. Будки стояли и будут стоять. Надо же где-то хранить моторы и весла. А если горсовету не нравится наш самодельный причал, пускай оборудует общественный».

Журавлев благоразумно решил отложить осмотр причала и будок до вечера, когда народ потянется с рыбалки. И тут вдруг заметил двоих ребят. Чем они занимаются? Вроде бы жгут что-то... Ну паршивцы!..

С моста Журавлев видел только патлатые головы и сизый столбик дыма. Спустившись и подойдя ближе, участковый узнал обоих. Еще бы ему их не знать! Витю Жигалова и Ваську Петухова! Тихий, застенчивый Витя живет в Двудворицах, мастерит ребятам электрогитары. У Петухова раньше слава была — хуже некуда, но теперь его воспитанием занялся директор музея Киселев, и Петухова, говорят, не узнать. И еще говорят, будто Васька — правая рука частного детектива.

Ребята не слышали, как подошел участковый. А Журавлев остановился у них за спиной и прилип взглядом к

самодельному газорезу, яростно извергающему синее пламя.

На своем участке Журавлев уже обошел всех, у кого есть домашние мастерские. Не темнил и не пытался поймать на крючок. Спрашивал напрямую: «Газорез имеется? Прошу предъявить».

Осмотр длился недолго, потому что и невооруженным глазом видно — работали газорезом недавно или нет. Да и по запаху. Журавлев, как и полагается штангисту, а тем более чемпиону города, не курил и потому обладал тончайшим обонянием.

По всей Фабричной улице и по всему Парижу никто не сделал участковому заявления о пропаже газореза. Выносили и показывали — кто с ворчанием, кто благодушно: «На, удостоверься». Всем была понятна цель осмотра.

И Журавлев удостоверился. Оглядывал и обнюхивал. Никаких следов гари или недавней чистки, запахи самые застарелые — ржавчина и пыль. Только от одного газореза сильно несло каленым.

Газорез принадлежал слесарю с автобазы Репьеву, недавно купившему домишко в Париже. Раньше он со своей семьей жил в деревне, и в город Репьевы перебрались из-за дочки — такая маленькая, а болеет астмой, надо жить поближе к врачам. Рассказывая про болезнь дочки, Репьев упомянул свою недавнюю поездку с ней в Москву на консультацию к знаменитому профессору. Выходило, что в ночь ограбления универсама он был далеко от Путятина — чистое алиби. А газорез Репьев разжигал, когда чинил трехколесный велосипедик. Начал варить сам, потом передал резак сыну. Вот, поглядите, чистая работа, Ваня хоть сейчас может сдать на разряд...

С Ваней Репьевым участковому уже приходилось сталкиваться. Дело было так. В одном семействе, проживающем на Фабричной, мама обнаружила у сына в кармане фонарик, длинный и тонкий, как карандаш. «Где взял?» Сын уперся: «Не скажу». Мама побилась с ним, побилась и нажаловалась Журавлеву: «Примите меры!»

Журавлеву не раз случалось беседовать с родителями, не замечавшими появления в доме — неведомо каким путем! — более ценных вещей, чем какой-то импортный фонарик. Например, магнитофона, проигры-

вателя... Это у них называлось не укрывательством краденного, а уважением к личности подростка, к его самостоятельности. Однако большинство жителей Путьятина по-прежнему придерживалось исконных правил, в которые входила профилактическая проверка всех карманов у подрастающего поколения, а также всех классических мест, куда можно что-то упрятать от родительского глаза.

Журавлеву удалось довольно легко установить связь между появлением у мальчишки фонарика и исчезновением из его коллекции нескольких марок, самых ценных. На том бы и кончить. Слава богу, не украл — выменял. Но маме втемяшилось в голову, что в воспитательных целях следует разменять обратно марки и фонарик.

«Нам чужого не надо!» — твердила она участковому.

Мальчишка сдался и сказал, у кого находятся марки. И сам сбегал за бывшим владельцем фонарика. Но тот принес не марки, а несколько номеров французского журнальчика «Пиф»: «Пожалуйста, можете взять обратно». Оказывается, марки уже уплыли дальше в обмен на «Пифа».

Журавлев объявил, что на этом его миссия заканчивается. Но мама не успокоилась и отправилась на розыски. Через несколько дней она явилась к Журавлеву с мини-автомобильчиком болотного цвета. Участковый с большим интересом выслушал ее рассказ о странствиях по следу исчезнувших марок. След петлял по всему городу, мена солдатиками, иностранными монетами, значками... Энергичная мама убедилась, что обратный размен невозможен по причине его многосложности. А мини-автомобильчик она принесла участковому как свой боевой трофей. На этой вещице цепь обменов оборвалась.

«Нашел в кювете на Фабричной», — упрямо твердил Ваня Репьев на все расспросы энергичной мамы.

Эти же слова он повторил Журавлеву.

Опрошенные участковым соседи Репьевых сообщили, что на Ваню у них жалоб нет, он мальчик тихий, трудолюбивый, со старшими уважительный. Однако его уже видели с Ханей, а это до добра не доведет.

Чутье подсказывало Журавлеву, что мини-автомобильчик попал к Ване Репьеву не совсем честным путем.

«А ты хозяина пробовал отыскать?» — спросил участковый тихого мальчишка Ваню Репьева.

«Нет, — сказал Ваня. — Мы недавно сюда переехали, я еще никого не знаю...»

Журавлев не стал ловить мальчишку на вранье: мол, мне уже известно о твоём знакомстве с Ханей.

«Ладно, — сказал Журавлев, — тогда попробую поискать хозяина автомобильчика. Не возражаешь?»

Ваня не возражал. Только вздохнул грустно-грустно. И автомобильчик пока остался у Журавлева.

Окликнув ребят, Журавлев попросил выключить газорез, присел на корточки и потрогал оплавленный конец стальной полосы.

— Чистая работа! Но, между прочим, на производстве, чтобы управляться с такой штуковиной, сдают экзамен по технике безопасности. Ты, Жигалов, сам можешь без глаз остаться и Петухова покалечить.

Участковый взял в руки газорез и оглядел, обнюхал. Не новый, много раз был в употреблении. У Жигалова своего резака не было, и это значит...

«Это значит, что у меня в руках, быть может, тот самый газорез, которым вспорили сейф в универмаге. Грабителям ни к чему таскать его с собой после дела. Избавились, припрятали в укромном месте, а Жигалов случайно наткнулся. Что делает мальчишка, если ему попала такая находка? Берет себе, не раздумывая...»

Журавлев не торопился с расспросами. Вроде бы он тут не по службе, а так, заглянул на дымок.

— С огнем, ребятки, шутить опасно.

Васька виновато шмыгнул носом.

— А мы, дядя Женья, осторожно.

Журавлев засмеялся:

— То-то я вижу, ты ведро с керосином поближе к огню придвинул.

Васька исподволь поглядывал, куда Журавлев положит газорез, когда надоест вертеть в руках. Возле себя? Или возле Вити?

«Ишь ты какой, — подумал Журавлев, перехватив хитрый Васькин взгляд. — Жигалов-то прост, а с Петуховым надо быть начеку. Кто его знает, чему он успел научиться у своего Киселева!»

Газорез участковый положил точнехонько посередке между собой и Жигаловым. И продолжил беседу по противопожарной безопасности.

— Ты погляди, Жигалов, сколько вокруг тебя легко воспламеняющихся материалов. Доски, фанера, промасленные концы... Осторожный человек поставил бы рядом хоть пару ведер с водой. А ты позволяешь Петухову плескаться возле огня керосином.

— Ну да...— пробурчала знаменитый мастер.— Ему не позволишь...

Участковый полюбопытствовал:

— Что строите?

— Снегоход! — похвастал Васька.— Зимой покажемся!

— Сначала построй! — поддел Журавлев.— И научись водить!

Мини-автомобильчик был у него с собой в кармане. Журавлев вытащил и показал:

— Хороша игрушечка?

— Ух ты! — вырвалось у Вити.— Тоже собираете?

— Нашел.— По ответу участкового можно было понять: он не очень-то настаивает, чтобы ребята ему поверили.— Ну, как автомобильчик? Правится?

— Английский военный вездеход,— уточнил Витя.— Называется «Болотная крыса».

Тут и Васька не промолчал:

— Экстра-класс! Такие на земле не валяются!

«Что правда, то правда,— подумал Журавлев.— Такие игрушки на земле не валяются — существенная промашка со стороны Вани Репьева».

— Дорогая игрушка,— согласился он.— А если, к примеру, сменять «Болотную крысу». Что за нее дадут?

Жигалов долго скреб макушку, пытаясь что-то припомнить, и спросил Петухова:

— Максик на что свою сменял?

Васька изобразил полное недоумение.

— Кому сменял?

— Ты что, не знаешь? — Витя вытаращился на Ваську: как это можно — не знать таких простых вещей! — Максику за «Болотную крысу» давали «Феррари» и в придачу «Татру» с «Волгой», — принялся объяснять Витя.— А Максик...

Но тут Васька резко перебил простодушного мастера: — Первый раз слышу!

Витя так и застыл с раскрытым ртом.

Участковый понял, что чутье его не обмануло. С «Болотной крысой» что-то не в порядке. Но больше ничего у ребят не выведаешь. Ладно, и этого пока хватит. Значит, английский вездеход высоко ценится у тех, кто коллекционирует автомобильчики. И когда-то «Болотная крыса» принадлежала Максику Галкину. Есть над чем помозговать на досуге.

— Весело тут с вами, но мне пора...— Журавлев встал и потянулся.— А с огнем все-таки шутить опасно.

— Мы осторожно,— обещал Витя.

— «Осторожно»...— передразнил участковый и поставил ногу на газорез, отряхнул выпачканную в пыли брючину, потом другую ногу поставил, другую брючину выколотил.— Даже не знаю, как с вами быть...— На Петухова он не глядел, только на простодушного Жигалова.— Газорез не игрушка. Откуда он у тебя? Чей?

VI

На причал Витю Жигалова привел сосед, заядлый рыбак. Что-то разладилось в моторе старенькой «Казанки», никто не брался ремонтировать, Витя провозился два дня, и мотор заработал как часы. По этому случаю на причале собралось множество народа, и владелец «Казанки» произнес прочувствованную речь:

— Мужики! Вы этого мальчика видели в деле — золотые руки! Если кому помощь понадобится, он не откажет.— При этих словах Витя согласно кивнул, и владелец «Казанки» продолжил свою речь: — Мужики! Из вас никто будку Сухарева занимать не станет. Пускай малец временно пользуется. Его из дома гонят, не дают заниматься техническим творчеством...

Витю из дома не гнали, но пилили ежедневно: «И так тесно, а тут ты со своими гитарами... То лаком воняет, то припоем...» Поэтому он поколебался немного и опять кивнул. У него уже глаза разгорелись на фанерную будку — можно поставить на крыше ветрячок силой в одну лампочку и работать по вечерам при собственном электрическом освещении.

— А чего,— сказали мужики,— будка бесхозная, можно отдать мальцу. Созовем общее собрание и решим.

Но на общем собрании, в котором участвовали все владельцы лодок, вдруг выяснилось, что на бесхозную будку имеется еще один претендент. Киномеханик из «Салюта» Гена Шашуров, оказывается, еще полгода назад приносил кому-то свое письменное заявление. За Гену горой стояли молодые владельцы лодок. Но Витин сосед сумел их подкузывать:

— Знаем мы вас! Хлопочете, чтобы Шашуров вам билеты в кино доставал.

В результате старшее поколение проголосовало за Витю.

— Шашуров может и сам будку поставить. А сухаревскую надо отдать мальцу, мы его знаем. Только ты, друг, держи инструмент в сохранности.

Витя потом поглядел, за какой инструмент они беспокоились. Смех и слезы! Отвертки не каленые, напильники стертые, пассатижи скособоленные, газорез уродливый, глаза бы не глядели...

Если вещь сделана кое-как, топорно — она и в работе плоха. Хороший инструмент должен выглядеть красиво. И вообще любая вещь, если делал настоящий мастер, отличается красотой. Все равно какая. Электрогитара. Кастрюля. Газорез. Табурет...

Перебравшись в будку на причале, Витя первое время не принимал никаких заказов. Мастерил ветродвигатель. А потом заявил, что вообще больше не будет заниматься электрогитарами. Это для него пройденный этап. По городу пошли слухи, что Жигалов трудится над новым изобретением. А над каким — тайна! Мастер этих слухов не опровергал. Хотя в мыслях у него было совсем не изобретение. Витя ждал условленного сигнала от Джеки Ключева.

О великий Джека! Его предложение мгновенно покорило мастера Витю Жигалова.

— Пойдешь ко мне в ансамбль? — спросил Джека. — Я тебе предлагаю заведовать технической частью, всей аппаратурой. И у нас не будет никаких самоделок. Ничего отечественного — только импортное, изготовленное лучшими фирмами Италии, Японии, ФРГ...

Простодушный Витя не спросил, на какую валюту Джека купит заграничные инструменты и аппаратуру. Мастер верил, что Джека все может — стоит только захотеть.

— У тебя талант,— ласково говорил Джека мастеру. — А талант обязывает. Обидно будет, если наш Путятин не даст в твоём лице крупнейшего конструктора музыкальной техники, если вместо этого у нас появится еще один дядя Вася, сшибающий по мелочи в своём частном автосервисе.

Нет, повторить путь дяди Васи — ни за что! Дядя Вася много чего умеет, но кто в Путятине относится к нему с уважением? Считают халтурщиком. Заглох технический талант дяди Васи по его собственной вине.

— Я предлагаю тебе путь к славе! — говорил мастеру Джека. — У тебя будет своя лаборатория, свой институт. Здесь, в Путятине!

Вот это Вите понравилось — нет, не слава! Своя лаборатория! Свой институт, завод!..

Он видел в мечтах светлое здание, сплошь из стекла, и себя в белом комбинезоне. Все вокруг сверкает и переливается. Станки под управлением роботов, музыкальные инструменты его собственной конструкции. «Красота,— объясняет Витя своим сотрудникам в белых комбинезонах,— это и есть наивысшее техническое измерение...»

Но прежде чем приступить к самостоятельному конструированию совершеннейших синтезаторов и органов, придется, конечно, изучить, чего достигли лучшие зарубежные фирмы. Витя решил, что займется этим вплотную, как только в его ведение поступит все, что Джека купит для «Радуги».

В ожидании, когда Джека позовет его распечатывать фирменные картонные коробки, Витя мыкался и страдал от безделья.

Васька Петухов поглядывал на Витю вприщур, и в Васькиных хитрых глазах сверкали зеленые искры: это был как раз тот случай, который нельзя упустить.

Прошлой зимой Васька с завистью смотрел на самодельные снегоходы. Почему бы им с Витей не построить такую самоделку на двоих?

Просить и кланяться Васька не любил. Глупое дело — сразу попадаешь в зависимость. Есть другой путь —

просьба преподносится как великодушное предложение помощи и поддержки.

Мастер страдает от безделья? Вот и прекрасно! Васька его спасет — предложит совместную работу. Техническая сторона дела возлагается на Витю Жигалова. Снабжение Васька берет на себя.

Для начала он спустился в монастырские подвалы и выволок оттуда скелет мопеда и новехонькие стальные полосы неизвестного происхождения. Уже есть для будущего снегохода рулевое управление и материал на сани.

Откуда возьмется все остальное, а главное — мотор, Васька представлял себе очень неопределенно. Ладно, откуда-нибудь возьмется. Лишь бы начать!

Васька рассуждал как истинный путятинец. А путятинец, возмечтав, к примеру, о строительстве дома, не откладывал дела на долгий срок, чтобы накопить достаточно денег. Путятинец брался за лопату и начинал рыть выемку под фундамент. Тем временем удавалось купить кирпич и цемент. Начинали расти стены, но с деньгами становилось все туже. Ничего — залезай в долги, учись быть плотником и каменщиком! Вот уже и стропила возведены — при всеобщем сочувствии и посильной помощи. Полежай наверх, делайся кровельщиком. А там, глядишь, можно звать на новоселье...

Витя тоже рассуждал как истинный путятинец. Снегоход — это можно. Он стряхнул с себя меланхолию — и за два дня сделал расчеты и чертежи. В общем, все получилось по Васькиному плану: ему осталось общее руководство, Вите — техническое исполнение. При таком раскладе кто начальник? Васька! Но он своим главенством не злоупотреблял. Когда Витя разжег газорез и начал кроить стальные полосы, Васька принялся за самую черную работу — развинтил останки мопеда и мыл ржавые части рулевого управления в керосине.

Вот тут-то и заявился Журавлев.

— Чей газорез?

— Бывшего хозяина будки.

Васька заметил, как напрягся участковый, когда Витя назвал фамилию прежнего хозяина будки. Посыпались вопросы. Где хранился газорез? Часто ли им Витя пользовался? Витя показал участковому, в каком углу будки лежал газорез, и дал честное слово, что раньше не пробовал резать металл, только сегодня первый раз. И очень

хотел показать все другие сухаревские инструменты: глядите, полный порядок. Но участковый другими инструментами не интересовался, только газорезом. Почему такой грязный? Витя покраснел и сказал, что собирался сначала раскроить стальные полосы, а уж тогда почистить чужую вещь и положить на место. И больше не трогать.

Журавлев еще побеседовал про опасность игры с огнем и ушел, прихватив с собой газорез. На земле сиротливо валялись готовые полозья для саней, а стойки Витя вырезать не успел.

— Завтра доделаем! — бодро заявил Васька. — Завтра я достану другой газорез.

Витя задумчиво поскреб макушку.

— Чего-то я напутал. Не тот угол показал дяде Жене.

У Васьки загорелись глаза.

— Почему не тот?

— Газорез раньше в дальнем углу лежал, а потом его кто-то переложил в ближний, к двери.

— Ну и что? — сказал Васька. — Не все ли равно. Наплевать и забыть.

VII

Мудрец должен остерегаться самого себя, как остерегаются неприятеля или разведчика. Володю всегда восхищал этот афоризм римского философа Эпиктета. Увы... Все умные люди горазды давать советы другим. Сами они попадают в простейшие ловушки.

— Шантаж и вымогательство! В нашем тихом Путятине! — Игра воображения захватила Володю и понесла. — Ты правильно сделал, что обратился ко мне! — возбужденно говорил он Фомину. — Подметное письмо, полученное знахарем, — всего лишь верхушка айсберга! А что в глубине?

Фомин изображал внимательного слушателя и втайне торжествовал: «Валяй, валяй! Фантазируй! Развивай дедушку, тренируй интуицию, ныряй под айсберг... А я тебе пока не скажу, что записка детская. С черепом и костями...»

— Знаешь, я бы все-таки начал с предположения самого рутинного, — продолжал Володя. — А что, если

ремесло знахаря служит пенсионеру Смирнову всего лишь прикрытием, ширмой?.. И кто-то проник в тайну знахаря...— Володя глубокомысленно примолк: Фоме трудно поспеть за таким стремительным полетом мысли.— Если существует тайна, шантажист не удовлетворится однажды полученной тысячей. Знахарь попадет на крючок, шантажист станет требовать все новой и новой дани.— Володя опять примолк, давая Фомину обдумать услышанное, и затем убежденно произнес: — Знахарь понял, что ему грозит. Потому он и обратился в милицию. Иначе какой смысл ему привлекать к себе внимание правоохранительных органов? — Володя вывел в воздухе огромный вопросительный знак.

Фомин затосковал: «Не надо было рассказывать Киселю про Смирнова. Письмо-то не шутка. Настоящий шантаж...»

Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы отбросить домыслы нахального детектива и вспомнить подлинные обстоятельства дела.

«Спокойно! — приказал себе Фомин.— Мало ли что он выдумает. Я своими глазами видел письмо. Детский почерк. Дурацкая шутка».

— И все-таки...— Володя принялся выводить пальцем еще один вопрос.— Почему Смирнов добивался встречи с тобой, а не с другим работником милиции?

«Ну и гусь! — возмутился Фомин.— Копают под меня. Мол, знахарь выбрал кого послабее».

Володя вывел крюк вопросительного знака, вlepил точку и тонко улыбнулся:

— Не кажется ли тебе, Фома, что знахарь весьма рассчитывал на мое участие в поимке шантажиста?

— Кажется! — обрадованно вскричал Фомин.

Он чуть не выдал себя, но ослепленный самодовольством Кисель ничего не замечал.

— Вот и ладненько.— Фомин посуровел.— Значит, переходим от разговоров к делу. Засаду на Парковой возглавишь ты.

— Засаду?! — У Володи перехватило дыхание.

— В помощь возьмешь дружинников,— энергично продолжал Фомин, не давая Киселю опомниться.— Впрочем, лишний народ в засаде ни к чему. Я бы тебе посоветовал взять одного, понадежней.— Фомин уже

прикинул, кого пристроить к Киселю. Веню Ророкина. Веня сумеет обдурить и не такого детектива. Так подстроит, будто все взаправду.— Значит, встречаемся вечером в штабе,— распорядился Фомин.— В девятнадцать ноль-ноль...— И возмечтал: «Пора бы появиться автобусу, не то придется вместе с Киселем сочинять план предстоящей операции. Во всех вариантах. Дурь всякую».

Везенье не покинуло Фомина. Только возмечтал — пожалуйста, катит автобус.

— Пламенный привет! — Знакомая ухватистая рука с черной каймой под ногтями подцепила одну за другой обе корзины Фомина, а затем и Володин пестерь.— Друзья встречаются вновь! — горланил дядя Вася, изображая самую тесную дружбу с родной милицией.— Специально занял для вас места!

Фомин много раз пытался пресечь восторги дяди Васи. Но безуспешно. Поэтому приходилось постоянно выслушивать от Налетова: «Дожили... У Фомина деятель частного автосервиса числится в активных помощниках милиции».

Фомин свирепо набылчился и потащил Володю подальше от назойливого умельца. Под ноги подвернулся увесистый чемоданчик. Знакомая вещь. Дядя Вася ездил не по грибы. В чемоданчике у него весь набор инструментов. Автосервис на дому.

«Надо бы и у дяди Васи проверить газорез,— подумал Фомин. И тут же сам себе возразил: — Воры где угодно могли взять газорез, но только не у него. Надо быть полным идиотом, чтобы в рисковом деле связываться с дядей Васей...»

У Володи чемоданчик интереса не пробудил. Володя неприлично уставился на пассажира, сидящего рядом с дядей Васей. Было что-то знакомое в лоснящейся физиономии, помятой шляпчонке, галстукe с серебряными нитями. Где-то Володя его уже видел. Но где? Никак не припоминалось.

И вдруг... Володя чуть не расхохотался. Кино! Вот где он множество раз виделся с этой сомнительной личностью. Так выглядят мелкие хозяйственники, снабженцы и коменданты в фильмах, идущих — упаси бог! — не в Москве — только в провинции.

Очевидно, Володя сделал какое-то движение, пре-

вратно истолкованное дядей Васей. Шустрый умелец привскочил как на пружинах.

— Разрешите вам представить — мой друг Маркин, начальник крупнейшей стройки. Будущий комплекс в Нелюшке — его детище.

Володя крепче обхватил пестерь, чтобы спастись от рукопожатия.

«Кого только не повстречаешь субботним днем в автобусе, курсирующем между Путятинным и сельской глубинкой, — философствовал Володя, пробираясь следом за Фоминным. — Тут и деревенские жители, и горожане, и разный пришлый люд...»

Утром, едучи этим же автобусом, Володя и не пытался приглядываться к пассажирам. Утром все досматривали свои сны. А сейчас — другая картина. В автобусе сплошной гомон. Про урожай, про семейные дела, про порядки в цехе... Наблюдательному человеку достаточно поездить изо дня в день путятинскими автобусами, послушать и позаписывать — вся местная жизнь как на ладони, все острейшие проблемы, все оттенки общественного мнения...

«А ведь это блестящая мысль!» — Володя ощутил легкое головокружение. Так рождаются крупные открытия. Где-то в подсознании. Он сейчас и не думал о социологии и вдруг открыл новый метод социологических исследований. Дешевый и общедоступный. Более точный, чем анкеты, заполняя которые люди не всегда искренни.

Но с кем поделиться своим важным открытием? Кто возьмется за внедрение в практику? «Что ж... — сказал себе Володя. — Придется взять проверку нового метода на себя. Детектив тоже отчасти социолог. Иной раз самая пустая болтовня может содержать крупницы ценнейшей информации».

И тут сквозь гомон прорезался голос, всегда восхищавший Володю. Такой четкости произношения нет больше ни у кого в Путятине — каждая буква звучит.

— Киселев! Вене зиси!

По зову этого голоса Володя всегда сразу же исполнял указание и только потом позволял себе подумать, что от него нужно. «Вене зиси» означало по-французски «идите сюда». Софья Авдеевна считала, что ее ученики и после окончания школы обязаны при встречах с ней практиковаться в языке Мольера и Бальзака.

Володя в школьные годы не блистал на уроках Софьи Авдеевны. И уклонялся от пения французских народных песен за уборкой класса, ссылаясь на отсутствие голоса и слуха. Но, став директором музея, он проклял свое школьное недомыслие. Пришлось потратить время на уроки иностранных языков по телевидению. К счастью, соседи купили цветной «Рубин» и не знали, куда девать старый «Рекорд». Они взяли с Володи чисто символическую цену — десять рублей. И объяснили, что не менее тридцатки придется вложить в починку: экран двоит, в кадре гуляет серая метель. Но Володя не собирался смотреть балет или футбол. А учебной программе метель не помеха. С помощью полуслеплого «Рекорда» он обнаружил у себя блестящие способности к языкам. И года не прошло, он уже свободно объяснялся по-французски, по-английски, по-немецки. И не какие-то там простые разговоры о погоде. Беседы об искусстве с тончайшими знаками, посещавшими скромный путятинский музей.

Из-за спины учительницы Володе заулыбался Боря Шумилин, секретарь комсомольского комитета школы. Софья Авдеевна указала на свободное место рядом с собой.

— Мерси! — Володя поискал глазами: где Фома? Ну, конечно, уже устроился с комфортом на чужих мешках с картошкой. — Мерси! — повторил Володя, усаживаясь. — Комман са ва?

В ответ на участливое «Как поживаете?» Софья Авдеевна стукнула кулачком по портфелю, туго набитому бумагами.

— Са ира!

Припев старинной французской революционной песни. «Са ира» дословно значит «это пойдет», то есть «мы победим».

— Же ву фелисит! — вскричал Володя. Это означало: «Я вас поздравляю!»

Он понял, откуда возвращаются Софья Авдеевна и Боря. Да уж, окончательный расчет старшеклассников с колхозом бывает непросто. Такое по силам только Софье Авдеевне. У нее свой метод деловых переговоров. Лингвистический шок. В подмогу берется кто-нибудь из лучших учеников. Беседа с председателем колхоза ведется, конечно, на понятном ему русском языке. Но между собой школьные представители переговариваются по-

французски. Председатель теряет уверенность — кто их знает, о чем они улаживают. И в результате представители школы одерживают победу.

Володе пришлось выслушать подробнейший рассказ о нынешних переговорах. Разумеется, на французском. О, магия языка бессмертного Александра Дюма! Препирательства между Софьей Авдеевной и колхозным глабухом звучали, как словесный поединок где-то в Лувре между д'Артаньяном и кардиналом Мазарини.

А Боря Шумилин просто молодец — бойко стрекочет по-французски.

Ах, Боря, Боря! Когда-то Володя возлагал на него большие надежды. Боря занимался в изостудии Дома культуры и мог часами торчать в музее, в зале знаменитого земляка художника Пушкина. А что, если Путятин даст миру еще одного крупного художника?! Боря получил доступ в кладовые музея, к эскизам и рисункам Пушкина, к альбомам с узорами ситцев.

Володю привлекали в мальчишке не только способности. Детство Бори напоминало ему собственные лишения и надежды. Именно такие трудные житейские обстоятельства способствуют формированию истинного таланта! Но в позапрошлом году Боря перестал ходить в музей, оставил изостудию. Володе он сказал, смущенно краснея, что пробиться талантом в наше время — пустой номер, засядешь на всю жизнь в Путятине. Это был явный намек на Володину судьбу.

«Не хочу разбрасываться», — заявил Боря. — Мне надо заниматься. По-настоящему. Без школьной медали я еще обойдусь. Но вступительные в институт должен сдать на пятерки». Он не сообщил, в какой институт собирается поступить. Может, и сам пока не решил. Но, конечно, это будет не областной педагогический, а престижный институт, откуда есть пути «наверх».

Что мог сказать Володя в ответ на такие речи? Только пожелать удачи.

Софья Авдеевна и Боря принялись рассказывать, что решили купить ребята на заработанные в колхозе деньги.

За Володиной спиной трещали без умолку две старухи из Крутышки. Обе глуховаты, говорят громко — не хочешь, а подслушаешь. Может, про знахаря посплетничают?

Старушечьи секреты оказались полной ерундой.

Какая-то их подружка встретила на кладбище черта. самого натурального. С рогами и хвостом. Старухи беззубо хихикали: «Ох, и вруша! Да кто ей поверит...»

Володя понял, что существование чертей старухи допускали. Но подружка явно не заслуживала доверия. Осудив подружку, они перешли на другую тему: красивые памятники нынче стали устанавливать, денег у народа — куры не клюют.

...В придорожной деревеньке осталась махать вслед автобусу женщина в кургузом ватнике, делающем ее короче и толще. Девчонка лет пятнадцати распихала чужие корзины, уселась на чей-то бочонок и сказала неизвестно кому:

— Как же! Будет он меня слушать. Дождись... — Девчонку, кажется, очень разозлил разговор, происшедший на прощанье. Разговор с матерью — фамильное сходство не вызывало сомнений, тоже коротышка. И увы, тоже не удалась лицом.

Меж тем девчонка покрутила головой, заметила Софью Авдеевну с Борей и радостно выпалила:

— Здравсьте вам! Ой, извиняюсь! Бонжурчик!

— Бонжур, ма шер, — сдержанно ответила учительница.

Боря отвернулся к окну.

Девчонка забеспокоилась и вытащила круглое зеркальце. Взглянула на себя и вмиг приободрилась. Ну и ну!.. Своей внешностью она, оказывается, вполне довольна.

Интуиция подсказывала Володе, что перед ним характер весьма неординарный. Правда, не из добрых. Кремень! А женщину украшает слабость. Но человек она надежный. И есть в Путятине кто-то, за кем ей велено присматривать. Ничего... Она присмотрит!

Софья Авдеевна и Боря заговорили о неприятной истории, случившейся летом.

— Бет нуар! — произнесла Софья Авдеевна. Чисто французское словцо, непереводаемая идиома. «Черный зверь». В том смысле, что личность крайне отвратительная.

Кто же это? Оказывается, тот самый Маркин. По аттестации дяди Васи — начальник крупнейшей стройки. А в действительности — бригадир шабашников.

Потом Володя услышал про какого-то Эдика, тоже

весьма подозрительную личность. Эдик приходил по вечерам к старшеклассникам, живущим в сельской школе. Среди шабашников у него друзей нет — потому его и тянуло к ребятам. Эдик вообще случайно залетел в бригаду интеллигентов, решивших подработать в отпуск. По его собственным словам, он — тунеядец, бич, шаромыжник. В разных краях таким дают разные клички, но суть одна. Можно еще называть богодульником, бомжем, ханыгой.

Понятно, что интеллигентные шабашники Эдику не компания. Они трудятся честно. Маркин уговорился построить кому-то в Нелюшке гараж для «Жигулей». Но шабашники отказались иметь дело с частником. У них договор с колхозом. Маркину помогал только Эдик. Его дело маленькое — подбросить на самосвале кирпич и раствор. А строили частный гараж трое ребят из девятого «Б». Маркин им платил по пятерке за вечер. При чем сразу: бери, заработал...

На комсомольском собрании все трое каяться не стали: «Мы заработали. Своими руками. Имеем право. И никто нам не запретит. Мы на картошке норму даем. А свое свободное время проводим как хотим!»

«Правильно! — закричали старшеклассники. — Имеем право зарабатывать!» Комсомольское собрание превратилось в экономическую дискуссию. «Почему школьникам платят в колхозе по другим нормам, чем шабашникам? Вкалываем, как взрослые!»

Вот, значит, в чем заключалась неприятная история. Учителя, разумеется, пришли в ужас. А Боря, как комсомольский секретарь, выступил против шкурных тенденций. Хотя ему-то свой заработок нужнее, чем другим, — у матери зарплата сто рублей.

...Рядом старухи из Крутышки тихо обсуждали свои проблемы. Искусственные цветы куда лучше, чем живые. Живые-то вянут, не напасешься. А возьми, к примеру, хризантемы из отходов пряжи. Прекрасно стираются порошком «Био» в холодной воде. Постираешь — и как новенькие.

Володе тотчас вспомнилось кладбище. Там у ворот идет бойкий торг искусственными цветами. И самые популярные — белые хризантемы.

И вдруг откуда-то возникла прекрасная мысль. Неожиданная, не имеющая никакого отношения к тому, о чем

он только что сейчас размышлял. Ни к школьному конфликту, ни к разговору старух из Крутышки. Словно она носилась по белу свету и наконец нашла к кому залететь и тем себя обнаружить. Но это была его собственная мысль, с характерными чертами его мышления. И значит, она не залетела извне, а родилась в глубинах подсознания, способного работать постоянно, даже если ум отдыхает. Володино подсознание оказалось удивительно трудолюбивым.

На этот раз неожиданная мысль явилась в форме вопроса к самому себе: «Почему шантажист назначил знахарю субботний вечер?»

На месте шантажиста Володя назначил бы любой будний. По будням Крутышка ложится спать рано. И по воскресеньям тоже — ведь завтра на работу. И только субботние вечера в Крутышке длинные, гости могут засидеться допоздна, вывалить на улицу шумной компанией. К тому же в парке танцы, а дорога в парк ведет через Крутышку.

«Да, — сказал себе Володя. — Я бы выбрал будни. Или воскресный вечер. Неужели шантажисту не знакомы местные порядки? Вправе ли я предположить, что он не здешний? Или у него есть какая-то своя причина назначить два визита — к тайнику знахаря и свой — именно на субботний вечер?..»

Володя мог себя поздравить — сделан первый шаг. В том, что шантажист назначил субботу, — ключик к делу знахаря Смирнова.

VIII

Когда автобус увез Володю и Фомина, кусты позади бетонного павильона зашевелились, из них вылезли двое подростков.

Фомин, несомненно, узнал бы обоих. В синей куртке с красными полосами на рукавах — Коля Дьяков. Он повыше и покрепче. Серая куртка с вязанным воротником и очки с запотевшими стеклами — Дима Спицын. Оба живут в поселке железнодорожников возле станции, где дома обшиты дощечками и выкрашены вагонной краской.

Фомин располагал такими подробными сведениями вовсе не потому, что Дьяков и Спицын чем-то привлекли

внимание милиции. Милицию не интересуют благополучные подростки. В поле зрения Фомина эти двое попали по самой невинной причине — их классным руководителем была его жена, и он каждый день выслушивал рассказы Валентины Петровны про восьмой «А», про всех ребят вместе и про каждого в отдельности. Фомин всегда прилежно слушал Валентину Петровну — для учителя большое утешение, когда его хоть кто-то понимает.

По рассказам Валентины Петровны выходило, что Дьяков и Спицын друзья-неразлучники, хотя и вечно между собой ссорятся. Дружба у них давняя, с младенческих лет. И живут в одном доме, и матери — закадычные подруги, и отцы работают вместе на железной дороге. Еще Фомин знал, что Дьяков изворотливый и может обмануть учителя, а Спицын в классе самый слабый, все его обижают. Дьяков любит географию и умеет фотографировать, Спицын много читает по истории и коллекционирует автомобильчики. Учатся оба средненько и летом в колхозе работали тоже на троечку.

Бывает дружба хуже вражды. Так считали оба — и Дьяков и Спицын. Сегодня утром пытались доказать — каждый у себя дома, — что вовсе не хотят отправляться по грибы вдвоем.

Куда там! Никаких разговоров, слушай приказ: «Пойдете вместе — так нам спокойней!» Отцы всю жизнь живут по приказам и дома другого языка не знают. И матери убеждены, что если они дружат, то и сыновья должны быть не разлей вода. А Спицын, дай ему волю, никуда бы не ходил с Дьяковым — все равно тот за него не заступится. И Дьякову какая радость ходить с трусом и плаксой.

Сегодня им особенно не хотелось идти вдвоем, да еще в лес. Мало ли кого там можно встретить! Конечно, не каждому слуху верь, но все-таки...

А слух-то оказался ой каким достоверным!

Автобусное расписание на желтой табличке дрожало в глазах Спицына и расплывалось. Он засунул пальцы под очки, протер запотевшие стекла.

— Еще час дожидаться. Сели бы в этот.

— «Сели!» — со злостью передразнил Дьяков. — А они бы тебя на крючок: почему с пустыми руками? И ты бы раскололся. — Дьяков поднес кулак к очкам Спицына. — Наше дело знаешь какое? Помалкивать!

Спицын понурил голову, на кончике носа дрожала капля. Он и сам видел на остановке мужа Валентины Петровны, работающего в милиции, и директора музея, самого проникательного человека в Путятине. Нет, никак нельзя было садиться с ними в один автобус. Ну, расколешься и скажешь, почему с пустыми руками. Тем все равно ничего не будет. А если те х накажут — еще хуже: расплата будет жестокой.

Он догадывался, какие мысли терзают сейчас Дьякова. Уйти хочет в одиночку, а ты оставайся. Но никуда Дьяков не уйдет. Потому что домой надо явиться вместе. И вместе придумать, что соврать. Родителям тоже незачем знать, почему сыновья вернулись без грибов и без корзин. А то жаловаться побегут. В милицию.

Спицын притворно шмыгнул носом. На самом деле он больше не куклился. Пришло полное спокойствие. Это Дьяков пусть волнуется и страдает от позора. Он себя считает сильным. «А я слабый, слабому нечего стыдиться. Ну, струсил. Ну, заплакал. Не первый раз и не последний».

Спицын еще в детском саду сообразил, какие преимущества имеет плакса. На него все смотрят с презрением, но сам он себя уважает. И за дело. У него своя цель, и он ее добивается. Плаксе, чтобы он наконец замолкнул, суют конфеты. Плаксу освобождают от уколов. И тогда те, кто его только что презирал, лопаются от зависти.

Рано поняв эти свои преимущества, Спицын стал плакать весело и спокойно. Он смеялся, а не плакал. Смеялся над всеми другими до слез. Но другие смеха не видели — только плач.

Сильным он не хотел быть. Никогда. От слабого никто не ждет отважных слов и поступков — и в этом великое преимущество. Сильный при встрече со шпаной, как сегодня, обязан защищаться. Для него бегство — позор. А слабый ни секунды не колеблется, уматывает без оглядки. И это не испуг. Это благоразумие и расчет. Слабого дразнить за бегство от опасности не станут — ему положено, имеет право...

— Слушай и запоминай, — угрюмо заговорил Дья-

ков.— Значит, мы ехали в автобусе, поставили корзины у двери. На ходу они вылетели. И под колеса. Усек?

— Я-то усек...— Спицын притворно вздохнул.— А толку? Свидетелей слишком много.

— Каких тебе свидетелей?

— В автобусе ехали,— кротко пояснил Спицын.— Не в пустой же мы сели. Эту версию легко проверить.

Дьяков сплюнул со злостью. Спицын прав. Умеет просчитать на несколько ходов вперед.

Спицын поправил очки и предложил свой вариант:

— Утопили в болоте. Сами еле выбрались.

— Глупее не придумал? — Дьяков покрутил пальцем у виска.— Корзины утопили, а сами выбрались чистенькие. Или хочешь в грязи поваляться?

— От кабана убежали! — выпалил Спицын.

Про себя он анализировал ситуацию иронически: «Сговариваемся замести следы. Слово преступники, хотя мы — жертвы преступления. Забавная ситуация. Все наоборот, как в королевстве кривых зеркал...»

— Давай скажем, что продали грибы. Незнакомым туристам.

— А деньги куда девали?

— Пожертвовали.

— Кому?

— Ну, хотя бы «Радуге». На электрогитары. Джека берет.

Спицын азартно придумывал новые варианты. Дьяков отвергал. Он уже догадывался, чем все может кончиться. Спицын придет домой и захнычет. Мать Спицына подхватится и к Дьяковым...

— Я тонул, ты меня спас! Под елку поставили, после не нашли!

Спицын выкладывал картинку за картинкой. Как в лото. Приятно играть, когда светит верный выигрыш.

— Идея! Грабители были в масках!

— В масках?

Дьяков и Спицын рассказывали, инспектор по делам несовершеннолетних Нина Васильевна Вороханова записывала.

— Значит, лиц вы не разглядели... А как были одеты? Этим летом Нине Васильевне уже приходилось слы-

шать про лесных разбойников, отбирающих ягоды и грибы. Ни один подросток сам с жалобой не обращался. Шум поднимали возмущенные родители. И конечно, только в том случае, если им рассказывали о лесном нападении. А подростки народ скрытный.

Нападения на удачливых охотников за дарами природы происходили в разных местах. И жертвами были только подростки. Взрослых не трогали. Потерпевшие рассказывали о разбойниках по-разному. Кто называл троих, кто говорил, что его окружили четверо, пятеро. Описания внешности грабителей тоже не совпадали. Возможно, за ягодниками и грибами охотились разные компании подростков. В том, что шайка состояла из каких-то здоровенных ребят, сходились в своих рассказах все потерпевшие.

И вот теперь у разбойников завелись маски!

Нина Васильевна спохватилась, что не расспросила подробно, какие маски.

— Из черных тряпок,— сказал Дьяков.

— Для глаз прорезаны дырки,— добавил Спицын.

«Что-то новенькое,— отметила про себя Нина Васильевна.— У лошадиников масками служили капроновые чулки».

Про лошадиников в Путятине стали забывать. Никто не угонял лошадей из фабричной конюшни, не посягал на колхозных саврасок. Ковбойская мода отошла, отлетела. Бывшие лошадиники теперь занялись мирным делом — электрогитарами. Но хлопот у инспектора по несовершеннолетним не убавилось. Наоборот.

Подводя итоги первого года службы, Нина Васильевна констатировала, что старалась, душу вкладывала — и какой результат? Плачевный.

У ее предшественницы Гали Сорокиной всего-то и была тоненькая папочка со списком трудных подростков. Теперь в инспекции делами забита вся полка. И кривая правонарушений среди подростков продолжает ползти вверх.

Галя живет припеваючи, заведует в библиотеке читальным залом, время работы по часам, от и до.

«Ты зря не суетись,— наставляла она, встретив на улице замотанную вконец Нину Васильевну.— Цифры от кого зависят? Только от тебя. Какие поставишь, такие и будут. Одного пиши, двоих пропускай. Прирост контин-

гента хороший показатель в библиотеке, но не в милиции...»

Нина Васильевна и без этих наставлений разобралась, почему Петр Петрович Налетов посоветовал Сорокиной искать себе другое место работы. Но кого он получил взамен? Еще год пройдет — в инспекции вторая полка с делами прибавится, кривая правонарушений как росла, так и будет расти. Потому что у инспектора Ворохановой дня не проходит без новостей. Вот и лесные разбойники завелись. В масках — этого еще не хватало!

Черные маски, как видно, очень перепугали Дьякова и Спицына. Нина Васильевна представила себя на их месте и поежилась. Да, тут уж не до того, чтобы разглядывать и запоминать рост, одежду, обувь.

Впрочем, и другие подростки, пострадавшие от лесных разбойников, проявляли удивительное невнимание к гардеробу членов шайки. Хотя обычно каждый из них с ходу может сказать — фирма или не фирма, где куплено и почему.

Но почему на этот раз грабители укрылись под масками? Просто хотели посильнее припугнуть? В безлюдной глуши вдруг являются такие страшила. Или в шайке был кто-то, кого Дьяков и Спицын хорошо знают? От потерпевших было известно: нападают чужие, их никто раньше в Путятине не встречал. Нина Васильевна даже стала подумывать на деревенских. Причины у них есть. Летом в деревне работы по горло, не вырвешься по ягоды и по грибы. А в городе — время отпусков и лесных заготовок. Деревенских возмущает жадность горожан. Вот и взялись подростки наводить порядок по-своему.

Дьяков и Спицын смиренненько сидели на лавочке у стены и смотрели, как Нина Васильевна записывает их горестное повествование.

Воспитанные ребята, из хороших семей — сразу видно. В инспекцию по делам несовершеннолетних попали впервые — разглядывают удивленно картинки на стенах, книжки на полках, игрушки на ковре.

Дьяков произвел на Нину Васильевну более приятное впечатление, чем Спицын. Рассказывая подробности — как остановили, как отбирали, — Дьяков не знал, куда деваться от стыда. Спицын тем временем заливался слезами, даже очки запотели. И ни капли не стеснялся — словно так и надо. Будь с Дьяковым сегодня не этот

нюня, кто-то покрепче, может, и смогли бы отбиться от хулиганов. Дьяков, кажется, не из трусливых. Но со Спицыным не отобьешься. И даже не убежишь. Можно себе представить, как он в лесу расквасился...

Спицын снял свои мутные очки, протер пальцами. Встать с лавочки он не решился, хотя его что-то привлекло в куче игрушек на полу, очки все время поворачивались в ту сторону.

Нина Васильевна взглянула на игрушки.

Разрозненные кубики, пирамидки, заяц с рваным ухом, резиновый крокодил, кукла в красном платье. Казенный инвентарь инспекции по делам несовершеннолетних. Положено иметь. На это деньги выписывают в бухгалтерии. И смотрят сквозь пальцы, что у Нины Васильевны в игрушечном хозяйстве нет порядка.

Но откуда быть порядку! Принесли сюда ребенка, он перестал реветь и занялся игрушками — так неужто после отбирать!

Малолетние подопечные Нины Васильевны покидают милицию, крепко прижимая к груди казенное имущество. А Нина Васильевна бежит в универмаг, покупает новую игрушку на свои деньги.

Продавщицы из отдела игрушек ругают ее за глупую блажь.

«Если уж тебе так нужно, покупай уцененную куклу, уцененного медведя. Мы для тебя что хочешь уценим. Любую электронную игру. Старая цена десять рублей, новая — полтора... А почему нельзя?! — возмущались продавщицы. — Ты же не для себя. Для детей. Ну, Нина, ты со своей принципиальностью пропадешь!»

Ничего, не пропала... Сотрудники управления стали приносить из дому у кого что есть. В куче игрушек — половина дареных. Участковый Женя Журавлев принес Нине Васильевне маленький автомобильчик болотного цвета. Чудо-автомобильчик. Вездеход. Нина Васильевна залюбовалась. «Откуда у тебя такая игрушка?» Женя засмеялся: «Нашел. Иду, понимаешь, по улице и вижу — лежит. Я и взял. Потому что не там лежит, где следовало...»

Журавлев покатал игрушку по столу, болотный автомобильчик жужжал, как майский жук. Журавлев пустил его по полу, вездеход ловко перевалил через щель в полу и забрался на ковер.

«Смотри, чтобы не свистнули. Улика. Но и не прячь, держи на виду. Только не отдельно. Среди других игрушек. И спрашивай при случае, не видел ли кто раньше эту игрушку. Где, у кого...»

Вот на этот автомобильчик и поглядывал украдкой Спицын. Поглядывал, как на что-то знакомое.

— Нравится машинка? — простодушно спросила Нина Васильевна. — А у тебя такая есть?

— Нет! — Спицын испуганно заморгал. — Я машинок не собираю.

«Врет», — отметила про себя Нина Васильевна.

Спицын в ее картотеке малолетних коллекционеров уже значился.

Эту картотеку Нина Васильевна завела по типу своей прежней картотеки лошадиников, ныне отправленной за ненадобностью на нижнюю полку шкафа. И понемногу стала разбираться в тонкостях обмена или купли-продажи солдатиков разных армий, автомобильчиков всевозможных марок, иностранных журнальчиков и всего прочего, что собирали юные жители Путятина. Кому-то из них нравилось коллекционировать что-то одно, скажем солдатиков. Кто-то разбрасывался, хватался за все. Хитрые обдуривали доверчивых, сильные прижимали слабых. Возникли совершенно новые отношения между ребятами. Проторговавшиеся попадали в кабалу. Как подумаешь — зло берет. Но нет повода для вмешательства.

Отпустив ребят, Нина Васильевна смотрела в окошко, как они идут через милицейский двор к воротам.

Дьяков — впереди, не торопясь. Спицын словно бы торопится, хочет скорее покинуть территорию милиции, пугливо оглядывается на синюю «коробочку» с красной полосой, на мотоциклы с колясками, голубые с желтым... но не обгоняет товарища, остается позади.

Разговор в милиции никакого облегчения обоим не принес. Они наверняка пытались скрыть от родителей происшествие в лесу. Но двоим всегда труднее скрыть что-то нехорошее, чем одному. Так что и в школе все станет известно. Нина Васильевна далеко не всю информацию о ребятах передает директорам и завучам, однако родителей молчать не заставишь. Они не задумываются, к чему может привести огласка. Спицыну-то ничего, как

с гуся вода. А самолюбивому Дьякову будущие распросы — обида и страдания.

Нина Васильевна посмотрела на лавочку, где сидели эти двое, и увидела закатившуюся к спинке ручку. Кто-то из них обронил. Странно. Они ничего не писали. Кто же за ней вернется?

Если ручку обронил Спицын, для него вернуться в инспекцию по делам несовершеннолетних — задача ох и трудная! С его-то трусостью...

Быстрые ноги простучали по крыльцу.

— Разрешите?

Дверь распахнулась. Нина Васильевна не поверила своим глазам — Спицын.

— Ну заходи! Твоя ручка?

— Моя! — Спицын взял ручку, поднес к очкам и упрятал во внутренний карман. — Я нарочно оставил. Чтобы с вами поговорить. Без него.

— Значит, вы с Дьяковым все-таки их узнали, — подсказала Нина Васильевна.

Спицын опустил голову.

— Да.

— Говори, не бойся. — Нина Васильевна встала из-за стола, подошла к нему, положила руку на плечо. Ух ты, как дрожит!

— Только вы меня не выдавайте... — Спицын запнулся, с трудом выдавил: — Ханя... — И снял очки, принялся протирать скомканным носовым платком.

Так вот, значит, кто... Теперь понятно, почему другие, пострадавшие от лесных разбойников, твердили, что грабят чужие, незнакомые ребята. С Ханей лучше не связываться, все знают — он мстительный. А Спицын решил...

— Можешь не беспокоиться, — клятвенно обещала Нина Васильевна, — я еще никого не подводила. А ты молодец, я даже не ожидала.

Спицын нацепил очки.

— Я побегу, меня Дьяков ждет. — За толстыми стеклами мелькнула усмешка.

Нина Васильевна смутилась: «Не надо было ему говорить, что я не ожидала».

На Ханю, то есть на Павла Рыжикова, у нее давно была заведена особая папка. Отобрать у кого-то корзину с грибами для Хани, как он выражается, «мелочевка»,

«ништяк». У него в руках власть над всеми подростками в Париже. И держит он своих в беспрекословном подчинении. В Путятине такого еще не выдвигали — разве что в кино.

Нина Васильевна отыскивала список ребят, ограбленных в лесу, внимательно перечитала. Что ж, можно добраться до Хани окольными путями, так, чтобы и тени не пало на сегодняшний случай. А будет ли толк? Ей живо представилась беседа с ним. «Подумаешь, грибочки отобрали,— цедит презрительно Ханя.— Там и было на доньшке. Видим — пустые идут. Пошутили — нельзя, что ли? Если бы мы джинсы с кого сняли, тогда верно — хулиганство...»

Она положила список ограбленных грибников в папку Рыжикова. И сегодняшние показания Дьякова и Спицына — туда же. Если принести эту папку в комиссию по делам несовершеннолетних, все согласится, что место Рыжикова в исправительном заведении. Но Рыжиков у своих родителей единственный сын. И еще не все меры Нина Васильевна испробовала.

— Нет,— сказала она вслух и убрала папку на место.

За воротами милиции Дьяков и Спицын разбежались в разные стороны. Дьяков бежал и пугливо оглядывался — не видел ли кто, откуда они вышли. А Спицын удирал без оглядки, сам не веря, что решился на такой смелый поступок. Одно утешение было у него: Ханя непременно должен заподозрить Дьякова, как более смелого. А чтобы этот трус Спицын сделал то, чего не смогли другие ребята?.. Да никогда!

IX

Фомин по возвращении домой сразу позвонил дежурному по ГУВД. Отозвался бодрый голос с металлическим оттенком. Фомин и сам на дежурстве отвечал по телефону таким же стандартным служебным голосом — даже Валя его не узнавала.

— А, это ты, Николай Палыч. Привет,— дежурный заговорил своим голосом.— Тебя Налетов ищет. Из Нелюшки звонил твой любимец — участковый Сироткин.

Сироткин часто звонил Фомину. Старательный парень, но уж очень неповоротлив. Опять ему совет нужен? Ладно, потерпит до завтра. Но что понадобилось Налетову? Сам ведь отпустил.

— Больше ничего? — спросил Фомин.

— Официальная информация исчерпана,— интригуяще произнес дежурный.

— Давай неофициальную!

— Прибыл Егоров...— Дежурный многозначительно помолчал.— И уже отбыл.

Егоров! Вот почему Петр Петрович забеспокоился.

— Спасибо за приятные новости! — Фомин тяжело вздохнул и набрал домашний номер начальства.

Он не собирался спрашивать: зачем вы меня искали или зачем приезжал на такой короткий срок Егоров. Вопросы задают старшие по званию.

— Ну, как съездил? — отечески спросил Петр Петрович.— Как настроение? Дома все в порядке? Жена здорова?

Трогательная забота начальства не ослабила бдительности Фомина. Он не поддавался иллюзии, что начальник управления разыскивал своего сотрудника ради неспешного разговора о жите-бытье. Фомин дисциплинированно ждал, когда Петр Петрович перейдет к делу.

Все так же задушевно Петр Петрович передал Фомину привет от Егорова.

— У него к тебе просьба...

Петр Петрович не стал говорить по телефону о важнейших новостях, привезенных Егоровым. Еще успеет Фомин узнать и про бежавшего из колонии Гриню, и про удачливого Рудика Куртияяна, и про давнишнее знакомство Прокопия Лукича Смирнова с грузчиком Сухаревым, ныне отбывающим заслуженное наказание.

Про газорез, обнаруженный участковым Журавлевым, Петр Петрович тоже говорить не стал. Он только передал Фомину поручение Егорова.

— Надо, чтобы укрепился слух, будто мы усиленно ищем среди местных. Используй для этого дела сегодняшнюю дискотеку и сбор комсомольской дружины, шумни ребятам, дай им какое-нибудь задание по розыску. Подробности на твое усмотрение. Вопросы есть?

— Нет,— мрачно сообщил Фомин.

А что ему, радоваться, что ли? Выдумка Егорова ставила его в дурацкое положение.

— Ты меня правильно понял? — осведомился Петр Петрович.

— Понял и выполняю, — доложил Фомин служебным голосом.

— Желаю успеха. Привет жене.

При разговорах по телефону начальство первым кладет трубку. А потом, пожалуйста, можешь швырять свою.

На жалобный вскрик телефона выглянула из кухни встревоженная Валентина Петровна.

— Уходишь? Прямо сейчас? А я девочек пригласила на грибы!

Фомин заставил себя улыбнуться. Широко и жизнерадостно. Еще веселей. Шире рот — не бойся, не порвешься... Вот так! Ты счастлив и всем доволен! Позор тому мужчине, который норовит переложить свое дурное настроение на жену...

— Петр Петрович передает тебе привет! И до вечера я из дома ни шагу!

Если бы Налетов хоть намекнул по телефону, что обнаружили факты, дающие основание подозревать знахаря Смирнова... Все бы дальше пошло по-другому. Фомин тотчас бы доложил начальству про злополучную записку с черепом и костями! И конечно, отменил бы засаду на Парковой у дома двадцать пять!

Но, увы, Налетов ни словечком не обмолвился про знахаря. Ведь он не знал, что Прокопий Лукич Смирнов, весьма заинтересовавший Рудика Куртияна, недавно обратился к Фомину за помощью и что Фомин — всегда образец службы! — на этот раз умудрился сплавить жалообщика своему общественному помощнику.

«Необдуманные поступки нередко приносят больше пользы, чем обдуманные» — так впоследствии оценил произошедшее недоразумение Киселев.

Фомин прибег к своему испытанному методу избавления от нервной перегрузки — залез под душ и принялся крутить то красный, то синий кран. Струя ледяной воды, струя кипятка... Теперь все в порядке!

Растираясь жестким полотенцем, он пришел к окончательному решению, какую задачу поставить сегодня перед дружинниками. Не совсем бесполезную...

Гости уже пришли и хозяйничали вместе с Валентиной Петровной на кухне. Соваться к ним туда не стоит. Непременно изловят, и придется помогать. Но с чего у них там такие страсти? Ага, летние впечатления о лагере старшеклассников. До директора школы дошло, что они показывали ребятам брейк.

«Ну, не глупо ли читать за это нотацию! Пусть учатся настоящему брейку. Разве лучше, когда у них получается вместо брейка провинциальная пародия. Все равно они не будут танцевать польку-бабочку, их привлекают новые, современные ритмы...»

Фомину не нравилось, что на кухне говорят о брейке с таким азартом. Увлечлись и забыли о грибах. Пригорят! Непременно пригорят! И уж наверняка пересолят!

Фомин решил.

— Альбертовне и Даниловне мой привет!

Такое обращение к юным коллегам Валентины Петровны придумал он сам. При первом знакомстве молодые учительницы, только что закончившие институт, признались, что не могут привыкнуть к обращению по имени и отчеству.

«Будто платье на три размера больше. И длинно и широко».

«Но нельзя же называть вас Леной и Светой», — сказал Фомин.

«Это почему же?»

«Коротко и узко, — пояснил он. — Уж лучше Альбертовна и Даниловна».

Появление Фомина на кухне вызвало восторг.

— Ну, рассказывай! Что там у вас? На след напали?

Прекрасная возможность намекнуть, что след ведет к кому-то из местных! Но жизнь уже научила Фомина не впутывать служебные дела в свою частную жизнь.

— Информацию не даю! — отрезал он. Вооружился длинной деревянной ложкой и пошуровал грибы на сковороде.

Альбертовна и Даниловна продолжали выпытывать:

— Все говорят — золото украли сами продавщицы.

— Информацию не даю, — повторил Фомин.

Его на такие разговорчики не купишь. Он твердо усвоил на собственном опыте, что сила отказа в однообразии ответов. Ни в коем случае нельзя пытаться объяснить то же самое, но другими словами. Как сказал — на

том и стой. И произведешь впечатление человека, который уже все знает, но служба есть служба, не всякой информацией можно поделиться.

— А ребята считают, что золото уже за границей.

— Информацию не даю,— монотонно произнес Фомин и попробовал жареху на вкус. Минуток двадцать еще держать на огне. И чуточку недосолена.

Он досолил жареху и упрятал подальше кухонную деревянную солонку, а заодно и парадную, из хрусталя. Теперь они черта с два испортят грибы.

— Наша квартирная хозяйка уверяет — золото унесли черти...

— Информа...— завел Фомин, и его наконец выгнали из кухни.

Очень гуманно с их стороны. Фомин позвонил на городскую телефонную станцию и попросил разыскать Веню Ророкина. Не прошло и пяти минут, как Веня откликнулся. Фомин условился с ним насчет засады на Парковой. И прилег на диван.

Стены в современных домах тонкие. Голоса у всех учителей громкие и четкие. Фомин — хочешь не хочешь — слышал, о чем говорят на кухне.

Опять про директора школы...

Когда Альбертовна и Даниловна в начале лета были в Путятин и заявили в школу номер один, им сразу же предложили поехать в школьный лагерь труда и отдыха.

— Вам повезло,— радостно объявил директор.— Молодым учителям, только что со студенческой скамьи, предоставляется возможность ближе познакомиться со своими учениками еще до начала занятий. Вы же знаете, в коллективном труде ярче раскрываются личности, лучше видны отношения между ребятами. О такой педагогической практике можно только мечтать! Осенью вы придете в классы во всеоружии. И к тому же...— добавил директор уже без радости,— вам пока негде жить. А к сентябрю образуется...

Но к концу лета выяснилось, что с жильем дело худо, дом, где была выделена квартира для молодых учителей, все еще не достроен, а когда достроят — неизвестно.

Всю эту историю Фомин еще прежде слышал от Валентины Петровны. И обещал ей похлопотать насчет комнаты в фабричном общежитии. Но хлопоты не потре-

бовались. Альбертовна и Даниловна действительно успели за лето подружиться со своими учениками. И Боря Шумилин подыскал им частную квартиру.

И вот теперь Альбертовна и Даниловна с восторгом описывали, какой Боря молодец. Переговоры с хозяйкой вел он и все обговорил — даже совместные расходы на дрова и на уголь. Две чистенькие смежные комнаты и сказочно дешево! Хозяйка — одинокая старушка. Очень обиделась, когда они попросили убрать искусственные цветы, ужасные тряпичные хризантемы. Но потом квартирантки и хозяйка помирились. А домишко прелесть! Настоящий сруб! В Крутышке, на Парковой. До школы двадцать минут.

Фомин уже понял, к кому их пристроил Боря Шумилин. Там перед домом могучая береза. Дом старый, но крепкий. Хозяйка — бывшая ткачиха, подрабатывает к пенсии торговлей цветочками у кладбища. Никогда раньше жильцов не пускала. Ай да Боря! Уговорил. Деловой парень. Ребята его прозвали «директором». И еще почему-то «полковником Шумилиным». Не очень-то его любят...

Фомин и сам не испытывал симпатии к Боре Шумилину. Однако тщательно скрывал это от жены, подозревая в себе пережитки черной зависти закоренелого троечника ко всем отличникам и активистам.

На кухне меж тем заспорили про какого-то Эдика. Он тоже показывал ребятам настоящий брейк.

У Альбертовны Эдик вызвал весьма серьезные подозрения. Человек не так уж молод. С чего бы ему липнуть к школьникам? Эдик явно не тот, за кого пытается себя выдать. Даже восьмиклассник Спицын (знакомая Фомину фамилия!) спросил Альбертовну: «Зачем он к нам ходит?» И ей показалось — Спицын что-то узнал про Эдика и боится сказать. Кстати, и еще кое-кто из ребят относится к Эдику с подозрением. Его даже пытались избить.

— Это не наши! — горячо возразила Даниловна.— На Эдика напали подростки из деревни. Мне Боря сказал. А Боря дружил с Эдиком.

Фомин понял, что Даниловна Эдику симпатизирует. Умен и начитан. Работает в престижном институте (закончилось название Фомин не разобрал). А на шабашки поехал от скуки. Не валяться же целый отпуск на пляже.

Эдик со студенческих лет ездит в строительные бригады. А что касается Спицына, то этот мальчишка всюду шныряет и подслушивает. Маленький Яго...

«Сильно сказано! — отметил про себя Фомин. Ему припомнился ломающийся басок: «Передайте, пожалуйста, Валентине Петровне, что звонил Спицын. Не забудьте — Спицын».

На кухне Валентина Петровна, конечно, стала защищать своего ученика. Бедный Спицын, он такой слабенький, его все бьют.

«Если кого-то все время бьют, — непедагогично подумал Фомин, — почему бы однажды не предположить, что отлупили за дело?»

А некий Эдик, значит, работает в той самой бригаде... Сегодня весь день натыкаешься на шабашников, которые строят комплекс в Нелюшке. Фомин вдруг понял, что участковый Сироткин хотел посоветоваться о том же. С шабашниками он сплеховал. Опытный участковый обязан сразу установить, какая такая бригада объявилась в колхозе, откуда и в каком составе. А Сироткин только недавно обнаружил, что на комплексе работает вовсе не студенческий отряд. Интересно, какую новость он собирался преподнести сегодня? Что случилось в Нелюшке?

Фомин затосковал. Неужели придется сейчас звонить в Нелюшку, разыскивать бестолкового Сироткина?

«Но зачем торопиться? — подсказал ему голос благоразумия. — Если в Нелюшке случилось ЧП, Сироткин не искал бы меня лично. Про ЧП докладывают дежурному. Поэтому не будем разводить панику. Спокойно, Фомин. Спокойно... Всего-то и надо завтра с утра пораньше съездить в Нелюшку».

За стеной Альбертовна и Даниловна ужасались репертуаром школьного ансамбля «Юность».

— Слова пошлейшие! Музыка — подражание самым худшим образцам! Мы ребятам честно сказали! А они и сами недовольны. «Юность» на грани развала. Олег Сергеевич, прежний руководитель ансамбля, бросил ребят на произвол судьбы. Летом они пытались репетировать самостоятельно, Боря Шумилин предложил в руководители «Юности» Анюту Голубцову, но она не согласилась...

Фомин, борясь с дремой, попытался высчитать, хорошо это или плохо, что «Юность» перестанет конкури-

ровать с «Радугой». Но мысли текли лениво, и он так и не добрался до точного вывода. Вот что действительно плохо — это бросать ребят, как сделал Олег Сергеевич. Уехал и даже не попрощался с учениками. «Хватит, отслужил в вашем городишке положенные два года».

За стеной заговорили про кино. Безобразие! В колхозном клубе нет своего киномеханика, какой-то халтурщик приезжал из города, и всегда неизвестно, какой фильм он будет показывать. За все лето не видели ни одного хорошего фильма. И плохих он тоже не привозил — тех, про которые в «Экране» дают критику. Все названия совершенно неизвестные — попробуй после беседовать с ребятами. И хоть бы раз сеанс начался вовремя. А ведь колхоз посылал за этим халтурщиком машину. И Эдик его привозил...

Дальше про кино Фомин не услышал. Глаза слипались, голова клонилась к подушке.

И приснился ему сон, будто сидит он с удочкой в лодке посреди Пути, а с берега за ним кто-то приглядывает. Невидимый. Но ясно, что это Егоров. Надо вытащить удочку и отгрести куда подальше, но крючок зацепился за что-то тяжелое. И страшно почему-то — вдруг Егоров заметит.

Фомин дергал, дергал полегонечку. Вот морока, не получается. И вдруг над ним загалдели: «Тише! Он устал!» Фомин обрадовался: «Ага, это я во сне...» И с большим удовольствием проснулся.

«Ну, наконец-то и грибы на столе!»

Х

Володя до вечера крутился во дворе у летней печи. Львиную долю солений и варений он по-прежнему отправлял в Москву своей беспечной сестрице Татьяне и ее рыжебородому Саше. В ответ Володя получал сообщения о новых творческих успехах. Сашу заметили на выставке молодых художников, Танька получила заказ на расписные платки.

Но вместе с успехом приходит светская жизнь. Для приема гостей Таньке требовались рыжики, засоленные по-старинному, в бутылках, варенье из брусники с морковью, калина, испеченная в горшочке под наглухо зама-

занной тестом крышкой... Черной икрой сегодня гостей не удивишь. Им подавай что-то эдакое... Огурчики, засоленные в соку красной смородины...

«Твои огурчики,— писал Саша в последнем письме,— стали гвоздем современного искусства. В Москве только о них и говорят. Ты переплюнул знаменитого Н., а он, скажу тебе, мастак по кулинарной части, фарширует апельсины. В художественных кругах о тебе ходят легенды, и ты даже себе не представляешь, сколько любимцев муз завидуют твоей простой жизни. Но ты все же не слушай Татьяну и не убивай время и силы на ее заказы...»

Сашин совет был весьма разумен. Володя с ним полностью соглашался: «Я Таньку избаловал, это моя слабость». Но, придя из лесу, он не вывалил все грибы в одну бочку. Тщательно разделил: маленькие — для Татьяны, все прочие — для себя. Немного оставил на жареху. Пожарить не успел — время приблизилось к семи.

Сборы в штаб были недолги. Выпил чашку крепкого кофе, положил в карман записную книжку. Конечно, нервничал — как всякий, кому бы довелось первый раз участвовать в засаде.

Вечерний Путятин поразил Володю неправдоподобной безмятежностью. Город ни о чем не подозревал.

«Только осенью у нас бывает такая возвышенная прозрачная тишина,— идилически размышлял он.— Еще светло, но город окутан тишиной, словно таинственным плащом...»

Войдя в штаб, он понял, что сегодняшняя безмятежность обманчива. Народу полно. Вся дружина в сборе. Но не вся же нужна для засады. Что-то случилось.

Володю узнали. Это ему польстило.

Командир дружины приказал построиться.

— Надеюсь, все понимают, какой у нас сегодня вечер. Работы хватит.

— А какой сегодня вечер? — шепотом спросил Володя у стоящего впереди дружинника.

Тот удивленно оглянулся:

— Вы что? Не знаете? Последний вечер в парке на дискотеке.

— Почему последний?

— Лето кончилось, дискотека переносится в клуб.

— Ну и что? — Володя хотел уяснить себе источник опасности.

— В клубе порядки строже, закрытое помещение дисциплинирует,— пояснил дружинник.— Поэтому последняя дискотека в парке — самая буйная. В прошлом году повезло. Весь август с утра дождик и до вечера. Последнюю дискотеку отменили. А сегодня чистое небо, не отменишь. Сегодня только гляди...

— Понятно,— сказал Володя, хотя понял далеко не все.

После командира дружины речь держал Фомин. Он призвал дружинников к высочайшей ответственности. Сегодняшний вечер для них экзамен. На дискотеку соберутся малолетки со всего города.

— Какая перед вами задача? — Фомин энергично рубил воздух ладонью.— Не дать разгореться конфликту между сторонниками «Юности» и теми, кто за «Радугу». Строжайший контроль за каждой уличной компанией. Чтобы после дискотеки никаких стычек. Все компании подростков мирно расходятся по домам. Для обеспечения тишины и порядка необходимо назначить ответственных за каждое направление, которым следуют подростки после дискотеки.

— Уже назначены! — сообщил командир дружины.— Парковую и Фабричную берем под усиленное наблюдение.

«Что происходит у нас в городе?» — горестно спросил себя Володя.

Мучительный вопрос для человека, полагающего себя величайшим знатоком провинциальной жизни. Оказывается, он упустил громадные перемены. По ночам Путятин бывает на осадном положении.

— И еще одно задание... — Фомин нахмурился.

Если бы Володя мог... Он остановил бы Фомина на первых же словах! Глупейшее задание!

«Жаль, что Фома не посоветовался со мной... Очень жаль... Я бы ему растолковал, в чем ошибка. Ну зачем он поручает дружинникам высматривать в дискотеке, что за колечки у девчонок, что за сережки... И если у какой-то из них раньше не было золотого кольца, а теперь появи-

лось, надлежит рассмотреть с особым вниманием. И деликатно поинтересоваться, где куплено...

Но кольцо на пальце у девчонки не зацепка для сыщика, мысленно возразил Володя, девчонка очень просто отговорится: купила в прошлом году. И не у нас, в Путятине. Или: кольцо — подарок бабушки... Мало ли что можно придумать...

И к тому же, отметил про себя Володя, современные ювелирные изделия абсолютно безлики. Одно кольцо не отличишь от другого. Массовое производство... Вот именно! Массовое производство!»

Блестящая догадка вспыхнула и осветила весь дальнейший ход размышлений.

«Да, золото из универмага ничего общего не имеет с высоким ювелирным искусством. И это ставит воров в трудное положение. Кто сейчас покупает драгоценности на десятки или сотни тысяч? Удачливый рыночный спекулянт или какой-нибудь хапуга. Но они норовят поместить нечестно нажитые деньги в нечто имеющее вечную ценность. В произведения ювелирного искусства! Современный подпольный миллионер не станет покупать кольца и серьги, похищенные в районном универмаге. Что из этого следует? Да то, что воры легко и просто проникли в универмаг, но теперь находятся в затруднительном положении. Разумеется, среди скупщиков краденого найдутся и такие, которые возьмут золотой ширпотреб. Камешки вынут, золото переплавят. Подпольные ювелиры — вот к кому, возможно, ведут следы из Путятина. Но вряд ли воры сразу кинутся сбывать свою богатую добычу. Выждут срок. Не очень-то долгий. Потому что они, безусловно, друг другу не доверяют...»

Володя мысленно повторил логический ход своих рассуждений и нашел его убедительным.

«Я становлюсь профессионалом. Незнакомый мне Егоров — если он достаточно опытен! — наверняка шел этим путем. Вот почему Егоров не торчит тут, в Путятине. Он сосредоточил свой поиск на каналах сбыта ширпотребного золота. А Фома тем временем, кажется, проявляет самостоятельность. Вернее сказать, самовольство... Причем его методы, как всегда, шаблонны...»

И тут Фомин энергично тряхнул Володю за плечи: — Ну ты даешь! Заснул, что ли?

Володя растерянно огляделся. Дружинники все ушли. В штабе только он и Фома.

— Вот, займись.— Фомин полез в карман и вытащил небрежно сложенный листок.— Ребята ломали головы, но безрезультатно. Все надежды на тебя.

Володя взял листок в руки. И ужаснулся.

Чудовищное, варварское отношение к улике! Таскать просто в кармане! Записку следовало взять пинцетом за краешек, положить в пластиковый пакет, отправить в криминалистическую лабораторию... Азбучные истины! С ними знаком каждый поклонник детективного кино!.. А что делает Фома? Мало того, что он таскает записку в кармане. Судя по его словам, важная улика пребывала во множестве рук. Как теперь обнаружить отпечатки пальцев шантажиста? Остается только почерк...

Володя погрузился в изучение записки.

От этого занятия его оторвал могучий бас.

— Я не опоздал? — Веня Ророкин, монтер с телефонной станции, явился, как видно, с дежурства, во всем своем снаряжении.— Владимиру Александровичу мой привет! — Веня с грохотом отправил в угол монтерские «кошки». — Николай Павлович, порученный объект проверен. Когда выходим?

— А это уж решит Владимир Александрович.

— Выйдем, когда начнет смеркаться,— объявил Володя и кивнул Фомину: отличный напарник! О лучшем и желать нельзя!

Веня отслужил свои армейские годы в десанниках и после демобилизации не расстался с тельняшкой и лихим беретом. В дружине за ним числились разные подвиги. Вытащил мальчишку, провалившегося под весенний непрочный лед Пути. В одиночку и безоружный задержал хулигана с обрезом.

Володю Веня тоже однажды спас. Володя в своем служебном кабинете нечаянно уронил со стола телефон и заранее оплакал расход в двадцать пять рублей. Но пришел Веня и взялся своими огромными тяжелыми лапшами за кучу осколков корпуса, деталек и проводков. Аппарат и сейчас работает как новенький.

— Подзаправиться бы маленечко...— басил Веня, открывая один за другим ящики единственного в штабе письменного стола и доставая то полбулки, то кусок сала, то пряник. Тут, как видно, было принято иметь

запасы на всякий случай.— Хотел домой забежать,— пояснил он Володе,— но не успел. Проверял уличное освещение — чтобы все лампочки светили. Теперь полный порядок. И на Парковой тоже. Там самый нужный фонарь, гляжу, разбили. Как раз напротив того дома. Я ввинтил лампочку посильней...

Володя чуть не схватился за голову. «Непростительный промах! Нам темнота на руку. А он лампочку ввинтил. Не иначе как выполнял распоряжение Фомы».

Но вслух Володя произнес сдержанный упрек:

— Простите, но вам не кажется, что исправленное вами освещение на Парковой может помешать успеху задуманной операции?

— При чем тут операция! — Веня перестал жевать булку и уставился на Володю.— По Парковой возвращаются с дискотеки. Свет обязательно нужен. Свет дисциплинирует!

«Опять это слово! — отметил про себя Володя.— Один сказал, что закрытое помещение дисциплинирует. Другой про свет. У них сегодня на уме только это...»

Поглядывая на своего напарника, мощно работающего челюстями, Володя с грустью размышлял, что даже для Вени сегодняшние танцы в парке, или — как их там? — дискотека,— все это представляется куда более важным и опасным делом, чем поимка шантажиста.

«Ну ничего... Нынче ночью все образуется, все встанет на место. Однако кто же придет за выкупом? К какой встрече я должен быть готовым? От моего предвиденья успех зависит не меньше, чем от силы и ловкости Вени Ророкина».

Фомин ушел, пожелав обоим поймать шантажиста с поличным.

— Звоните обязательно. В любой час.

Веня улегся на продавленный диван и развернул старый номер «Крокодила». Самые удачные, на его взгляд, остроты он читал вслух. Остроты казались Володе плоскими и пошлыми, но не мешали думать о своем.

Чем пристальней Володя вглядывался в записку, тем сильнее его смущал ровный детский почерк.

«Фома, со свойственной ему привычкой все упрощать, наверняка решил, что это детское озорство. Вот почему он доверил засаду мне. Что ж, может получиться и так. Не очень-то благородно со стороны Фомы не сказать мне

сразу про почерк и рисунок. Но... почему бы не предположить подделку? Шантажисты никогда не пишут записок своим собственным почерком. И опытный мошенник вполне мог прибегнуть к детскому почерку. Как к наименее характерному. Мечта каждого учителя — чтобы все дети писали одинаково, по единому образцу. Одинаково писали, одинаково одевались, одинаково думали. Высший педагогический идеал! Вот этой одинаковостью и решил воспользоваться шантажист. Или сам подделал школьный почерк, или продиктовал записку какому-то школьнику... да, пожалуй, все-таки не подделка, настоящий детский почерк. Причем писал не мальчик — девочка. И не двоечница — прилежная ученица. Написано грамотно, без единой ошибки. Но... — Вот это «но» и было для Володи самое важное.— Девочка с ровным, старательным почерком не станет рисовать череп и кости — хулиганский знак угрозы. Значит, она написала, а потом кто-то взял ту же ручку с синим шариковым стержнем и дорисовал...»

Володя взглянул в окно. Ну вот и смеркается. Пора...

Веня вел его задворками. В той стороне, где парк, метались разноцветные лучи. Ритмы гремели на весь город. Каково же у них там, в самой дискотеке?

— Мне в прошлом году дали квартиру на Сиреновом бульваре,— гудел приглушенно Венин бас.— А вырос на Крутышке. Моя улица самая крайняя, у кладбища.

— Не страшно возле могил? — спросил Володя.

— Привык...— Веня шел впереди, чуть вразвалку, очень крепкий и надежный.— Я в Крутышке каждую щель знаю. Мы с вами выйдем на Парковую кратчайшим путем.

Володя считал себя знатоком всех городских кратчайших путей через заботливо поддерживаемые дыры в заборах и перелазах. Он даже для интереса нанес на карту эту тайную сеть, покрывшую весь Путятин. Но Веня вел его как-то по-новому. Они пересекли двор автобазы, и Веня безошибочно нащупал в заборе пару легко отодвигающихся досок. Прошмыгнув сквозь открывшуюся щель, они оказались в овраге. Кратчайший путь был снабжен в нужных местах мостиками и ступеньками. Видно, им пользовались обстоятельные люди.

За оврагом начались огороды Крутышки. Везде нехитрые изгороди и вдруг чуть ли не крепость — тесовый глухой забор.

— Чье владение? — Володя предугадывал, каков будет ответ.

— Владение Смирнова! — Веня действительно знал в Крутышке каждую щель. Отыскал в заборе калитку, перемахнул через нее, и калитка отворилась.

Володю охватило облако пряных дурманящих запахов, среди которых пробивалось и что-то знакомое. Он наклонился к ближней грядке, сорвал мягкий пушистый листик, размял в пальцах.

Мята! Снимает боль в сердце! В травах Володя немножко разбирался. Каких только не записал для больной матери. И не так-то просто было отыскать мяту. А у знахаря ее вон сколько!

— У него вся земля занята лекарственными травами, — сказал Веня. — Вырубил весь сад, всю смородину-малину...

После образцовых лекарственных плантаций знахаря дико выглядел следующий огород. Земля тут давненько не видела ни лопаты, ни граблей. Сплошной бурьян.

— Нравится? — весело спросил Веня. — Голубцовы сроду ничего не сажали. С древнейших времен и до наших дней. У них прозвище «артисты».

— Прозвище? — переспросил Володя.

— Ну да! Прозвали так. Давно. Еще меня на свете не было. А я с детства знал: Голубцовы — артисты.

Голубцовы? В музее хранился список хора рабочих, созданного при Народном доме незадолго до революции. И Володя слышал от стариков, будто однажды в Путятин приезжал и пел вместе с хором рабочих сам Шаляпин. Но тщетно Володя искал в старых газетах заметку о таком выдающемся событии. Может, не Шаляпин заезжал, другой бас. А в списке фамилия «Голубцов» есть. В тенорах. Афанасий Голубцов.

В рассказе Вени про нынешних Голубцовых Володя уловил нотки восхищения.

Петр Семенович играет на баяне, гитаре, мандолине и на трубе в духовом оркестре. Когда Голубцовы отдали свою дочь Анюту в музыкальную школу и купили в рассрочку пианино, Петр Семенович и на нем выучился играть самоучкой.

Женятся Голубцовы только на музыкальных девушках. Жену Петра Семеновича в молодости называли «Марусей прекрасной». Она пела старинные романсы и цыганские песни.

— Тетя Маруся и сейчас поет, — рассказывал Веня. — Солистка хора народной песни. Дядя Петя ей аккомпанирует на гитаре. Кроме Анюты, у Голубцовых еще два сына. Тоже артисты. Лешка работает слесарем в транспортном цехе и не столько слесарит, сколько пляшет в клубном ансамбле. А Сашка учится в ПТУ и играет в «Радуге» на барабане и тарелках. Но куда им обоим до Анюты...

Анюта Голубцова унаследовала все семейные таланты, однако характер у нее другой.

В школе Анюта училась на пятерки, не пропускала ни единого занятия и в другой школе — музыкальной, и дома по несколько часов играла на пианино. Однажды мать повела ее в хор. У Анюты открыли чистейший контральто. Ко всем другим занятиям прибавились уроки пения. Анюта всюду успевала и продолжала учиться на пятерки. В доме царили чистота и порядок. Крутышка считала, что уже недалеко время, когда Анюта вскопает и засеет голубцовский огород. Ну, а хормейстер видел в своих мечтах, как Анюта запекает: «Не одна во поле дороженька» и «Отвори потихоньку калитку».

И вдруг Анюта объявила: «В хор больше не пойду. Кому нужна такая скукота, калитки и дороженьки. Наступила эпоха энтээр, научно-технической революции в музыке...»

Оказалось, она уже репетирует с ансамблем «Юность».

— Ну и что родители? — поинтересовался Володя.

— Чуть из дома не выгнали. Крик был на всю Крутышку. У тети Маруси голос — ого! Над хором взлетает! Орала, что Лешка с Сашкой обалдуи, им самое место в ансамблях, а у Анюты — голос, она будет петь в Большом театре, как Обухова.

— Да-а-а... — сочувственно протянул Володя. — Нет мира под оливами... — Он мысленно изобразил на бумаге две перекрещивающиеся линии. — Современная семья и ее конфликты. С одной стороны, устоявшиеся вкусы старшего поколения. С другой — научно-техническая революция в музыке. Но и этого мало! Нет мира и среди юных

Голубцовых, приверженцев новых ритмов. Аня поет в ансамбле «Юность», а Сашка колотит по барабану в «Радуге»...

На пути стали попадаться пустые ящики и коробки — верный признак приближения к торговой точке. Вот и сам ларек — тусклая лампочка над задним крыльцом освещает дверь, запертую на висячий замок. Пришли! Дом номер 25 находится как раз напротив ларька.

Веня остановился и тихо присвистнул.

— Что случилось? — шепотом спросил Володя.

— Фонарь. Два часа назад я ввинтил новую лампочку. Кто же ее кокнул?

XI

Одноэтажная Крутышка закупила окна ставнями и прижалась к земле под ураганным ревом дискотеки.

Укрытие для засады Веня присмотрел днем — штабель пустых ящиков у боковой стены ларька. Володя по его примеру взял из штабеля ящик и уселся поудобней. Неизвестно, сколько времени придется тут прокарать.

Глаза никак не могли привыкнуть к темноте. Нарушился привычный процесс. Обычно выходишь из освещенной комнаты в ночь, и сначала ни зги не видно и уши заложило. Но вот понемногу начинают возникать ночные звуки — шелест ветра, скрип калитки, а затем и окружающие предметы проступают из темноты — глаза обрели ночное видение.

Что сейчас стало помехой? Володя предпринял простейший эксперимент — заткнул поплотнее уши. Тишина... И уже через минуту зрение улучшилось. Он увидел какие-то белые листочки, реющие в воздухе перед домом 25. Загадка тут же прояснилась. Листочки облепили на уровне человеческого роста цоколь фонарного столба, того самого, где Веня ввинтил новую лампочку, теперь тоже разбитую.

Листочки, конечно, не имели к разбитой лампочке никакого отношения. Старинный путятинский способ товарообмена внутри частного сектора: «Продается коза», «Продается холодильник»...

Володя отнял руки от ушей. Грянули ритмы дискотеки, и тьма сгустилась.

«Теперь все ясно. Между ушами и глазами существует природная согласованность. Издавна для человека темнота ассоциировалась с тишиной. Поэтому и днем мы лучше слышим с закрытыми глазами — слух обостряется. А сейчас в моем организме диссонанс: темнота — и чудовищные децибеллы. Глазам трудно осваиваться в темноте, если ушам нет покоя».

Но, замкнув слух, не укараулишь шантажиста. Придется возложить надежду на организм. Он должен приспособиться.

Мало-помалу Володя стал различать окружающие предметы. Увидел полосу тротуара, давно не беленные стены дома 25, покосившееся крыльцо... И наконец разглядел на двери с остатками ватной обивки почтовый ящик, указанный шантажистом.

Ящик оказался ничем не примечательным. Угадывается прорезь наверху и дверца внизу — с петлями для висячего замочка.

Разумеется, жильцы, покидая дом, не забыли прихватить свой замок — он им понадобился на новом месте. И вряд ли кто-то из уезжавших позаботился закрутить петли проволокой. А знахарь видел проволоку. Кому понадобились такие меры охраны пустого, ненужного ящика? Шантажисту. Только ему. Он сделал это заранее — до того дня, как письмо попало к знахарю. И уж сегодня проверил свой тайник — все ли в порядке. Проверил совсем недавно, обнаружил, что в фонарь ввинчена новая лампочка и... Не такая простая задача — попасть в нечто небольшое и висящее на значительной высоте. Девочка со старательным почерком не сумеет. Лампочку разбил тот, кто нарисовал череп и кости. И вряд ли он швырял камни, стоя посередине улицы. Он спрятался где-то, выбрал удобное укрытие. А всего удобнее штабель с ящиками. Хотя далеко-далеко...

Володя прищурился: «Если из рогатки, то недалеко, в самый раз. Впрочем, возможны и другие виды оружия. Присесть здесь за штабелем с «ижевкой»... Один меткий выстрел, и все... Не поискать ли гильзу? — Володя заворочался на своем ящике. — Кажется, под ногами что-то блещит...»

На плечо легла тяжелая рука, донесся сердитый шепот Вени:

— Куда ее понесло на ночь глядя? Сидела бы дома на печке!

По Парковой медленно двигалась темная бесформенная фигура. Какая-то старуха, укутанная с головы до пят.

Старуха двигалась с величайшей опаской. Просеменит несколько шажков и замрет, пугливо озирается. Просеменит и замрет. Жутко ей.

Володе вспомнился слышанный в автобусе разговор про чертей. Да, час поздний, на улице ни души. Самое времечко для нечистой силы.

Рядом хихикнул Веня.

«Мы привыкли смеяться над косностью и суевением,— подумал Володя.— А ведь можно иной раз и восхититься. Тургенев в «Бежином луге» не смеялся над мальчишками, верящими в домового, в русалку, в покойника, который ищет разрыв-траву... Поэтическое восприятие мира... Александр Блок юношей нашел ужовник, особый вид папоротника. И с тех пор искал каждый год. Он знал поверье про разрыв-траву, перед ней расступается земля и открываются клады...— Володя не сводил глаз со старухи, а мысли текли своим чередом.— Может, зря мы сегодня не рассказываем детям страшные сказки? Только умильную, про Деда Мороза. Впрочем, Дед Мороз в его нынешнем облике — вовсе не сказка. Дед Мороз стал упаковкой для новогодних подарков. Сами делаем из детей прагматиков...»

Старуха в темном поравнялась с домом 25 и замерла. Что ей примерещилось? Домовой? Сидит там посиживает, подперев голову волосатой лапой. Думает, какую шутку шутить с бабулей.

Веня трясся в беззвучном смехе. Но Володя удержался от замечания. Он вдруг понял: старуха шла именно сюда, в дом 25. Ее кто-то послал.

Еще несколько мелких шажков. Ну! Что дальше?

Володя не ожидал от старухи такой прыти. Подобрала свою хламиду, в один прыжок взлетела на крыльцо, в руках мелькнуло что-то белое... И вот она уже со всех ног улепetyвает обратно.

Веня простонал сквозь смех:

— Ой, не могу!.. Ну, артист!..

Это было как удар обухом... Не старуха — переоде-

тый знахарь. Володя терзался от стыда и унижения, Веня продолжал веселиться.

— Ну, ловкач!.. Ну, аферист!..

Усилием воли Володя взял себя в руки. Все не так забавно, как кажется простодушному Вене. Сделан очень важный ход в миттельшпиле шахматного поединка.

Володя мысленно сделал расстановку фигур. На воображаемой доске одинокий король беспорядочно двигался между скоплениями враждебных пешек, шараясь от слонов и коней.

«Знахарь вел свою игру в расчете на две засады, а не на одну! Ему известно, что где-то спрятались люди, которых обещал прислать Фома. И где-то — преступник или преступники. Знахарь уверен, что те, кто послан для его охраны, только посмеются над переодеванием. А для шантажиста вся эта пантомима — свидетельство, что знахарь ополоумел от страха и что он не бежал жаловаться в милицию. Иначе чего бы ему бояться!»

Володя смешал фигуры на воображаемой шахматной доске.

«Итак, не исключено, что шантажист поблизости. Он видел, что пакет в тайнике. Когда он намерен забрать тепленькую тысячу? И кого нам ждать? Опытного преступника? Или появится кто-то школьного возраста, уже втянутый в эту историю, уже написавший под диктовку вымогательское письмо?»

Только сейчас Володя увидел с ужасающей реальностью, что засада за штабелем пустых ящиков примитивна. И он сам в этом виноват. Из-за ящиков удобно следить за знахарем. А для захвата шантажиста надо было устроиться ближе к дому 25. Там есть двор — шантажист может появиться неожиданно из ворот и уйти огородами. Или он в доме, за дверью, — никто не проверял, заперта она или нет. Хватит — и наутек. Мы за ним, а в доме его сообщник. Или сообщники!

Своими тревожными размышлениями Володя не стал делиться с напарником. Веня, чего доброго, заподозрит в трусости. Но великий Геродот вовсе не трусам оставил свой мудрый завет: истинно мужественный человек должен обнаружить робость в то время, когда на что-либо решается, должен взвесить все случайности, но при исполнении следует быть отважным.

Володя переменял позу, чтобы в любой миг немедленно вскочить и кинуться в погоню.

И тут со стороны парка показались двое. Идут не таясь. Двое против двоих — куда ни шло. Володя стал приподниматься, но тут его снизу дернули за штаны:

— Свои.

Веня мог бы и не дергать. Володя уже разглядел повязки на руках.

Поравнявшись с ларьком, дружинники замедлили шаг и устались наверх.

— Меня ругают,— бесстрастно комментировал Веня.— Ророкин, такой-сякой, не обеспечил освещения. Теперь им придется тут поторчать...— И в самом деле дружинники уселись на лавочку перед ларьком.— Ничего, они ненадолго,— утешил Веня.— Минутку через пять дискотека кончается...

Над парком взметнулись разноцветные лучи, ритмы достигли полного неистовства, и вдруг все разом утихло и погасло, в темноте звучал только барабан. Как древний телеграф Морзе, передающий свои сигналы другому барабану, а тот пошлет их дальше.

— Сашка Голубцов!— восторженно выдохнул Веня.

Барабан выдал отчаянную сумасшедшую дробь и смолк, как подстреленный. И тотчас над парком воссияло белое зарево — это одновременно включили все фонари.

«Свет дисциплинирует»,— вспомнил Володя.

Крутышка ответила на тишину глубоким вздохом облегчения, шевельнувшим листья и траву.

В укрытии за ящиками стал отчетливо слышен разговор на лавочке.

— А говорили, Джека вовсе не придет.

— Он Анюту звал в «Радугу».

— Бокс с ней в одном классе.

— Тот маленький очкарик живет на станции.

— Верка их учит каратэ.

— Я Стаса предупреждал.

— Ханя сквитается.

Дурацкий разговор! Володя не мог уловить смысл. К тому же дружинники, рассевшись напротив дома с тайником, спутали все карты.

«Хотел бы я знать, где сейчас шантажист и что поделяет!»

Раздался дружный топот, и в темноте промелькнула стайка девчонок.

— Глядите, как жмут!— Веня развеселился.— Вся компашка с моей бывшей улицы. Кросс по пересеченной местности. Время старта засечено, секундомеры тикают.

— Какие секундомеры?

— Ну, может, просто ходики,— сказал Веня.— Главное, время засечено. Конец дискотеки слышали в каждом доме. Не примчится в положенные минутки — больше ей дискотеки не видать. Старинный крутышкинский способ контроля за девчонками, еще со времен, когда нынешние бабули танцевали в парке под баян...

Дружинники, как заметил Володя, никакого внимания на девчонок не обратили. Веня пояснил, что этот пост приставлен к железнодорожным ребятам со станции. Дружинники опасаются стычки с компанией из Парижа, на дискотеке Верка Соловьева поругалась с Ханей и крепко ему врезала...

«Вот что значит располагать достаточным запасом предварительно накопленных сведений,— подумал Володя с завистью.— Для меня разговор дружинников представлял бессмыслицу, абракадабру. Зато Веня извлек из него конкретную новость о конфликте на дискотеке. Любопытно, кто же такая Верка Соловьева...»

Веня начал шепотом рассказывать. Стас Соловьев отслужил в армии, работает на станции сварщиком. Родители у него живут в деревне, там в школе только семь классов, поэтому с прошлого года к Стасу прислали младшую сестру. А он каратист, и Верку немного научил, для самообороны, ну она и рассмелела. Стасу с ней некогда возиться, он учится на заочном, женился полгода назад...

Вене пришлось прервать рассказ о Соловьевых — со стороны парка появились железнодорожные.

— Слабаки!— Веня добавил несколько слов покрепче, но Володя их деликатно проигнорировал.— Хотя бы раз попробовали отбиться.

Железнодорожные шли быстро, почти бегом и все время оглядывались.

Веня встревожился, привстал:

— Что-то их мало. Половины девчонок нет... И Верку Соловьеву не видать... Значит, она своих девчонок другой дорогой повела. Ну, если их сегодня побьют... Не надо

было ей на дискотеке за Спицына заступаться... Трус, заячья душа... Вон, бежит вместе со всеми — и хоть бы что...

Дружинники пропустили железнодорожных, постояли немного и кинулись в сторону парка.

— Сразу надо было сообразить! — язвительно комментировал Веня. — Эти Ханю не интересуют, у него с Веркой счеты.

Володя поежился. Где-то сейчас пробираются домой потайными путями девочки, живущие на станции, во главе с воинственной Веркой Соловьевой. Станный и непонятный мир открывался перед Володей. Вожак подrostков из Парижа, по имени Ханя, привязался на дискотеке к какому-то Спицыну из поселка при станции, и некому оказалось заступиться, кроме девчонки, а она, значит, сумела «крепко врезать». И теперь ее могут избить...

«Старею, — печально подумал Володя. — Раньше девчонок не били. Но и они раньше не занимались каратэ. И в историю с запиской явно замешана какая-то девчонка...»

Запоздалая парочка заставила его насторожиться. Подсматривать за влюбленными некрасиво, но что поделаешь — засада есть засада.

Прошли мимо и повернули обратно. Приглядываются к тайнику? Опять прошли, опять вернулись. Стандартный прием приключенческого кино — при появлении вражеского патруля влюбленные целуются, и патруль проходит мимо.

Володя толкнул напарника: будь наготове! Веня ответил лирическим вздохом: провожаются — неужто с вами так не было?

Темнота скрыла Володин конфуз.

Парочка наконец исчезла. И довольно долго улица была пуста. Неужели все уже прошли?

Девчонка появилась со стороны парка. Как-то боком, с оглядкой. Огромный мужской пуловер висит мешком до колен.

— Чао, бамбино! — сообщил Веня. — Не хочет, чтобы ее провожали.

Теперь и Володя увидел легкий взмах пальцев, торчащих из темного бесформенного рукава. Кто-то там уходил по Парковой.

Володя отчетливо себе представил... Уходящий приостанавливается, смотрит назад, машет рукой — девчонка отвечает. Причем по движению ее пальцев можно определить — вот уходящий был еще недалеко, а вот он все дальше, дальше. Очень выразительная пластика!

Последнее прости — уходящий скрывается за поворотом. Девчонка раскланялась и сделала пируэт. Приложила палец ко лбу и засмеялась.

«Человек наедине с собой способен на странные выходки...» — Володе вспомнился рассказ Горького о чудачествах известных людей. Один поэт спускался вниз по широкой, совершенно пустой лестнице и почтительно посторонился перед кем-то невидимым, поднимающимся навстречу.

Девчонка кружилась и напевала, не подозревая, что за ней следят две пары глаз. Володя уже знал, кто она. Можно не спрашивать Веню.

Девчонка остановилась, словно бы сбившись с ритма. И опять этот характерный жест — палец ко лбу и засмеялась. Потом отмахнулась от каких-то возражений, легко и без оглядки подбежала к дому 25, поднялась на крыльцо, капризно подергала задвижку ящика, обнаружила проволоку и...

Веня придержал Володю: пусть вынет!

...Когда ее схватили с конвертом в руках, она ни капельки не испугалась.

— Что вам от меня нужно? Отдайте!

— Спокойно, — посоветовал Володя и тут же поймал себя на том, что прибег к любимому словечку Фомы.

— Отдайте! — Она пыталась вырвать конверт у Вени. — Не вам написано!

— А кому? — быстро спросил Володя. — Вам? Вы в этом уверены?

...В штабе Веня оседлал мотоцикл и поехал за Фоминим.

Анюта Голубцова гневно атаковала Володю:

— А еще директор музея! Интеллигентные люди не читают чужих писем!

— Но на конверте нет вашего имени и адреса, — корректно отбивался Володя. — Вы все-таки продолжаете настаивать, что он предназначен вам?

Не моргнув глазом, Анюта изложила свою примитивную версию. На дискотеке ей подсунили записку: «Письмо в почтовом ящике дома 25. Возьми после танцев». И никакой подписи.

— И что же вы подумали, прочитав такую странную записку?

Анюта улыбнулась с самым невинным видом.

— Ничего не думала. В дискотеку не для того ходят.

Но во взглядах, которые она бросала на пухлый конверт, Володя подметил упорную работу мысли.

— Вы кому-нибудь показывали записку?

— Вот еще! — Она дернула плечом.

— А что вы с ней сделали?

— Порвала и бросила.

— Куда? В урну?

Анюта помотала головой.

— Но все-таки... Как к вам попала записка? Кто передал?

— Сунул кто-то.

— Вас кто-нибудь провожал из дискотеки?

— Вот еще! — Она сердито фыркнула.

Приехал мрачный, как туча, Фомин, приказал позвать в понятия двух дружинников.

— Вот что, Голубцова! Сейчас разберемся, и тебя отвезут домой, а то уже поздно. — Фомин пригласил Анюту подойти к столу, указал на конверт. — Узнаешь? У тебя взяли?

Анюта кокетливо улыбнулась. Володя понял, что сейчас она сыграет какую-то эффектную, с ее точки зрения, роль. Приложила палец ко лбу, засмеялась.

— Нет, не узнаю. Первый раз вижу.

— Предполагаешь, что находится в конверте?

— Доллары! — Она откровенно потешалась над Фоминым.

— Сейчас поглядим... — Фомин достал из кармана нож-складень, аккуратно поддел клапан конверта, засунул лезвие внутрь и неторопливо вскрыл. — Посчитай! Все ли тут? — Быстрым движением Фомин вытряхнул на стол содержимое конверта.

Анюта завизжала, будто увидела змею. На столе рассыпались не какие-то нарезанные бумажки. Настоящие деньги!

— Ай да знахарь! — вырвалось у Володи.

Анюта замкнулась, больше ни слова.

— Отвези-ка ее домой, — сказал Фомин Вене Ророкину. — Утро вечера мудренее. А ты, Голубцова, подумай...

Володя еле дождался, чтобы за Анютой закрылась дверь.

— Она мне говорила — в дискотеке ей подсунили записку...

— Надеюсь, ты не устраивал допрос? — Фомин устремил на Володю профессиональный пронизывающий взгляд.

— Никоим образом! — запротестовал Володя. — Дружеская беседа! Анюта не помнит, кто передал записку. Это мог быть кто-то из тех, кого она привыкла видеть рядом и не замечать. Кто-то серенький. Есть такой тип людей. Ты их видишь и не видишь, то есть не фиксируешь в памяти. Самый наблюдательный свидетель может не назвать тебе такого человечка. А он, оказывается, был на месте преступления. Более того — он и есть преступник. Моя интуиция...

При слове «интуиция» Фомин рассвирепел: пошло-поехало... «Черт меня дернул послать Киселя в засаду. Если бы не он, ничего бы не случилось. Вообще никто бы не пришел за конвертом».

Возвратившись домой, Фомин старался не шуметь и не разбудить жену, но она все-таки проснулась.

И ни капли не удивилась, услышав про Анюту.

— Этого следовало ожидать.

«Золотая мысль, — отметил Фомин. — Что-то давно у нас не случалось ничего неожиданного».

— В десятом «А» вообще что-то неладно, — сказала Валентина Петровна. — Слава богу, не я там классный руководитель.

Фомин согласился: и в самом деле — слава богу.

Заснул он сразу же, но успел в последний миг увериться в догадке, возникшей еще в штабе: на тысячу можно купить инструменты для ВИА.

Володя увидел на обеденном столе кочан из газет, накрытый подушкой. Оглянулся на диван — Вася хитро приоткрыл один глаз.

— В дискотеке был?

Васька ничего не стал говорить. Ограничился мимикой, как всегда, очень выразительной. Привыкший читать по Васькиному лицу, Володя покивал, соглашаясь, что путятинские девчонки не достойны внимания, есть дела поважней.

Васька сел и нашарил ногами под диваном шлепанцы. Он уже освоился у Володи как дома. Даже перетаскивал свои учебники и тетради в бывшую Танькину комнату, уверяя, что тут ему удобнее учить уроки. Только ночевать он уходил к матери, да и то не всегда. Володя сначала опасался, что Васькина мать заявит ему свои претензии. Но ей по-прежнему не было никакого дела до сына.

Володя сбросил со стола подушку, раскутал газетный кочан. Картошка с грибами — пища богов! Горяченькая — пар идет.

— Наваливайтесь! — радушно пригласил Васька. — Жареная была. Под подушкой запарилась.

Такой вкусной жарехи Володя давно не едал. Васька неустанно совершенствовал открывшийся у него кулинарный талант. И как всякий хороший повар, ревниво следил за тем, как едят его стряпню. Володя попытался перепихнуть на сковородке самые аппетитные кружочки картошки поближе к Ваське. С Танькой такой номер всегда проходил успешно. Но Васька запротестовал с набитым ртом: «Бу-бу не бу...» — и решительно провел вилкой на сковородке пограничную черту.

К сожалению, Володя не мог рассказать своему доктору Ватсону ни про письмо, полученное знахарем, ни про засаду на Парковой, ни про Анюту.

Васькин рассказ был, по обыкновению, составлен из внешне бессвязных слов и множества междометий, отличавшихся необыкновенной выразительностью. Все это складывалось в картину очень яркую — и не какие-то небрежные мазки, прописана каждая деталь.

Володя увидел битком набитую дискотеку, сгрудившихся вместе подростков из Парижа и среди них Ханю, хвастающего своим знакомством с неким Ариком, прибывшим в Путятин с юга — торгануть помидорами. Этот Арик будто бы намекнул, что интересуется золотом. Володя насторожился. Значит, некий Арик Назаретян прибыл в Путятин якобы для торговли помидорами на рынке, где прежде никогда таких крупных дельцов не

видывали. Сразу по прибытии он нанимает комнату в доме сомнительной репутации и через Ханю дает знать по принципу «имеющий уши да слышит», что готов купить золото, похищенное в универмаге.

«А ведь я видел мельком этого Арика, — отметил про себя Володя. — Смуглый красавец, франт самого дурного тона, типичный спекулянт. Но посвящать в такое дельце Ханю — не очень удачный ход. Впрочем, разумнее будет предположить, что у Арика свой расчет. Он всегда может сказать — Ханя перепутал, не так понял, выдумал... Но неужели Арику откуда-то стало известно, что золото все еще находится в Путятине? Вполне возможно. Эти люди обычно располагают надежными источниками информации».

Васькин план был прост. Они следят за Ариком и подкарауливают его встречу с ворами. «Сдавайтесь! Вы окружены!»

Володя план одобрил. Можно подкараулить. И не обязательно для этого иметь оружие. Взять на испуг.

— Но мы пока не будем вмешиваться в расследование кражи из универмага, — сурово заявил Володя.

На Васькиной подвижной физиономии выразилось самое тонкое понимание всех обстоятельств: ладно, не будем вмешиваться. Но пусть воров поймают не чужие! Наша милиция, путятинская!..

Володе стало стыдно. «Васька — истинный путятинский патриот. А я — эгоист, думаю только о себе. Завтра же сообщу Фоме про подозрительного Арика. Нет, завтра воскресенье. В понедельник сразу сообщу...»

До понедельника оставалось... Володя поглядел на старые звонкие ходики с гирей в виде еловой шишки. Ходики показывали два часа ночи. Ваське давно пора спать. А до понедельника, до девяти утра, когда можно позвонить Фоме на работу... Нет, до восьми! Все равно времени еще много...

Володя произвел в уме простейшие арифметические действия. Ого! Тридцать часов! Времени слишком много. И кто может предугадать, какие делишки запланированы у подозрительного Арика на воскресенье. Нет, Фоме придется позвонить завтра — и как можно раньше!

У Васьки сна не было ни в одном глазу. Ваську распирали впечатления минувшего дня. Уйма новостей,

начиная с самого утра. С происшествия в мастерской Вити Жигалова.

Володя сразу понял, какую важную улику обнаружил участковый Журавлев. Но в бывшую мастерскую Сухарева следовало заглянуть хотя бы накануне, когда на газорезе еще можно было обнаружить следы, оставленные преступником или преступниками.

Васька выговорился и уснул. А Володя еще долго ворочался в постели, расставляя по местам красочные подробности минувшего дня. Думал про Анюту, про знахаря, про Джеку, про незнакомую Веру Соловьеву, которая заступилась на дискотеке за трусливого Спицына...

И все-таки до чего досадно, что даже такой наблюдательный человек, как Васька, не обратил внимания, с кем ушла с дискотеки Анюта Голубцова.

XII

Володя позвонил Фомину достаточно рано — еще семи не было. Но Фомин уже куда-то укатил.

Скоро ли вернется? Не сказал.

Сообщить о подозрительном Арике Володя не мог никому, кроме Фомы. И про газорез Вити Жигалова тоже только Фоме.

Добравшись до дискотеки, Володя увидел у входа догорающую кучу мусора. Он опоздал — и безнадежно. Пламя обратило в легкий серый пепел записку, подсунутую накануне на танцах Анюте Голубцовой.

«Если, конечно, Анюта не придумала, — поправил себя Володя. — Если она в самом деле получила записку».

Он не стал допытываться у старухи-уборщицы, взбадривающей костер черенком метлы, не попадались ли в мусоре мелкие клочки бумаги, подтверждающие алиби звезды путятинской эстрады.

«Но записка могла заинтересовать Анюту только в том случае, если она ждала от кого-то письма, — размышлял Володя. — От кого-то, кто не пришел в тот вечер. И кто назначил знахарю именно субботу».

Помахивая прихваченной из дому спортивной сумкой, Володя вышагивал в сторону Крутышки. Тем путем, которым вчера шла Анюта.

Как всегда, быстрый, энергичный шаг способствовал работе мозга. «Итак, великий Джека вчера предложил Анюте уйти из захиревшей «Юности» и стать солисткой блистательной «Радуги». Васькины сведения всегда точны и не нуждаются в перепроверке. Но можно ли из этого факта сделать вывод, что на Парковой Анюта махала рукой уходившему Джеке? И как объяснить, почему Джека не проводил ее до дома. Спесь провинциального кумира? Или тут кроется что-то иное? Скорее всего, сама Анюта постаралась распрощаться со своим провожатым, не доходя до дома 25. Ведь ей надо взять конверт из тайника. Но знала ли она, что находится в конверте? — Володя вспомнил гневные упреки Анюты: порядочные люди не читают чужих писем. — Вот тут она, пожалуй, допустила промах. Этот упрек был бы естественен, если бы она видела конверт издалека. Но она держала конверт в руках, и уж на ощупь-то можно отличить письмо от пачки денег...»

Все это выглядело логично, однако простейшие логические построения далеко не всегда себя оправдывают.

«Не стоит торопиться с выводами», — предупредил себя Володя.

Парковая суежилась. Из домов выносили и ставили ближе к проезжей части корзины и ведра с яблоками, картошкой и прочей огородной овощью. Крутышкинские пенсионеры возили свой товар на рынок по воскресеньям попозже, когда появляется массовый покупатель. Володя с печалью обозревал помидоры, выращенные под пленкой с великим трудом. Куда им, по-северному бледным, соперничать с дарами юга, привезенными оборотистым Ариком!

У ларька несколько человек дожидались открытия торговли. Володя перехватил возмущенный разговор. Опять вчера не горел фонарь, опять разбили... Кто-то видел, будто несколько раз кидали камнем с подворья нежилого дома.

Автобус заглушил голоса, брызнул из-под колес мелкими камешками и остановился напротив ларька. Пассажиров сошло многовато для воскресного дня и для маленькой Крутышки. Они сразу же уверенно двинулись по улице под водительством тетки в сапогах изумитель-

ного бирюзового цвета. Тетка шла как своя, не глазела на номера домов, но что-то подсказывало Володе, что она не здешняя, приезжая, причем издалека. А все идущие за ней и подавно приезжие.

«Странно...— размышлял Володя, вышагивая вслед за пассажирами автобуса.— Я не стал бы утверждать, что у нас в Путятине сложился свой стиль и потому приезжий человек сразу бросается в глаза. Но почему-то мы всегда узнаем, кто не нашенький...»

Он уже понял: процессия во главе с теткой в бирюзовых сапогах направляется к знахарю.

«Я не должен упускать такой прекрасный случай!.. Присоединюсь к ним и... Бог не выдаст, свинья не съест—с чужими имею шанс сойти за чужого. Вот только как быть с платой за визит? Десятки хватит?..»

Десятка в кармане была последней. До зарплаты еще целая неделя. К тому же отдавать свои трудовые заработки шарлатану и проходимцу—стыд и позор!

Володя отверг благоразумные колебания. В интересах дела он готов пожертвовать последней десяткой. Впрочем... не исключено, что он посидит, понаблюдает и затем улизнет под каким-нибудь благовидным предлогом.

Во двор к знахарю он вошел вместе с процессией, спросил, кто последний, и уселся на скамью под навесом, оказавшись рядом с пожилым мужчиной, одетым слишком тепло—под плащом был виден толстый свитер.

По разговору он сразу же постиг—все страждущие ехали из разных мест и познакомились в поезде. Роль организатора взяла на себя тетка в бирюзовых сапогах. Она действовала, как все неформальные лидеры очереди за дефицитом. Себя поставила первой, остальных распределила по старшинству знакомства с ней.

Дом знахаря с высоким боярским крыльцом не подавал признаков жизни, окна оставались зашторенными. Очередь подогрела себя беседой про невежд врачей и чудеса, совершаемые травниками и экстрасенсами. Володя узнал, что некоторым пациентам путятинский чудотворец рекомендует пожить здесь недельку, а то и две, ради полного курса лечения. Но живут несчастные жертвы обмана не в доме знахаря, снимают жилье по соседству.

Пожилый сосед по скамье, кажется, тоже настраивался на самый основательный курс лечения. Володя

обратил внимание на увесистые кулаки, неуклюже лежавшие на коленях,—они свидетельствовали о занятиях физическим трудом.

На этом интерес Володи к соседу закончился. Не стоит попусту расходовать свою наблюдательность, надо изучить владения знахаря—тут каждая мелочь может пригодиться. Взять хотя бы скамейки под навесом—забота о пациентах. И пациентов у знахаря бывает немало, скамейки рассчитаны человек на сорок, а то и больше.

Володя внимательно оглядывал чисто прибранный двор. Бетонированные дорожки, прочные хозяйственные постройки, живая изгородь из облепихи... А где сирень—краса и гордость Путятина, неременная принадлежность каждого дома? Володя напрасно вертел головой. Ни единого куста сирени! Такого в Путятине он еще не видал. Но, конечно, сирень—не облепиха. Целебных плодов не дает, колючками не обзавелась, так что и на изгородь не годится... Что ж, подворье рисует облик хозяина!

Володя чувал, что и его разглядывают. «Я одет более чем скромно, однако привлекаю внимание. Ум, культура... Этого не скроешь. Пожилому соседу кажется странным, с чего бы я притащился к знахарю...»

Человек вообще способен ощущать прикосновение чужого внимательного взгляда. Еще один пример из области бессознательного, которая до сих пор мало изучена. Любопытство пожилого соседа по скамье Володя ощущал как легкое и безобидное касание. И вдруг совершенно с другой стороны вонзился острейший укол. Кто-то смотрел на Володю из дома. Какое окно? Да, вон колыхнулась штора.

Герои детективного кино в таких случаях шикарно произносят на своем литературно-воровском языке: «Он меня вычислил!»

Володя усмехнулся и сел поразвязней, нога за ногу. Не его вина—таковы обстоятельства. И ему искренне жаль лидера этой очереди—тетку, вербующую по градам и весям пациентов для Прокопия Лукича Смирнова. Увы... Сегодня чудотворец-исцелитель не ее примет первой, чтобы выслушать подробную информацию о тех, кого она привела: чем болеют и как лечились... Сегодня первым окажется последний...

Дверь отворилась, и на крыльце возник старец в скромном костюме провинциального интеллигента, учителя или врача. Безукоризненно белый воротничок, неброский галстук...

— Владимир Александрович! Признаться, не ожидал. Наслышан о вас... наслышан...— Знахарь величественным жестом пригласил Володю в покои и ласково возвестил очереди: — Прошу не гневаться. Товарищ ко мне по неотложному делу.— Он пропустил Володю в дверь и шепнул на ухо: — Раненько пожаловали. Не ожидал. Ведь вам за полночь пришлось проканителиться с одной особой...

Кабинет знахаря выглядел внушительно. Книги со старинными кожаными корешками, пучки трав, киот с иконами древнего письма, реторты и колбы из набора «Юный химик»... Псевдоученую обстановку довершала увесистая конторская книга для записи пациентов, лежащая раскрытой, чтобы видны были графы: возраст, заболевание, установленное врачами... истинное заболевание...

Володя позволил себе мысленно поаплодировать старцу: «Браво, браво!» И задал первый вопрос:

— Вы положили в конверт деньги. Почему?

Старец печально улыбнулся.

— С вашей проницательностью, Владимир Александрович, вы бы и сами могли дать ответ. Вы перехватили конверт, и, стало быть, мои деньги ко мне вернутся. А представьте себе срыв задуманной операции. Бумажки вместо денег? Тут и глупец догадается, кто мне это посоветовал.

«А ведь он прав,— подумал Володя.— Бумажки вместо денег — типичная для Фомы привычка рассчитывать вперед не дальше одного хода».

Но поддерживать критические замечания знахаря, пусть даже справедливые, Володя не собирался. Произнес строго:

— Конверт мог попасть только в наши руки.

И тотчас подумал: «Как хорошо, что Анюта видела деньги, а не бумажки».

— К несчастью, я от природы боязлив,— сконфуженно признался старец, подтверждая Володины вчерашние впечатления.

Если верить рассказу Прокопия Лукича, ночью ему

не спалось: сказались переживания прошедшего вечера. Он долго ворочался в постели, затем вышел во двор глотнуть свежего воздуха и услышал за забором приглушенные голоса.

Чужие дети — не его забота. Но развалюха во дворе Голубцовых вплотную примыкает к забору, а в развалюхе ночуют до холодов Лешка и Сашка, имеющие привычку шляться допоздна. Иной раз они приводят бог весть кого, играют в карты и курят.

Знахарь описал Лешку и Сашку в самом неприглядном свете. Они когда-нибудь спялят и свой дом, и соседей, и всю Крутышку. Но то, что знахарь узнал нынешней ночью... Он стоял ни жив ни мертв... Конечно, что-то недослышал, что-то мог перепутать. И просит не приобщать его информацию к делу.

— У меня с вами неофициальный разговор, Владимир Александрович. Не более того! — Знахарь явно давал понять, что беседует с Володей, как с частным детективом.

Итак, если верить знахарю, Анюта Голубцова сообщила братьям, что ее застукала милиция. Братья стали расспрашивать, и Анюта назвала два имени — Киселев и Ророкин. Братья разразились чудовищной руганью и затем стали обсуждать планы мести.

— Больше на вас злобятся, Владимир Александрович. А на Ророкина не так. Сами понимаете... Ророкин один и с тремя справится.

Володя игнорировал намек на разницу в физической подготовке.

— Еще какие-нибудь имена называли?

Знахарь развел руками.

— Может, и называли, да я не разобрал. Знакомую фамилию легче услышать... Вы у нас человек знаменитый... Ророкин тутошний, из Крутышки.

— Постарайтесь припомнить... — мягко настаивал Володя.— Про Джеку говорили? Джека Ключев, руководитель ансамбля.

— Да знаю я Ключевых... — Знахарь задумался.— Не слышал, а измышлять — грех...

Что-то в голосе знахаря показалось Володе подозрительным, но лицо оставалось по-прежнему кротким и благостным.

К показаниям Лукича следовало относиться с изряд-

ной долей сомнения. И помнить, что у него с юными Голубцовыми — давняя вражда. Но все же... Весьма подозрительно, что Лешка с Сашкой упоминали фамилии Киселев и Ророкин... Только Аняте они известны.

Володя молниеносно сгруппировал имеющиеся в его распоряжении факты. Вполне возможно, что фонарь возле дома 25 разбили Лешка и Сашка. Аняте такое не под силу, нужна меткая мальчишечья рука...

Володя невольно содрогнулся, представив себе, как идет вечером домой... Провинциальный интеллигент, не владеющий приемами каратэ и практически беззащитный.

«Конечно, я постараюсь разглядеть тех, кто напал. Поэтому, если действовать профессионально, я должен уже с сегодняшнего вечера разгуливать в одиночестве по самым безлюдным улицам. Нападение, кто бы его ни совершил, ценнейшая улика...»

Усилием воли Володя пресек разыгравшуюся фантазию. Пора уходить — очередь ждет. Но знахарь его не отпустил, принялся морочить голову рассуждениями про фитотерапию — лечение травами.

Старец и не подозревал, что напал на знатока. Володя мысленно отмечал, откуда позаимствована эрудиция. Ермолов «Всенародная агрономия», современный справочник по лекарственным растениям, Мельников-Печерский «В лесах и на горах». Ну и, разумеется, «Литературная газета», «Наука и жизнь»... Знахарю по нашим временам приходится быть в курсе новых веяний. Лекарь-частник не может позволить себе быть старомодным, как, к примеру, путятинская городская поликлиника, где всех лечат по шаблону.

— Только невежды употребляют настой или отвар одной-единственной травы, — напористо разъяснял Прокопий Лукич. — Народные рецепты стоят на семи или девяти травах... Так вот, исходя из сложности народных рецептов, можно ли мои труды приравнять к паразитическому образу жизни? Специалиста по фитотерапии ставить на одну доску со спекулянтом?! — В глазах Прокопия Лукича вспыхнул обличительный огонь. — Недавно меня посетил подобного рода тунеядец. Он явился ко мне не ради исцеления. Открыто и нагло предложил торговую сделку. Он мне — южные травы, я ему — наши, со среднерусской полосы. Пришлось сказать без церемо-

ний: «Вот бог, а вот порог!» — Прокопий Лукич пролистал свою конторскую книгу и остановил палец на нужной странице. — Нашел!.. Я всех записываю, кто ко мне обращается. Назаретян Арутюн Бабкенович. Просил называть его просто Ариком. Обратите внимание — против его фамилии нет диагноза и нет моих назначений...

Володя постарался не выдать ни единым мускулом, как его заинтересовал визит к травнику помидорного короля Арика. Но что Арику травы среднерусской полосы! Ему и помидоры служат прикрытием! Арик только затем и явился в Путятин, чтобы приобрести золотишко, украденное в универмаге.

— Господи, кто только ко мне не обращается! — продолжал знахарь, задумчиво поглаживая конторскую книгу. — Иной раз приходят и за приворотным зельем. Таких страждущих в книгу не записываю. Чужая тайна для меня священна. Только имя спрашиваю. Помню, одна сначала не своим именем назвалась. Я ей попенял. Покраснела до ушей и говорит: «Меня зовут Вера». Мне жалко стало. Понял, как ей трудно было решиться ко мне прийти. Объясняю доходчиво: я такой же врач, как все, лечу болезни. Да разве объяснишь уязвленному обидой сердцу! — Знахарь впал в элегический тон. — Ну и дал ей самое безвредное: плакун-траву, сиречь лютик обыкновенный.

— Однако деньги с нее взяли?! — Володя вложил в свой вопрос побольше негодования.

— Приходится, — старец кротко опустил глаза. — Сами суют. Нынче только платному верят. Купленному за деньги. Что мне, жалко задаром дать настой плакун-травы? Ее пруд пруди. Так ведь не поможет... А купленная за деньги, и простая вода врачует. Тем паче, если боль в душе, а не в теле... Психотерапия...

«Ловкий жулик, — думал Володя. — Какие теории разводит».

Давно пора было закончить визит, но знахарь разговорился.

— Каждому врачу приходится практиковать как психотерапевту. Вы не обратили внимания на женщину во главе очереди? Приехала в третий раз. Могу вам назвать фамилию и показать, что у меня про нее записано. Она практически здорова, хотя жалуется на кучу недугов. Я ее лечил от нервов, но спросите сами, и она вам рас-

пишет, что мои травы спасли ее от рака. Зато мужчина, сидевший рядом с вами, серьезно болен. С виду он здоровый, однако внешность бывает обманчива. Внутри любого крепкого человека может гнездиться неизлечимая болезнь. Кстати, он вам не сказывал, откуда он и кто по профессии? Что-то мне сдается, он издалека.

Примитивная хитрость насмешила Володю. Он не собирался давать информацию о своем соседе по скамье и тем самым содействовать околпачиванию клиентуры.

— Редко приходится общаться с местной интеллигенцией,— печалился знахарь, провожая Володю к двери.— Не смогу ли я оказаться полезным для музея? Под вашим руководством он достиг огромных успехов. Я бы мог поделиться образцами целебных трав, произрастающих в нашей местности. Разумеется, безвозмездно...

«Этого мне только не хватало. Стенд, преподнесенный П. Л. Смирновым!»

— Такая экспозиция уже нами сделана,— солгал Володя.

Теперь и в самом деле придется срочно выставить в музее лекарственные травы. Черт бы побрал Лукича, но он подал недурную идею.

...Пока Володя сидел у знахаря, очередь успела подрасти. Но пожилого мужчины с тяжелыми кулаками уже не было. Правильно сделал, что ушел отсюда. Если он и вправду болен. На этот счет у знахаря все-таки опыт есть. Больного от здорового отличает.

С краешка скамьи теперь сидели местные, путятинские старухи. Это Володя определил мгновенно. «Узнают — позора не оберешься!» Но старухи не обратили на Володю никакого внимания. Они, перебивая друг друга, рассказывали приезжим про преступление века.

Володя прошел мимо очереди отворотясь, однако краем уха уловил, какие версии муссирует путятинский пенклуб, посиделки пенсионеров. Одна старуха утверждала, что золото уже тютю, за границей. Другая, что кражу выдумали продавщицы и золото у них. Третья... Володя даже оглянулся: не ее ли он видел вчера в автобусе? Нет, этой там не было. Но она бойко молотила про чертей: золото унесли черти...

«С чего бы в Путятине так оживилась нечистая сила? — иронически подумал Володя.— Спасу от нее нет!..»

Выйдя из ворот, он обнаружил, что пожилой работяга ушел недалеко. Да он на самом деле болен! Скрюченная фигура, неровная походка...

Ай да знахарь! Прозорлив! Жулики и шарлатаны вообще более наблюдательны, чем порядочные люди. Володя сидел рядом и ничего не заметил. Впрочем, человек мог чувствовать себя прекрасно, а потом вдруг начался приступ...

«Надо бы догнать и спросить. Он же здесь никого не знает... Вызову по телефону неотложку, он посидит на лавочке...— Но тут же Володе представилось, какими глазами посмотрит страдающий человек на ловчака и нахала, проскочившего на прием без очереди.— Нет, лучше к нему не подходить. Двинусь следом и в случае чего помогу...»

Мимо дома Голубцовых Володя пошел медленнее. Что это? Сквозь плотно закрытые ставни доносятся звуки рояля и приличные вокализы: «А-а-а». Анюта Голубцова. Какой чудесный тембр! И занимается с утра как ни в чем не бывало. Зато оба братца, надо полагать, дрыхнут...

Володя поймал себя на том, что интуитивно стремится выгородить Анюту. Хотя все факты против нее.

«Но почему в ночном разговоре, подслушанном знахарем, она не назвала Фомина? Фамилия знахарю знакомая, он бы про Фомина расслышал... Значит...— Володя еле удержался, чтобы не вскричать «эврика!».— Возможен и такой вариант. Не было никакого ночного разговора Анюты с братцами. Знахарь прятался где-то поблизости от дома 25 и видел, как ее задержали Киселев и Ророкин. Потому он и назвал мне эти фамилии. В штаб с нами знахарь не ходил и Фомина не видел. Потому и не назвал. Анюта в разговоре с братцами обязательно бы назвала. Значит, такого разговора не было...»

Поразмыслив, Володя решил, что вариант неплохой, но опять свидетельствует о его стремлении любыми путями выгородить Анюту.

Однако, что бы то ни было, своим визитом к знахарю он добился многого. Все произошло без подготовки, спонтанно и в то же время стратегически точно, без единого промаха. Иной раз тщательно продуманный план не способен дать то, что возникает вдруг по внезапному озарению.

«А десятка? — Володя похлопал по карману. — Я про нее и забыл!»

Недавний сосед по скамье украдкой оглянулся и ускорил шаг. Кажется, он принял Володю за сообщника знахаря, посланного вдогонку, чтобы вернуть, уговорить.

На остановке у ларька стоял автобус. Левая мигалка включена — сейчас тронется.

Володин подопечный с неожиданной для больного прытью рванулся наперерез автобусу и успел вскочить прежде, чем двери захлопнулись.

Володя отчаянно махнул руками вслед. Никакого результата. Автобус уносил больного человека не к центру, не к вокзалу и не к поликлинике, а в противоположном направлении, к конечной остановке у кладбища.

«Ладно, в автобусе ему объяснят. Конечная стоянка не такая уж долгая, поедет обратно...»

Проходя мимо дома 25, Володя подивился, до чего прост при дневном свете тайник в ящике для почты, и предался размышлениям о самом легком и незамысловатом варианте дела о шантаже.

«Два шалопазя живут по соседству со знахарем, ежедневно наблюдают поток пациентов, поток денег, наживаемых нечестным путем. Соблазнительная картина для юнцов. Деньги лежат рядом — дело за тем, как их взять. В этой истории колоссальную роль играют новейшие тенденции подростковой моды, достигшие и Путятин. Проблема карманных денег на мелкие расходы отошла в прошлое. Возникает проблема обращения в кругу подростков довольно крупных сумм. Магнитофоны, диски, электрогитары, коллекции автомобильчиков, импортных солдатиков... Все это затягивает и сильных и слабых. За деньги девчонка покупает у знахаря приворотное зелье. И тут не только невежество или мода на травников и экстрасенсов. Как сказал знахарь? «Нынче только платному верят»...»

В систему Володиных логических рассуждений о купле-продаже, проникшей в среду подростков, не укладывалась цифра с тремя нолями. Тысяча рублей! Многовато для начинающих юных шантажистов...

Внезапная догадка заставила его остановиться. Володя полез в карман и достал бережно хранимую в полиэтиленовом пакете записку на тетрадном листке. Как он раньше этого не заметил? Последний ноль какой-

то не такой. Кривоват и тощ. Явно дописан позже! Сначала у знахаря требовали более скромный выкуп — сто рублей...

«Что ноль дописан позже, можно считать почти доказанным. — Володя аккуратно упаковал в полиэтилен улику, ставшую еще более ценной. — У знахаря достаточно плохие отношения с Лешкой и Сашкой, он сразу понял, от кого исходит угроза, и приписал еще ноль, чтобы подвести юных Голубцовых под более серьезное обвинение... — Володя продолжал свой путь по Парковой, все более укрепляясь в решении просить Фому, чтобы записку отправили на графическую экспертизу. — Если удастся установить, что третий ноль дописан другой рукой, другим шариковым стержнем, тогда...»

И тут Володе пришла еще одна догадка. «Третий ноль дописан той же рукой и тем же стержнем! Знахарь сам состряпал историю с вымогательством! Все сам, от начала и до конца!..»

Автобус, с которым уехал пожилой пациент знахаря, нагнал Володю у поворота с Парковой на Фабричную. Пассажиров было немного, и Володя разглядел: того, кого он ищет, в автобусе нет.

Шофер никак не мог понять, о ком его спрашивают: «Какой больной?»

Конечно, если человек с разбега прыгает в автобус, его трудно принять за больного. Володе пришлось набросать словесный портрет. И оказалось, что «здоровенный бугай» (так выразился шофер) никого ни о чем не спрашивал и доехал до конечной, до кладбища. Там все пассажиры с лейками и лопатами выгрузились и отправились ухаживать за родными могилами, а «бугай», опять никого не спрашивая, попер куда-то в обход ограды.

Автобус укатил, оставив Володю в шоковом состоянии.

«Я жалкий дилетант! Бездарь! Ничтожество! Самовлюбленный осел! Меня одурачили и провели, как мальчишку. Пока я плел свои наивные ловушки в беседе со знахарем, некая подозрительная личность поспешила исчезнуть. И тут пахнет не мелким шантажом, не ста рублями... И даже не тысячью... Тут — поднимай выше! — похищение всего путятинского золотого запаса!

Но почему преступник безмятежно посиживал во

дворе знахаря и сбежал лишь за минуту до того, как я попрощался с Прокопием Лукичом? Меня сбило с толку, что он шел в процессии, ведомой теткой в бирюзовых сапогах,—лихорадочно вспоминал Володя.—Я настраивался видеть всех пациентами знахаря. А тут еще Лукич распознал у него тяжелый недуг. Вот это неспроста: знахарю что-то известно... А в том, что его пациент — преступник, можно не сомневаться. Опытный. Заметил слежку и ловко оторвался от преследователя...»

Володя свернул на улицу Пушкина и остановился в раздумье: «Куда идти — в милицию? в музей?»

Он все-таки не давал Фоме окончательного обещания остаться в стороне от расследования кражи из универмага. Но теперь ему требовалось железное алиби: он никуда не совался, дело, всколыхнувшее весь Путятин, само плывет к нему в руки.

«Где же сейчас Фома?»

ХІІІ

Участковый инспектор Сироткин доложил Фомину: у шабашников, строящих комплекс, трудовое соглашение с колхозом заключено по всем правилам, документы членов бригады в порядке. Молодые неимущие интеллигенты используют свой отпуск, чтобы подработать — кто на машину, кто на кооперативную квартиру.

Жители Нелюшки в беседах с Фоминым отзывались о шабашниках положительно. Вкалывают от зари до зари, на танцах в колхозном клубе ведут себя скромно. О бригадире шабашников говорили по-разному. Для кого жулик, каких свет не видал, для кого деловой мужик, умеющий все достать. Участковый Сироткин как раз о Маркине и хотел вчера посоветоваться с Фоминым — пронырливый бригадир шабашников не только лихо добывает для стройки дефицитные стройматериалы, но и лихо пускает их на сторону.

Бригада называла своего бригадира только по фамилии. И за глаза, и в лицо. Маркин — никакого имени и отчества. Его дело шустрить и выкручиваться. Наше — честно вкалывать за хорошие деньги.

С Маркиным Фомин встретиться не смог. Тот с утра

уехал в Путятин на похороны. У проворного бригадира шабашников завязались в городе крепкие связи — на похороны зовут только самых близких.

Со вчерашнего дня отсутствовал и Эдик Вязников...

Чертов Кисель! Напророчил! Исчезнувший Эдик действительно работал шофером и действительно возил на стройку бетонный раствор. Перед глазами Фомина возник серый бугорок под одинокой сосной...

«Спокойно!» Он помотал головой, чтобы прогнать наваждение.

Значит, исчез тот самый Эдик, которым возмущалась Альбертовна и которого хвалила Даниловна.

Эдику Вязникову пришла из дома срочная телеграмма: «Отец больнице приезжай немедленно». Телеграмма настоящая — Сироткин проверил на почте. Но какая семья у Эдика, чем болен отец, никто в бригаде не знал. Его отъезд ставил шабашников в трудное положение: они лишались единственного шофера. Правда, водительские права были еще у Маркина. Однако если бригадир сядет за руль самосвала, кто взвалит на себя снабженческие обязанности? Таких добровольцев в бригаде не нашлось, все хотели работать честно, а мухлевать — специальность Маркина.

И все же Эдика они отпустили. Даже можно сказать, отправили домой насильно, как и положено порядочным людям. Хотя Эдик не переставал твердить, что он должен остаться, он подводит бригаду, из-за него они меньше зарабатывают и так далее. Отвез его в Путятин на станцию заведующий колхозным радиоузлом Валерий Чернов.

— Тот самый Чернов? — строго спросил Фомин участкового.

— Так точно! — Сироткин покраснел до ушей.

Месяц назад он примчался в управление с паническим сообщением: изобретатель-самоучка Чернов собрался строить дельтаплан. Надо ли дозволить появление частного летательного средства или немедленно пресечь? Поступок Сироткина разбирался на летучке. По всей стране энтузиасты строят дельтапланы, все газеты пишут, а Сироткин не в курсе.

«Так то в газетах, а то у нас в районе», — оправдывался участковый.

С Черновым у него хватало хлопот.

Изобретатель-самоучка начинал скромно. Вернулся домой после армии и соорудил из старого мотоцикла мини-трактор «Ишачок». Мини-тракторы теперь у всех. Конструкция Валерия отличалась только необычным названием. Любопытным он охотно объяснял, что, служа в Средней Азии, проникся глубочайшим уважением к труду и терпению ишаков. Что же касается упрямства, то эта черта, по заверениям Валерия, чрезвычайно сближала ишаков с некоторыми людьми, например с Васей Сироткиным.

«Ишачок», он же «Сироткин», исправно пахал в Нелюшке огороды, а Валерий увлекся фантастической идеей построить амфибию. И построил. Однако путятинская ГАИ категорически отказалась выдать на амфибию автомобильный номер. Валерий отправился своим ходом в Москву, и Путятин ахнул, увидев на экранах телевизоров своего земляка, непринужденно беседующего с ведущим передачи «Это вы можете» о достоинствах полых лобовых стекол и колес, закрытых обтекателями. Валерий заявил, что его следующая работа пока секрет, но название уже есть — «Фантомас».

Однажды вся Нелюшка слушала колхозные известия. Знакомый голос Валерия Чернова читал сводку: столько-то убрано льна, столько-то сдано молока.

Оставшееся время Валерий использовал на музыкальные приветы труженикам колхоза. Назовет кого-нибудь и объявит: «Для вас споет хор под управлением Свешникова», «Для вас споет Алла Пугачева».

Даже самая ветхая бабуля понимала, что ни хор Свешникова, ни знаменитая Алла не прибыли в Нелюшку, чтобы спеть в радиоузле перед микрофоном. Поет Валеркина техника. И все равно приятно.

В тот вечер Валерий поприветствовал всеми уважаемую фельдшерицу песней «Рябина».

Фельдшерица сидела дома за шитьем. Растрогалась вниманием — ее любимая песня. Мечтательно подперла щеку рукой и не заметила, как стала подпевать. И вдруг ей сделалось не по себе: «Кому подпеваю? Уж не мой ли по радио голос? Что делается? С ума схожу!..»

На ее счастье, вскоре примчались соседки. С их помощью она вспомнила: позавчера у себя дома у раскрытого окна пела «Рябину». Как же это Валерка

исхитрился записать? Да еще с таким вздохом под конец! Стыд и ужас!..

Получив жалобу фельдшерицы, Сироткин немедленно опечатал колхозный радиоузел, а затем отправился домой к Валерию и обнаружил там шпионское гнездо. Дом был набит всевозможной радиотехникой, микрофонами, магнитофонами, приемниками, передатчиками. Провода пересекали комнаты во всех направлениях и уходили из дома по заборам и кустам.

Изобретатель сидел у пульта управления.

— Чем вы здесь занимаетесь? — строго спросил Сироткин.

— Изучаю жизнь с помощью «Фантомаса».

— Какой такой «Фантомас»? — Сироткин не был силен в технике.

Не долго думая, он ткнул пальцем в одну из кнопок на пульте.

Раздался шум и плеск сильного дождя, хотя за окном светило солнце. Потом послышалось чавканье грязи под тяжелыми сапогами. Двое шли под дождем, громко обсуждая причины поломки комбайна.

— Понятно, — сказал Сироткин. — Прошу следовать за мной.

Дело обошлось штрафом и клятвенным обещанием Валерия Чернова, что больше такое не повторится. Но своего слова изобретатель не сдержал.

Шло колхозное правление. Радио никто не включал, приемник на столе председателя заговорил сам: «Товарищи члены правления! Передаю для вас запись беседы нашего председателя с механизаторами на машинном дворе».

Из приемника полились бранные слова. Женщины заткнули уши, мужчины кинулись выключать, но приемник не унимался. Побежали в радиоузел — дверь оказалась запертой изнутри. Валерий прокрутил запись до конца и только тогда вышел, угодив прямоком в руки Сироткина.

Правленцы сгоряча постановили исключить Чернова из колхоза и снять с заведования радиоузлом. Но запись председательской речи осталась у него, и Валерий повез ее в Путятин. В результате история сделалась известной всему району, теперь уже председателю пришел черед

давать слово, что больше такое не повторится. А изобретатель свел знакомство с директором музея. «Фантомас» для музея просто клад. Записи фольклора! Воспоминания ветеранов! Музей открывает свою фонотеку, архив звукозаписей! Придет время — и потомки скажут спасибо тем, кто сохранил для них голоса жизни...

Киселев развернул перед Валерием блистательный план. С тех пор «Фантомас» регулярно записывал для музея колхозные посиделки со старинными песнями, свадьбы, собрания. А песни фронтовых лет в исполнении пастуха дяди Коли Семенова передало даже районное радио.

...На счастье Фомина, изобретатель оказался дома — с паяльником в руках что-то починял в паутине проводов, раскинутой «Фантомасом».

— Как дела с дельтапланом? — благодушно спросил Фомин.

— Моя милиция меня бережет. — Изобретатель ухмыльнулся. — Чтобы Чернов не разбился, как Икар. Все в порядке, Николай Павлович. А что же Сироткин с вами не пришел? — На этот вопрос Фомин отвечать не стал, разговор о Сироткине — лишняя трата времени. — Если вы насчет дяди Васи, — продолжал Чернов, — то вчера он был в Нелюшке, но не у меня, у шабашников. Я все делаю сам. Правда, с расчетами немного зашился. Думал, научные силы помогут, ну эти, с комплекса. Но у них с математикой напряженно — не секут.

— Просто не хотят с тобой возиться, — посочувствовал Фомин.

Валерий презрительно усмехнулся:

— Ну и не надо. Без них справимся. Ребята помогут, я тут познакомился, они на картошку приезжали — толковые головы. Витю Жигалова знаете? Мы с ним весь дельтаплан проинтуичили, все узлы.

«Принтуичили?.. Ну-ну...» — отметил про себя Фомин. — И этот помешан на интуиции».

На разговор о Вязникове Валерий шел неохотно. Следить за шабашниками — не его печаль. И вообще он не хочет отбивать хлеб у Сироткина. По дороге на станцию Вязников ничего не рассказывал. Раньше, правда, случалось перекинуться словом. Вязников говорил, что имеет

шоферские права со студенческих лет. Конечно, руль крутить может, но в технике не сечет.

— На этом моя личная информация заканчивается, — заявил Валерий.

— А есть и еще чья-то? — Фомин покосился на «Фантомаса». Налетову можно рассказать о таком источнике, но Егорову?.. Фомин мрачно обзрел самодельные некрашенные полки, сплошь заставленные магнитофонными кассетами.

— У меня полный порядок, — похвастал Валерий. — Видите на кассетах цветные полоски? Клубные записи помечаю красной краской, уличные — желтой, фольклор — синей, природу — зеленой...

— Так, так... — Фомин все еще колебался. — Значит, фольклор и клубные записи у тебя для музея. А уличные? Сам слушаешь или еще кто?

— Никто! — отрезал Валерий. — Через сотню лет потомок будет изучать записанные мною голоса жизни как талантливейшее художественное произведение. Я работаю на будущее. Но для вас сделаю исключение.

Фомин старался перевоплотиться в человека далекого будущего. Ничего не вышло. Художественные достоинства «голосов жизни» до него не доходили. Самое бессовестное подслушивание! Без разбора. То визгливая свара у колодца, то доверительный шепоток на лавочке, то собака кого-то хватанула за штаны... Что могут подумать далекие потомки? Какую жизнь они себе представляют?

Информация о Вязникове прозвучала в двух записях.

В первой Фомин узнал голос Прокопия Лукича Смирнова. Другой голос, как сообщил Валерий, принадлежал Маркину. Сироткин оказался прав — бригадир Маркин подторговывал материалами со стройки. Прокопию Лукичу он продал машину бетонного раствора. Из их беседы Фомин понял, что знахарь собирался забетонировать дорожки у себя во дворе. Жулики условились о цене. Дело оставалось за тем, согласится ли Эдик отвезти раствор. Маркин надеялся, что согласится. В бригаде интеллигентов Эдик самый неимущий. Все болтают про свои будущие машины и квартиры — он помалкивает.

Во второй записи звенел девичий голос: «Иду на оста-

новку, а Эдик навстречу: «Ты куда?» Я говорю: «В город». А он: «По каким делам?»

«Ну, а ты что?» — спросил другой девичий голос, немножечко завистливый.

Я говорю: «Колечко хочу купить. С рубином». Он дверцу открыл: «Садись. Прокачу с ветерком».

«Ну и что?»

«Сели и поехали. Эдик тоже решил колечки посмотреть. Кому-то для подарка».

«Купили?» — спросил другой голос совсем завистливо.

«Нет... Приехали, а универмаг закрыт...»

Разговор девчонок Фомин попросил прокрутить еще раз.

«Любопытная поездка. Девчонке могло показаться, что Эдик решил поехать в город ради нее и ради колечка кому-то в подарок. В рабочий день так легко маршрут не меняют. Возможно, Эдик возил раствор Лукичу. Для девчонки заезд по пути в Крутышку — мелочь, не стоящая внимания. Она рассказывала подруге только важное для нее: «Приехали, а универмаг закрыт».

Но самое любопытное тут разговор о колечках, — продолжал размышлять Фомин. — Почему девчонка собралась в город? Потому, что узнала от кого-то: в универмаге сейчас большой выбор. Очень важная подробность! Про золото в универмаге — никогда столько не привозили! — знал весь город и весь район. И уж девчонка, которую Эдик прокатил с ветерком, всю дорогу трещала про колечки-цепочки...»

Сам собой начал складываться план. Конечно, дурацкие выдумки Киселя, что шофера убили сообщники, а труп зарыли в лесу, начисто исключались. Но преступникам действительно могла понадобиться машина. Причем такая, чтобы не бросалась в глаза. И тут вполне подошел Эдик.

«Значит, так, — прикидывал про себя Фомин. — Сироткин должен узнать, где находился Эдик в ночь ограбления. И когда ездил в город якобы покупать кольцо кому-то в подарок. К сожалению, «Фантомас» не фиксирует даты — потомкам они ни к чему. Но о «Фантомасе» лучше забыть, будто его не было. Обойдемся без узнавания девчонки по голосу. Есть ее подружки. Сироткину достаточно закинуть удочку, что Эдика с кем-то

видели в городе около универмага. И кстати, не мешает описать его приметы продавщицам ювелирного отдела: не возникал ли он там в роли покупателя. Ну и непременно запрос по месту жительства Эдика: там ли он и когда прибыл...»

Своим планом Фомин остался доволен. Обычная проверка. Если окажется пустым номером, можно спокойно доложить обо всех действиях капитану Егорову. Ну, а если вдруг...

Фомин решительно пресек свои мечты о посрамлении Егорова. Не о том надо думать. О деле!

На прощание Валерий решил потешить гостя записями голосов природы.

— Хотите послушать утро в лесу? — говорил Валерий, перебирая записи, помеченные зеленой полоской. — Нет, лучше я вам поставлю вечер на болоте... Между прочим, теперь лягушек становится все меньше и меньше. Мрут от гербицидов. Наши потомки и знать не будут, что такое полноценный лягушиный концерт. — Валерий отыскал наконец нужную кассету. — В старину по крику лягушек предсказывали погоду. Я поставил эксперимент. Вечером записываю прогноз, переданный по радио, затем выношу микрофоны на болото, и «Фантомас» работает на автоматическом режиме: через каждый час пять минут записи. И так всю ночь. Утром другого дня записываю на пленку итог: какая на самом деле погода, температура воздуха, давление...

Валерий нажал клавишу. «Фантомас» заговорил выверенным голосом диктора: «Облачность, местами ливневые дожди...» Затем последовала тишина, ее прервал нудный скрип — так скрипят высохшие на корню деревья. Опять тишина, и вдруг неуверенное «ква» одинокой лягушки, еще «ква», еще, всплеск воды, ответный уверенный клич — и вот уже грянул дружный лягушиный хор.

— Чисто выводят! — Валерий взмахивал рукой, как бы дирижируя хором.

Пение лягушек всегда казалось Фомину безобразным криком. Но в магнитофонной записи оно обрело собранность и даже стройность. Никакой разноголосицы — торжественная болотная оратория. Даже досада взяла, когда через пять минут запись кончилась. Но сразу хор запел что-то новое.

— Ритм улавливаете? — спросил Валерий. — Минималистская музыка. Самая теперь мода. Композиторы-минималисты отказались от сложных мелодий. Будущее, как они считают, за музыкой, близкой к естественным звукам природы. Моих лягушек хоть сейчас пиши на диск...

Лягушки запели что-то лирическое, задушевное.

«Но почему, — печально думал Фомин, — музыка все упрощается, вот и до минимализма дошли, а для исполнения музыкантам подавай дорогостоящую аппаратуру...» — Фомину отчетливо вспомнился синтезатор «Алиса», выставленный на самом видном месте в отделе радиотоваров универмага: цена 760 рублей. — Сами выставаем, — размышлял он с досадой, — дразним ребят, а потом какая-нибудь Анята приходит за конвертом...»

Фомин решительно приподнялся: хорош лягушинный концерт, но пора... И тут за его спиной раздался кашель. Фомин круто обернулся: кто пришел? Никого! В комнате только он и Валерий.

— Шляются по ночам, портят записи. — Валерий протянул руку, чтобы выключить «Фантомас».

— Погоди. — Фомин и сам не знал, зачем ему понадобилось удержать Валерия.

Двое притащившихся ночью на болото разговаривали вполголоса.

Первый: «Ты не можешь выйти из игры. Надо было отказываться сразу. До того, как тебе раскрыли весь план».

Второй: «Я имею право отказаться, когда хочу». Второй явно нервничал, трусил.

Первый: «Не имеешь. Поезд уже ушел. И чего бояться? На нас никто не подумает».

Второй молчал. И молчание затягивалось. «Ну...» — Фомин напряженно ждал, струсит второй или решится дать отпор. Нет, ничего не слышать. Даже лягушки куда-то пропали.

— Все, Николай Павлович, — сказал Валерий. — Я же вам объяснял, «Фантомас» пишет ночью на автоматическом режиме.

Фомин критически оглядел паутину проводов, раскинутую по всему дому: «Тоже мне — автоматика. Человек,

услышав такой разговор, непременно дождался бы конца. А «Фантомасу» все равно, вырубает запись на самом интересном месте».

На обратном пути, пришпоривая казенный мотоцикл с коляской, взятый для поездки в Нелюшку, Фомин перебирал в памяти странный разговор на болоте. Про какой план говорили?

И почему такая уверенность, что на них никто не подумает? Кто они и что собирались совершить?

Валерию оба голоса незнакомы. Своих, нелюшкинских, он всех хоть по разу писал. Эти, значит, из приезжих.

Фомин мысленно перебирал, кто это мог быть. Эдик Вязников со своим сообщником? Но почему обязательно начинать с Эдика! Летом в Нелюшке полно приезжих. Родня навевается. Туристы — пешие и на автомобилях. Шефы с фабрики приезжают на сенокос. Ребята-старшеклассники...

Если бы «Фантомас» записывал месяц и число... Нет даты — не с чего начать... Сводка погоды про облачность и ливневые дожди — не примета, нынешним летом ливневые дожди поливали район каждый день.

«Кисель на моем месте сразу бы сочинил увлекательную версию, — рассуждал Фомин, мчась на бешеной скорости по пустому шоссе. — Но только Кисель способен придать серьезное значение угрозам «ты не можешь выйти из игры», «поезд ушел»... Книжные слова, из детективов. Да, пожалуй, эти двое — школьного возраста, хотя голоса как у взрослых. Акселераты... Вале звонят по телефону ее восьмиклассники — по голосу не отличишь от взрослого...»

Миновав мост через Путь у въезда в город, Фомин не повернул к себе домой в микрорайон, поехал в музей. Кисель наверняка там — по воскресеньям у него прием важных гостей, прибывших издалека.

Возле парадного подъезда с чугунными столбиками и кружевами каслинского литья стоял синий «мерседес». У Киселя иностранцы? Нет, номер московский, для частных. Фомин поставил свой мотоцикл канареечного цвета рядом с «мерседесом». Неплохо смотрится.

На крыльцо музея вывалила шумная компания. Гостей провожал Кисель, собственной персоной.

— Привет! — крикнул он Фомину. — Подожди. Я сейчас.

Рукопожатия, прощальный галдеж: «До встречи в Москве», и «мерседес» трогается.

В наступившей тишине со ступенек донесся утомленный стон:

— Надоели! Работать мешают!..

— Кисель в своем репертуаре, — съязвил Фомин. — Другой бы на твоём месте радовался. А как директор музея ты просто обязан гордиться, что сюда едут.

— Говоришь, едут?.. А ты хочешь знать, что их интересует в Путятине? Ну, разумеется, музей, картины Пушкина, легенда о портрете девушки в турецкой шали. Кое-кто слышан и обо мне. О чуде, запершемся в глухой провинции... Но есть у нас в городе и ещё одна достопримечательность. Высокие гости прямиком отсюда направились к магу-исцелителю Прокопию Лукичу Смирнову, широко известному в творческих кругах как самобытный мыслитель и поэтическая натура.

Не переставая возмущаться, Володя повел Фомина наверх, в свой кабинет. Они уселись в старинные кожаные кресла, и Фомин открыл было рот, чтобы рассказать про подозрительный разговор на болоте, но Володя продолжал изливать свой гнев.

«Спокойно, — внушал себе Фомин. — Пусть выговорится».

И вдруг разгневанный Кисель сам себя прервал:

— Да ну их! У нас с тобой есть дела поважнее. Я тебе должен сказать... Понимаешь, Фома, я помню, ты меня предупредил насчёт универмага. Не совать нос и так далее... Я не хотел. Это слепой случай. Приходит Васька и сообщает, что газорез, принадлежавший Сухареву, кто-то брал и положил не на прежнее место. Это заметил Витя Жигалов, которому разрешили временно занять будку. Фома, газорез побывал в руках преступников! Это ясно как божий день!

— Спасибо за информацию, — проронил Фомин. — У меня для тебя тоже кое-что есть.

— Это ещё не всё! — вскричал Володя. — Ты извини, Фома... Совершенно случайно мой путь скрестился с путем одного подозрительного типа. К сожалению, он

меня принял... Ну, ты сам понимаешь, за кого... И поспешил скрыться...

— Рассказывай! — сурово потребовал Фомин. — Все по порядку. И только правду.

— Ничего, кроме правды! — подхватил Володя.

Слушая его чистосердечное признание, Фомин нащупывал во внутреннем кармане фотографию бежавшего из лагеря Грини. Утром, когда Фомин выезжал на мотоцикле из ворот управления, его остановил дежурный: «Возьми, вдруг пригодится». Хорошо, что взял две. Одну оставил Сироткину, другая тут...

— Он! — Володя подскочил от радости. — Он! Узнаю!

— Спокойно... — посоветовал Фомин. — Я бы на твоём месте не веселился.

Володя продолжал ликовать:

— Знаешь, на фотографии сразу видно — уголовный тип. А пока я его считал больным — ничего подозрительного. Симпатичное лицо. Фома, ты задумывался когда-нибудь, почему на фотографиях, изготовленных в вашем ведомстве, ну на тех самых, которые анфас и в профиль, физиономии обязательно угрюмые, уголовные? Мой метод фотографического воображения даёт ответ на этот вопрос. Тут у тех, кого вы фотографируете, свой расчёт. Своя игра. Парад масок. На воле у них совершенно другие лица. Без всякой пластической операции! В другой обстановке — другие лица... — Володя вскочил и возбуждённо зашагал по кабинету. — Слушай, Фома, я тебе ещё не всё сообщил. К знахарю приходил спекулянт, помидорный король из Краснодара. И сообщницу знахаря тоже надо проверить. Что-то мне не нравятся её бирюзовые сапоги...

Фома взмолился:

— Затихни, замри!

Пришлось рассказать Киселю все, что было написано про Грину в короткой справке, приложенной к фотографии. Держать его в неведении нельзя. Следующая случайная встреча с Гриней кончится для Киселя плохо.

XIV

— Цветы играют в жизни нашего города огромную роль! — ораторствовал председатель горсовета. — Цветы — наша надёжная опора. И в эстетическом воспита-

нии, и в нравственном. Цветы делают людей лучше. Чем больше мы вырастим цветов, тем меньше у нас будет правонарушений...

Путятинцы, пришедшие на выставку, с удовлетворением услышали, что по количеству цветоводов на тысячу душ населения их город занимает одно из первых мест в стране. А по количеству кустов сирени на каждого горожанина, включая грудных детей, Путятин, безусловно, на первом месте в мире.

В этом году выставка цветов разместилась на только что построенной в микрорайоне набережной Пути.

Набережную спроектировали по лучшим образцам. Каменный парапет, стильные петербургские фонари, широкие ступени к воде, скамьи на узорчатых чугунных ножках.

Цветов, принесенных, по давней путятинской традиции, в больших эмалированных ведрах и цинковых ушатах, хватило на всю длину новой набережной. На все двести метров. К сожалению, Путятин располагал мизерными суммами на благоустройство, но сумел с достоинством выйти из трудного положения. Главное — начать на высоком уровне, без скидок на провинцию. Строили же у нас в старину на века. И мы обязаны. На генплане завтрашнего Путятинского набережная протянулась от микрорайона до Двудвориц.

— Выставка удалась, как никогда! — шепнул Петру Петровичу Налетову стоящий рядом председатель городского общества цветоводов Ключев. — Не жалеете, что ваши красавцы остались дома?

Петр Петрович отмолчался. И хорошо, что его красавцы дома!

Речь председателя горсовета завершилась бодрым призывом шире привлекать в ряды цветоводов детей и подростков.

В ответ раздались вполне внятные реплики:

— Как же!.. Их привлечешь!..

Петр Петрович нахмурился. Он не любил, когда юному поколению доставалось ни за что ни про что.

Всему свое время! Проработав в Путятине много лет, Петр Петрович вывел такую теорию насчет цветов: в молодости люди главным образом рвут цветы. В родительских садах, в соседских, в скверах и парках. Зато с

возрастом все становятся страстными цветоводами, и поэтому в природе сохраняется равновесие.

Началось вручение наград. По георгинам первое место не присудили никому. Знак уважения к Петру Петровичу и намек ему на будущее.

По пионам первый приз достался инспектору Госстраха Ерохину. Справедливое решение — Ерохин выставил пионы сказочной красоты. Этому Петр Петрович не мог не признать. Однако личность Ерохина совершенно не годилась как пример, что цветы делают человека лучше. Профессиональная память Петра Петровича сразу же извлекла на свет малосимпатичные факты из жизни инспектора Госстраха. Отжулил у соседа две сотки земли и долго судился. Перепродал по спекулятивной цене два кубометра теса...

Воспоминания о делишках Ерохина повергли Петра Петровича в печаль. Ну почему даже среди цветов и улыбок, когда можно думать только о прекрасном и светлом, память все равно выволакивает из глубин какую-нибудь дрянь! Неужели не для него существуют выходные дни!

Подумал и тут же суеверно спохватился: «И не надо мне никаких выходных!»

Петр Петрович знал по многолетнему опыту: все худшее, что случается в Путятине, непременно случается по субботам и воскресеньям. Хотите самый ближайший пример? Пожалуйста! Универмаг обокрали не в среду и не в пятницу — в ночь с субботы на воскресенье.

После вручения наград стройные ряды цветоводов распались. Давняя путятинская традиция. «Георгинщики» — в одну сторону, «пионники» — в другую, «астрономы» — в третью.

«А еще удивляемся, что подростки делятся на компании», — подумал Петр Петрович. Ему, как начальнику городской милиции, было неловко присоединиться у всех на глазах к своим. Завтра же скажут, что милиция кого-то отпустила подобру-поздорову только потому, что тот «георгинщик».

В Путятине среди «георгинщиков» всегда было больше мужчин, а среди «астрономов» преобладали женщины. «Пионники» издавна отличались разворотливостью по хозяйственной части. В очереди за удобрением

для цветов, привезенным в магазин «Дом и сад», всегда первыми стояли «пионники», а «георгинщики» неизменно оказывались в хвосте.

«До вражды у нас не доходит,— философски размышлял Петр Петрович, изнывая от любопытства, какой вопрос обсуждают «георгинщики».— Но если кто-то переметнулся из «пионников» в «астрономы»... Или из «астрономов» в «георгинщики»... Какие волнения начинаются! Какие догадки насчет истинных причин!»

Ему надоело торчать в одиночестве. И тут, как всегда, пришел на выручку председатель общества цветоводов Ключев. Взял Петра Петровича под руку и повел к своим.

— Хочу у вас спросить совета... Не знаю, как назвать новый сорт... Женя никогда не проявлял интереса к моим опытам, но даже он пришел в восторг. И говорит: «Давай назовем «Анюта»...»

Петр Петрович не понял, о каком Жене говорит Ключев. А спрашивать неудобно. И вдруг явилась догадка: «Да это он про Джеку!»

Во всем городе лишь детский врач Ключев продолжал называть Женей знаменитого и великолепного Джеку Ключева. Уступив по всем позициям, отцы имеют обыкновение цепляться за мелочи.

— «Анюта»? — раздумчиво произнес Петр Петрович.— Звучит красиво.

По общему мнению «георгинщиков», новый сорт доктору Ключеву не удался. Цветы мелковаты и уж очень пестры. Петр Петрович вообще не признавал пестрых георгин. Профанация благородного семейства.

«Но если Джека... если Женя проявляет интерес к отцовскому увлечению, уже недурно...»

«Георгинщики» раздвинулись и пропустили Петра Петровича в свой круг. Обсуждался самый животрепещущий вопрос: где и как сохранять до весны клубни. Петр Петрович приготовился изложить свою проверенную систему. И вдруг ему помешался сигнал тревоги. Петр Петрович обернулся и увидел Фомина.

Беспечный вид, шаг вразвалочку... Петр Петрович мгновенно все понял. То, что могло случиться в воскресенье, уже случилось! Провались все выходные и праздники!

Фомин в три минуты домчал начальство на мотоцикле в управление.

Налетов с порога стал отдавать распоряжения. Взять под контроль вокзал. Выезды из города. Особое внимание личным автомобилям и мотоциклам — о пропаже сообщать незамедлительно. Ориентировка всем участковым, городским и сельским. Кто-то мог встретить Гриню на дороге, кто-то его подвез. Человек не иголка. И даже опытный Гриня не застрахован от случайной встречи. Организовать, по возможности, проверку заброшенных деревень, но на рожон не лезть...

Разворачивалась операция, каких в путятинском управлении внутренних дел не видавали.

Налетов нервничал: братъ Гриню или не братъ?

Гриню поджидали в Москве, собирались выследить и оставить на свободе. Пусть возьмет похищенные ценности из своего тайника и явится с ними к покупателю. Задерживать Гриню с пустыми руками смысла нет. Он отпнется: знать не знаю никакого золота.

Налетов понимал, что, задержав преступника в Путятине, сорвет замысел Егорова. Но знать, что Гриня в городе, и дать ему уйти? Особо опасному рецидивисту! Да еще, глядишь, вооруженному!

Срочно искали по всем адресам и телефонам Егорова. Подвернувшегося Веню Ророкина послали на рынок незаметно шепнуть жгучему брюнету, торгующему помидорами: «Налетов просит позвонить по служебному телефону».

Никто бы не упрекнул Фомина, если бы он в такой напряженный день напрочь забыл про обаятельного шабашника. В городе Гриня!..

Но Фомин любил все делать как положено и потому отправил срочный запрос по адресу, откуда пришла телеграмма с вызовом к больному отцу Вязникова: действительно ли болен старший Вязников и появлялся ли по этому случаю младший?

Вернулся Веня Ророкин и четко доложил: задание выполнено. Жгучего брюнета он нашел не на рынке, а в ресторане «Колос», тот сидел за столиком с самим директором.

Гордый своей ловкостью, Веня стал добиваться, чтобы его включили в группу захвата. До сих пор Фомин счи-

тал его очень спокойным и рассудительным парнем. Вот до чего можно перемениться, проведя всего одну ночь в обществе Киселя!

Пришлось устать Веню на розыски заведующей ювелирным отделом универмага Тамары Степановны Жуковой. Фомин написал на блокнотном листочке приметы Эдика Вязникова. Может, Жукова видела, как этот обаятельный шабашник из Нелюшки крутился возле золотых витрин.

По правде сказать, Фомина не очень бы огорчило, если бы розыски заведующей затянулись как можно дольше. Хоть до завтрашнего утра! С подробностями про Эдика спешить некуда.

Довольно быстро вышел на связь Рудик Куртикян. Выслушал сообщение насчет Грини и недоверчиво спросил:

— Вы уверены, что это был действительно он? Может, ошибка?

— Все точно,— заверил Налетов.— И кое-что новенькое открылось про Сухарева. Обнаружен принадлежавший ему газорез.— Налетов положил трубку и сказал Фомину:— С сухаревским газорезом мы прошляпили. Найти бы на день раньше. Но вот кто молодец — твой Киселев. Посадил кое-кого в калошу!

Фомин покорно снес похвалу талантам самозваного детектива.

Наконец отыскался Егоров. Чудом оказался дома — заскочил только на один день. И собирался пойти в кино с девушкой. Но что поделаешь. Опять не судьба!

Егоров довольно долго выпрашивал Петра Петровича, кто и где увидел Гриню, которому совершенно не с руки оставаться в Путятине. По всем расчетам Гриня сейчас в Москве.

— Вы там у себя не ошиблись? — спросил Егоров. Фомин возмутился:

— Почему мы должны терпеть такое недоверие? Куртикян сомневается, и этот тоже. Какие у них основания?

— Основания-то есть,— сказал Налетов.— Они не понимают, почему Гриня застрял у нас в Путятине. Я тоже не понимаю, что его тут держит.

— Золото!

— Думаешь, оно здесь припрятано? — Налетов покачал головой.— Так поступили бы местные грабители. А Грине какой смысл?

— Может, у него накладка вышла,— предположил Фомин.

— Может,— согласился Петр Петрович.— Вот задержим и спросим у него у самого, что и как...

Первые следы, оставленные Гриней, обнаружил участковый из Крутышки. Он осмотрел ограду кладбища с наружной стороны и нашел в одном месте несколько втоптаных в землю окурков. Кто-то там сидел. Но долго или недолго — сказать трудно. Все три сигареты докурены едва наполовину. Наверное, нервничал.

Налетов распорядился отправить в Крутышку Джульбарса, но особых надежд на собачий нюх не возлагал. Гриня — человек опытный.

Опять позвонил Рудик Куртикян. Нужны подробности. Налетов передал трубку Фомину.

Разговаривая с Рудиком, Фомин поглядывал в окно. В трубке звучал спокойный голос, а в стеклянной будке телефона-автомата бурно жестикулировал помидорный король из Краснодара Арутюн Бабкенович Назаретян. Со стороны поглядеть — идет какой-то крупный торг. Ну, артист!..

Условились встретиться через полчаса на пустыре за пожарной каланчой.

— Там бочка разохшаяся,— ориентировал Фомин.— Огромная такая. Водовозная. Вот за ней.

Место было удобное и укромное. За бочкой Фомин в свое время отсиживался, драпанув с уроков.

Помидорный король вышел из телефонной будки, в сердцах сплюнул, трагически потряс руками над чернудрой головой и пошел в весовую. Вскоре он появился, толкая перед собой тележку. И тотчас к нему подскочил Ханя, принялся грузить на тележку ящики с помидорами. Вдвоем они покатали помидоры к рыночному холодильнику.

Дальнейшим наблюдениям Фомина помешал дежурный по управлению. Оказывается, пришел ответ на запрос насчет Вязникова. Старший Вязников не в больнице, он дома, жив и здоров. Младший не появлялся.

Оперативность ответа наводила на догадку, что где-

то там милиция имеет основания хорошо знать семейство Эдика. Но куда девался он сам? И связано ли его исчезновение с внезапным приездом Грини?

Фомин задавал себе вопрос за вопросом. Если бы знать, какую роль играл Эдик в ограблении универмага, можно разобраться, зачем Гриня вернулся в Путятин и где он сейчас.

Пришел очень довольный собою Веня. Он разыскал Тамару Степановну Жукову. Сегодня хоронили деда Евдокимова, а Жукова доводится ему троюродной племянницей, и ее позвали на поминки. Веню тоже усаживали за стол, но он отговорился: «Спешу на дежурство» — и сумел незаметно для других коротко побеседовать с Жуковой. По описанию примет Эдика она узнала молодого человека, который перед ограблением дважды появлялся в ювелирном отделе. Первый раз он просто осмотрел витрины, а на второй купил золотое кольцо и золотой кулон — подарок сестре на свадьбу. И было это как раз в субботу, в ту самую, когда после, в ночь, универмаг обокрали.

К показаниям Жуковой Веня добавил от себя, что она приперлась на похороны вся в золоте. Фомин вспомнил, что по его вызовам она приходила скромненько — только обручальное кольцо на правой руке. Но это с перепуга. Утром, когда он явился в универмаг по тревожному звонку, и заведующая и все продавщицы отдела сверкали, как новогодние елки.

Веня продолжал выгружать собранную информацию. Оказывается, он на всякий случай составил список застольников, среди которых находилась заведующая.

Фомин пробежал глазами по столбику фамилий и первым делом обнаружил своего старшего брата Виктора. Ничего удивительного. Дед Евдокимов до выхода на пенсию работал вместе с Виктором в ткацком цехе.

Список очень вовремя напомнил Фомину, как не просто нести милицескую службу в маленьких городах, где все друг друга знают. Вот и Смирнов был на поминках — родня по жене.

Завершил список бригадир шабашников Маркин. Его-то на каком основании позвали? С дедом Евдокимовым он вряд ли был знаком: дед слег задолго до появле-

ния в Нелюшке шабашников. Не Смирнов ли позаботился о приглашении? С какой целью?

Фомин сунул список в карман. Пора на встречу с Рудиком.

xv

«Нет, не сходится,— сказал себе Володя.— Зачем понадобилось Грине, вернувшемуся в Путятин через несколько дней после ограбления, маскироваться под простака, изображать, будто он в поезде случайно встретил тетку в бирюзовых сапогах, поверил ее рассказам про излечение от рака, доверчиво присоединился к процессии жаждущих чуда?.. А почему Гриня не побоялся показаться в Путятине среди бела дня, ехать в автобусе на виду у множества глаз, сидеть во дворе у знахаря?.. Ведь любой город, где произошло крупное преступление, наводнен сыщиками... Сюда мог залететь по неведению другой вор. Но не Гриня...»

Володя знал, что бывают ситуации, при анализе которых широта мышления не на пользу. Декарт советовал: «Мало иметь хороший ум, главное — хорошо его применять». Сейчас необходимо сузить мышление, придать ему остроту превосходно заточенного стального лезвия.

Призвав на помощь зрительную память, Володя начал прокручивать кадры утренней киносъемки, которую могла бы сделать скрытая камера, установленная во дворе знахаря.

Скамейка под навесом. В крайнем справа Володя тотчас узнал себя. Рядом сидит пожилой человек, одетый слишком тепло, камера берет крупным планом лежащие на коленях тяжелые кулаки.

Очередь поругивает медицину и превозносит чудодеев-самоучек. Пожилой человек не участвует в общем разговоре, отделяется несколькими междометиями, но из них можно понять: он настроился на основательный курс лечения и намерен искать жилье.

Стоп! Рассмотрим его действия. Такая игра имела бы смысл перед ограблением. Явился в Путятин под видом болящего, пожил, сколько нужно, присмотрелся к универмагу, затем уехал исцеленный — прекрасное алиби! — и через денек-другой тайно вернулся, обделал

свое дельце... Все логично для первого появления в Путятине. Но не для вторичного приезда!

Теперь поглядим, что происходило дальше во дворе знахаря.

Володя уже не увидел себя на скамейке рядом с Гриней. С краю сидят путятинские бабули. Гриня вдруг поднимается и уходит. Что случилось? Володя мысленно прокрутил пленку обратно — до того момента, когда знахарь пригласил вне очереди пациента, пришедшего позже всех, да еще навеличал почтительно Владимиром Александровичем. Казалось бы, вот когда Гриня мог насторожиться и немедленно смотать удочки. Нет, он остался. И ушел, чем-то расстроенный, за минуту до того, как Владимир Александрович наконец распрощался с разговорчивым знахарем.

Что же могло случиться во дворе, пока Владимир Александрович торчал у знахаря?

Воображаемая съемка скрытой камерой запечатлела ссутулившуюся фигуру Грини, неровную походку. Володя вспомнил свое тогдашнее впечатление: человеку плохо, у него приступ. Но теперь-то известно — Гриня здоров как бык. Значит, не приступ — симуляция. Или... Или сильное потрясение!

«Тут что-то есть... — сказал себе Володя. — Допустим такую гипотезу: Гриню спугнули путятинские старухи. Подсели на скамейку и ошарашили приезжих свеженькими городскими новостями. Как не похвастать! Не в каждом городе крадут золото! На сто тыщ!..

Гриня тоже слушает старух — и очень внимательно: не просыплется ли из их болтовни что-то для него интересное. И тут какая-то мелочь, для других ничего не значащая, могла прозвучать для него как предупреждение об опасности!..»

Володя перебрал в памяти, о чем болтали старухи. Три версии ограбления. Местная, обывательская: золото украли сами продавщицы. Наваянная телефильмами: золото уже тью-тью, за границей. И старушечья, суеверная: про чертей.

Вполне понятно, чем могла напугать Гриню обывательская версия — одна из продавщиц была у него наводчицей. Но две другие версии, телевизионная и старушечья суеверная?.. Поразмыслив, Володя решил: что-то опасное могло послышаться Грине и здесь.

«Дело не в повышенной чувствительности и не в тонкости ума, а в особых свойствах натуры преступника. У таких людей инстинкт зверя, всегда чующего опасность. Допустим, мне смешна болтовня про чертей, а для Грини — уведомление: какая-то старуха что-то видела и, возможно, милиция уже ведет с ней беседу. Что ж, пора подводить итоги», — решил Володя.

Увы, итоги оказались не блестящими. Можно предложить разные объяснения, почему Гриня спешно покинул двор знахаря, но так и остается непонятным, зачем он туда явился. Придется заново повторить все рассуждения. Где-то в самом начале в них вкралась ошибка.

В самом начале!.. Володя похолодел. Вот она — разгадка противоречий в поведении Грини! Никакой он не Гриня! Случайное сходство. Наваждение, вызванное особыми свойствами снимков анфас и в профиль.

Что теперь делать? Вся милиция поднята на ноги. В Путятине, в области, в Москве... Звонить Фомину, чтобы он все отменил? Ни в коем случае! Ничего отменять не надо. Гриня или не Гриня — лучше перестраховаться, чем прошляпить.

Но мысль о другом воре все-таки зацепилась в Володином подсознании. Крутилась там и вертелась, пока вдруг не приняла форму новой и совершенно невероятной версии. Володя от неожиданности обомлел: «Этого не может быть!»

Однако он тут же сопоставил известные ему факты, и оказалось, что новая версия — при всей своей невероятности! — дает ответ на вопрос, почему Гриня появился сегодня в Путятин под видом странника, жаждущего исцеления.

— Что-то уж очень просто! — пробормотал Володя себе под нос. Затем написал несколько слов на листке почтовой бумаги, запечатал в конверт и хотел было спрятать в ящик стола, но передумал и убрал конверт в старинный сейф, устроенный в стене. «До будущих времен!»

А теперь надо вернуться к делу о шантаже. Кончик нити там. Необходимо разобраться, почему так случилось: опытный детектив ведет поиск шантажистов, избравших своей жертвой разбогатевшего знахаря, и все время натывается на персонажей из дела о краже путя-

тинского золотого запаса. Что это? Случайность или закономерность?

«А что такое вообще случай? — философски спросил себя Володя. И, поразмыслив, ответил: — Случай плюс невезенье — это несчастный случай. Плюс удача — счастливый. Сам по себе случай ничего не значит. Ноль. Значение имеет только то, что прилагается к нему... Сейчас у меня серия случаев и в каждом — соприкосновение двух разных преступлений. Одно дознание явно тяготеет к другому. Например, нас с Фомой сбило с толку то, что знахарь положил в конверт не бумажки, а настоящие деньги. Но если вспомнить, что события разыгрываются в городе, где только что произошла кража века и где преступники все еще не пойманы, тогда боязнь знахаря объяснима».

Володя понимал, что найденный им метод соприкосновения — это пока только замысел. В дальнейшем потребуется детальная разработка. Но кое-что уже сейчас можно проверить экспериментально. Причем действовать надо осторожно. Умный человек иногда торопится, но ничего не делает второпях. Такого правила придерживался Честерфильд, опытный дипломат и замечательный писатель.

«Если я намерен использовать метод случайных соприкосновений двух разных дел, любой заранее обдуманный план исключается. Вся надежда на новые случаи! Допустим, я еду в Нелюшку и уговариваю изобретателя Чернова прокрутить записи «Фантомаса»... Нет, туда я могу поехать и попозже, вечером. А днем я побываю... — Володя поглядел на карту Путятина, висящую на стене. — Побываю у той особы, которая обучает подруг приемам каратэ. В поселке за станцией...»

Поселок за станцией Володя выбрал произвольно. Однако Фомин непременно заподозрит умысел: «Ты нарочно крутился возле вокзала, искал новой встречи с Гриней!» А это вовсе не так. С Володи вполне хватит встречи в Крутышке. Век бы больше не видаться! Но, увы, от случая никто не защищен. Что же делать?

Володя мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Утром, выходя из дома, он сунул в спортивную сумку необходимое снаряжение.

...Когда Володя два года назад угодил со сломанной ногой в больницу, музейная сторожиха тетя Дена убрала урожай у него на огороде и в саду, часть картошки и яблок продала на рынке, и Володя смог отправить Таньке в Москву сто рублей.

Танька получила перевод и тут же купила себе за сто рублей французский парик. Модал!..

Но этим летом, погостив недельку в Путятине, Танька забыла парик в шкафу.

Забыла? Наивная уловка, рассчитанная на простака. Как будто Володе неизвестно, что парики вышли из моды. Лучше сказала бы честно. И вообще с Танькиной стороны бессердечно подбрасывать бесполезную дорогую вещь в дом, где на счету каждая копейка.

Как он ошибался! И виноват в его ошибке был Фома, оставивший своего общественного помощника не у дел. А стоило заняться розысками шантажиста — и пожалуйста, уловка Татьяны обрела свой положительный смысл.

Избавиться от вещи, вышедшей из моды, Танька могла и в Москве. Сдала бы в комиссионку. А она повезла парик в Путятин. Специально для брата. Потому что детективу парик необходим. Орудие производства. И тем более необходимо менять свою внешность провинциальному детективу. Фома прав — восторженный шепоток за спиной: «Киселев идет! Киселев!» — помеха в работе.

Утром, закрывшись от спящего Васьки, Володя напялил на голову каштановые локоны и увидел в зеркало типичного современного юнца-акселерата.

Теперь повяжем платочек. Явная девица.

Володя оглядывал себя в полный рост. Не столь юна и красива, зато фигура стройная, ноги длинные. Но глаза слишком умны! Спрячем за темными очками! Ведь Танька и очки свои забыла. Ну и сестрица! Все предусмотрела! Вместе с огромными солнцезащитными очками Володя обнаружил и коробочку с косметикой. Есть чем подвести глаза и подмазать губы...

— В старину переодевание в женское платье доставляло уйму страданий, — приговаривал он, вертясь перед зеркалом. — Суший кошмар! Разные там корсеты и подвязки. Зато в наше время — пустяки... Брюки и куртка на молнии. Поди разбери — юнец или девица. Вот только

кеды чуточку великоваты.— Володя отступил от зеркала, чтобы лучше обозреть ноги.— Ничего, сойдет! Это в старину женские ножки были маленькими. А теперь я собственными глазами видел в отделе женской обуви сапоги моего, сорокового размера. Мог бы купить, если бы не бешеная цена!

Он откашлялся и сказал тонким голосом:

— Сегодня ужасная погода...

Нет, не годится. Тонким голосом в наше время вопят в микрофон лица мужского пола. А у женщин будь здоров какие басы. Так что и голос менять не надо. Чуточку прибавить хрипотцы — натуральный современный женский голос...

Он с трудом удержался от искушения выйти из дома в парике и платочке. Слишком сильный стресс для соседа! Изведутся, разузнавая, кто она, таинственная незнакомка.

«Из музея тоже не выскользнешь незаметно, — размышлял Володя. — Впрочем, днем в центре города Гриня мне не страшен. Я должен принимать меры предосторожности только где-то на окраине. А там можно зайти в любой сарай и совершить несложное превращение».

Чугунная наружная лестница, ведущая в кабинет, тоненько загудела. Кто-то идет.

Поступь сотрудников музея он изучил великолепно. Поднимался кто-то незнакомый. Легкий шаг, танцующий. Незнакомец дошел до двери кабинета и проворно поскакал вниз, щелкая подошвами по чугунным ступеням. Володя давно обратил внимание, что каждая из старинных ступеней имеет свое звучание. Незнакомец игриво отстукивал «чижик-пыжик».

— Ну, фокусник!..

Володя уже знал, кто там забавляется. Ему показалось, что он этого человека и ждал, засидевшись в кабинете, вместо того чтобы поспешить в поселок у станции.

Однако в чем смысл танцев на лестнице? Модная раскованность? Или желание пооригинальней предупредить о своем приходе?

Володя подошел к двери и распахнул настежь.

— Ключев, вы ко мне? Заходите!

Великолепный Джека держался непринужденно:

— Я к вам с просьбой. Моя разведка донесла: у вас есть прадедовские диски.

— Граммофонные пластинки, — мягко поправил Володя и указал в угол кабинета, где на высокой тумбе давно бездействовал граммофон с трубой изумрудного цвета, похожей по форме на рог изобилия.

— Меня интересует дореволюционная эстрада. — Джека нервно облизнул губы. — Варя Панина, Вяльцева... Ну и вообще...

— Шаляпин тоже есть... Собинов... — Володя внимательно наблюдал за гостем. Любопытно, как Джека изловчится перейти от пластинок к истинной цели своего визита — вчерашнему происшествию на Парковой. — Прошу... — Володя подвел гостя к граммофону и отомкнул дверцу тумбы.

В гнездах изумрудного бархата мерцали черные ряды пластинок.

— Можно? — Джека упал на колени и бережно коснулся пыльного бархата. — Ух ты!.. Экстра-класс!.. Упаковочка!..

Володя коротко пояснил: в верхних рядах Шаляпин и Собинов, внизу то, что можно называть дореволюционной эстрадой.

— Обалденно! — бормотал Джека.

В том, как он доставал и разглядывал пластинку, а затем ставил на место, чувствовался опыт и навык. Джека мгновенно угадывал какую-то понятную ему ценность пластинки, он напомнил Володе завязанного книжника, подступившего к незнакомой полке. Настоящему книжнику достаточно взять в руки книгу, раскрыть — и он интуитивно ощущает ее значимость. Вот так и Джека с пластинками. Володя приглядывался к гостю все с большей симпатией.

— К сожалению, послушать не удастся. Граммофон сломан.

Граммофон был сломан еще до поступления Володи на работу в музей. Лопнула старинная пружина.

— Я пришлю мастера, — предложил Джека.

«Большой начальник, — подумал Володя. — Скажите пожалуйста: «пришлю». И пояснил великому Джеке, что

с граммофоном случай безнадежный — уже пытались чинить, и безуспешно.

— Я пришлю Витю Жигалова, — нетерпеливо произнес Джека. — Для Вити безнадежных случаев не бывает.

— Витю? — Володя мгновенно понял, что отказываться глупо. Витя придет чинить граммофон, и можно будет разузнать, что все-таки случилось с газорезом. — Ну, если ваш Витя что-то умеет, я буду рад...

— Завтра и пришлю, — уверенно обещал Джека. — Завтра вас устраивает? С утра?

Володю это вполне устраивало. Чем скорее удастся поговорить с Витей, тем лучше.

Джека упоенно перебирал пластинки. Будто и в самом деле пришел в музей только ради записей дореволюционной эстрады.

Значит, ему «разведка донесла»... Но кто же состоит у Джеки в разведчиках по музейной части?

— Новые, не заигранные! — громко восхищался Джека. — И куплены подряд, по каталогам! Хозяин денег не жалел! — Он оторвался от пластинок, и Володя обнаружил в голубых детских глазах алчный блеск. — А вы знаете, сколько все это стоит? Тысяч пять! Можно и порознь продать, но лучше целиком. Ценность любой коллекции не только в редких экземплярах. Ценится полнота подбора.

«Эмоции бизнесмена, — определил про себя Володя. — Все можно перевести на деньги. Даже музыку...»

Джеке он сказал с деланным спокойствием:

— Я думаю, вы и сами понимаете — музейное достояние не продается. Ни порознь, ни оптом.

Джека поднялся с колен и попросил разрешения закурить. Теперь они оказались друг против друга в старинных кожаных креслах. Джека закурил. Володе следовало слегка улыбнуться. Из всех вариантов улыбки он выбрал безмятежную. Ироническая была бы неуместна.

— Я вас слушаю...

— Есть идея! — приподнято сообщил Джека. — Мы беремся починить вашу ретротехнику. Вы разрешаете переписать всю коллекцию на кассеты. Здесь, у вас...

Доставим необходимое оборудование и за одну ночь управимся...

— А дальше что? — спросил Володя.

— Вас интересует, как мы собираемся распорядиться записями? — Джека помахал рукой, разгоня сигаретный дым. — Кассеты с Паниной пойдут по четвертаку...

Володя весь напрягся. Сейчас последует наглое предложение — с каждой кассеты столько-то ему.

Никаких наглых предложений не последовало. Джека отлично знал, с кем имеет дело.

— Нам нужны деньги, — говорил он, давая понять, что не разделяет старомодных убеждений директора музея В. А. Киселева.

«Вам было бы стыдно пускаться в коммерцию, а мы на эти предрассудки плюем!» — так следовало понимать великого Джеку.

Он с похвалой отозвался о принятом на Западе вложении капитала в перспективную группу музыкантов. В нашей стране почему-то не практикуется коллективный вклад. А хорошо бы... Группа вернет с лихвой...

— Сегодня не добьешься успеха, если нет классной техники, — напористо продолжал Джека. — Я поставил перед собой сверхзадачу: ворваться в ряды избранных рок-групп. Таких, как «Аквариум», «Зоопарк», «Центр»... — Джека нервно облизнул губы. — Вы, конечно, думаете, что я сейчас назову «Машину времени»...

— Вот уж не думал! — быстро парировал Володя. — Названные вами рок-группы или какие-то другие для меня не предмет размышлений. Рок и мысль — вещи несовместимые. Кстати, такие приемы одурманивания толпы были известны еще в стародавние времена. Например, у хлыстов — это изуверский толк раскольников — устраивались радения с верчениями. А шалопуты плясали вокруг кадки с водой.

Джека усмехнулся:

— Мы не собираемся копировать антимызыку! Битлы вышли из английской провинции. И мы тоже хотим делать свое...

«Ничего себе самомнение, — подумал Володя. — Битлы вышли из провинции. И мы тоже...» Но сама

мысль о провинции была ему по душе. Да, надо жить посвоему. Провинциал, копирующий столицу, смешон.

Джека продолжал, мечтательно прикрыв глаза:

— Если оркестровать музыку в нашей собственной манере... Вот, попробуйте себе представить... Ночные вздохи, провинциальный звуковой фон, сплавленный из шороха дождя, скрипа калиток, дальнего лая собак, и над ним потусторонняя одинокая скрипка, низкое контральто...

«Да это он про Анюту», — догадался Володя.

— Но сегодня мир покоряют не с эстрады! — Джека заговорил жестко и деловито. — На рынок выбрасываются записи. Вы что-нибудь слышали про Дитера Болену и «Модерн токинг»?

— «Модерн токинг»? — переспросил Володя. — В переводе «Современный разговор».

— Музыка будущего! — веско пояснил Джека. — Дитер Болен презирает «тяжелый рок». Говорит, что это для агрессивных натур. Дитер Болен вообще не выступает с концертами. Никаких концертов, никаких аплодисментов. Только диски! — Джека сделал внушительную паузу, давая Володе возможность обдумать услышанное. — А знаете, как рождаются новые мелодии Дитера Болену? Он работает в специальной лаборатории. У него несколько компьютеров, синтезаторов и органол... — Джека нервно облизнул губы. — В нашем деле главное — синтезаторы. Без них музыкант — ноль.

«Очень интересно», — сказал себе Володя. — Сейчас он изложит свою программу».

Программа Джеки Ключева оказалась четкой и боевой. Он для того и остался в Путятине, поступил в ПТУ. Нельзя терять времени даром. У него уже есть ансамбль и скоро будет студия, оборудованная по последнему слову техники. Надо добиться, чтобы твоя музыка зазвучала повсюду. Кассеты, кассеты, кассеты... «Радуга», разумеется, возьмет другое имя. И не нужно никуда ездить с концертами, записи сами разлетятся по стране. Сначала завоевать низы — рынок, толпу. Пойти на эпатаж, на скандальную славу.

И тогда начнутся споры: кто такие ребята из Путятина? А это уже популярность. Уже станут всем известны имена — Джека Ключев и Анюта Голубцова.

Однако кумиры упрямо сидят у себя в Путятине: сами приезжайте к нам, поглядите... И приедут! Сейчас модно открывать таланты. А в Путятине для новых кумиров самый выгодный фон. Старинный город, родина художника Пушкина...

Джека говорил захлебываясь и все чаще облизывал губы.

Перед Володей открылся совершенно неизведанный мир. Да тут целой жизни не хватит, чтобы изучить. Да и где материалы?

Но какова программа провинциального кумира Джеки Ключева! Стремительный штурм самых вершин славы. И все это не выезжая из Путятина! Вот что значит эпоха НТР!.. В старом кино самодеятельность всей страны ехала и плыла на смотр в столицу. Современная рок-группа не станет терять времени на смотр. Успех завоевывается записями. И тут талант попадает в зависимость от качества техники. Да будь ты Шалапиным — если запись сделана кустарно, нет никакого шанса прославиться...

«Теперь понятно, почему разговор все время сворачивал на деньги», — сказал себе Володя с искренней печалью. — Джеке позарез нужны деньги. И немалые. На инструменты, на все эти синтезаторы и органы. Что ж... Как говорится, спасибо за откровенность. Однако почему эта откровенность была проявлена именно здесь, у меня? Ведь Джеке известно, что вчера мы с Ророкиным задержали Анюту Голубцову с поличным!..»

На Володиные вопросы Джека отвечал коротко. Так ведут себя на допросе опытные люди, которые знают, что следователю мелкие подробности порой больше говорят, чем ответы по существу дела. Опытные люди никогда не выходят за рамки заданного им вопроса.

Да, Джека может подтвердить, что вчера на дискотеке Анюта получила какую-то записку.

Нет, он не видел, кто эту записку передал.

Да, Анюта листок порвала и выбросила.

Нет, он не провожал Анюту. Он всегда остается с ребятами, чтобы собрать всю аппаратуру и отнести в клуб.

Да, Сашка Голубцов тоже остался и вместе со всеми доставил аппаратуру в клуб. Ему всегда помогает нести барабан брат.

Нет, Джеке ничего не известно об отношениях между братьями Анютой и их соседом Смирновым.

Ответив на все вопросы, Джека заявил, что, по его мнению, вся эта история с запиской — примитивная провокация. Анюте мстят за переход из «Юности» в «Радугу». А что ей делать в «Юности»? Там нет условий для творческого роста. И вообще, зачем такому небольшому городу, как Путятин, два ансамбля? Нужен один, первоклассный, собравший лучшие силы города.

Джека перестал волноваться, ни разу не облизнул губы. Такое впечатление, что цель прихода им достигнута, все он сделал, как хотел, больше ему от В. А. Киселева ничего не нужно. Вполне по-светски попрощался, пошел к двери.

«Сейчас оглянется», — догадался Володя.

Джека взялся за ручку. Неужели Володя ошибся? Нет, все-таки Джека обернулся.

— Значит, завтра мастер будет у вас. В девять утра.

Володя ждал еще чего-то. В жизни всегда следует ожидать неожиданное. Так утверждал Лев Толстой.

— Кстати... — Деланная небрежность все же выдала Джеку. — Кстати, вы имеете какое-нибудь отношение к розыску путятинского золотого запаса?

Володя развел руками: ничего не знаю и знать не хочу. И не замедлил с вопросом:

— А у вас есть какие-то факты?

— Нет. Просто я любопытен. Как все провинциалы.

Дверь захлопнулась, старинные ступени прозвенели лихо и бесшабашно. Володя узнал мотив популярной когда-то «летки-енки». Джека насмешничал на прощание над старомодными вкусами директора музея.

Минуту спустя и Володя покинул кабинет. По лестнице он спустился неслышно.

«Джека интересуется кражей золотого запаса. Так и запишем. Но в тот вечер он действительно остался с ребятами разбирать оборудование дискотеки. Кто же тогда пошел провожать Анюту? Кому она махала рукой? И почему даже Васька с его редкостной наблюдательностью не видел, с кем ушла самая знаменитая в Путятине девчонка?»

Доктор Ватсон разделил с Шерлоком Холмсом раннюю трапезу и завалился спать. Ставни закрыты, в комнате темно — дрыхни сколько хочешь.

Сквозь сон Васька слышал, как галдят в палисаднике воробьи. Потом они куда-то подевались, прилетел дятел и начал долбить без передышки, долбит и долбит. Ваське надоело, и он очнулся — стучали наяву, давно стучали.

«Ничего... Подождут...» Он лежал и лениво раскидывал умом: «Если так настойчиво колотят, значит, очень нужно. А если очень нужно, значит, никуда не уйдут, своего добьются...»

Но сон уже пропал, и Васька решил встать. Скатал валиком постель и упрятал в диван под сиденье. Отломил горбушку от круглой булки, налил полкружки остывшего чая.

В ставень колотили и колотили. Васька поглядел на часы. Ух ты! Уже двенадцать. Открыть, что ли? Он дожевывал горбушку, подошел к окну, вытащил чеку из оконного болта. Бах-тарарах! Кованый засовень отскочил, обе створки со скрипом раздались в стороны, и Васька увидел Сашку и Лешку Голубцовых.

Братья Голубцовы обалдело уставились на Ваську: ты откуда тут взялся?! Растерянность, даже самая краткая, дорого обходится. Васька полностью овладел ситуацией. Потянулся и длинно-длинно зевнул во весь рот, давая понять, кто хозяин положения.

— Ну, чего пришли?

Васька уже прикинул так и сяк, зачем пришли братья Анюты. У него только на уроках случались горестные провалы памяти. В жизни он на свою память не жаловался. Порылся в ней, и, пожалуйста, сразу выплыли нужные сведения. Владимир Алексаньч вчера пришел поздно и выспрашивал Ваську, с кем ушла с дискотеки Анюта. А Сашка с Лешкой сегодня примчались к Владимиру Алексаньчу, и нужен он им позарез, иначе они не колотили бы в ставень, как дятлы. Отправить их, что ли, к нему в музей?

Эту мысль Васька с негодованием отверг. Может, Владимира Алексаньча сегодня в музее нет и не будет, может, он куда-то уехал на весь день. Ничего не поде-

лаешь, самому придется узнавать, что понадобилось братьям Голубцовым. А для этого требуется заманить их в дом и с толком выпросить.

Придя к такому решению, Васька наотрез отказался разговаривать через окно.

— Заходите в дом! — упрямо твердил он.

Дверь в маленькую комнату Васька плотно прикрыл — пусть думают, что Владимир Алексанч там и сейчас выйдет. Теперь Голубцовы были у Васьки в руках. Он впустил их в дом и, не давая опомниться, захлопотал по хозяйству. Усадил Сашку и Лешку за стол, нарезал булку и, поколебавшись, выставил на стол пол-литровую банку с клубничным вареньем — пускай видят, что единственное в Путятине частное сыскное агентство не скупится на расходы ради интересов дела.

За хлопотами Васька не проронил ни слова. И гости выжидающе помалкивали, бросая взгляды на закрытую дверь.

Закипел чайник. Васька выполоскал кипятком заварничок и насыпал свежей заварки. Все делал по высшему классу обслуживания. Выставил на стол три розетки старинного хрусталя и три чашки из парадного сервиза. Только тут гости разочарованно спросили:

— А он?

Васька не спешил с ответом. Наполнил чашки, наполнил вареньем розетки и солидно произнес:

— Я вас слушаю.

Братья вылутили глаза, словно перед ними сам Киселев. И полился бестолковый горестный рассказ:

— Налетели на девчонку... Разобраться надо — потом хватать... Он нам мстит — участок ему отдай... «Не отдадите — пожалеете... У вас земля лебедой заросла, а яженьшень буду выращивать, за меня медицинская академия заступится...»

К сожалению, путятинский Шерлок Холмс не проинформировал своего доктора Ватсона о письме с черепом и костями и о засаде на Парковой, но Васька проявил природную сметку и кое-что стал понимать.

— Он нарочно деньги подложил... — жаловались братья Анюты. — Он думает, мы не знаем про его делишки... Мы все знаем...

За информацию о делишках знахаря, выложенную

вгорячах братьями Анюты, не жаль бы и двух банок клубничного варенья!

А сама Анюта, значит, вчера на дискотеке получила записку: там-то лежит для тебя письмо. Она пошла и взяла. Ей один человек обещал достать стихи и ноты. Анюта вовсе не думала, что в конверте деньги. Но Киселев и Ророкин ей не поверили. Теперь Анюту будут судить. Уже вся Крутышка знает — Анюта связалась с бандитами. И будто она участвовала в ограблении. Лукич всем рассказывает...

Васька слушал и мотал на ус. И все время помнил про главный вопрос: с кем Анюта ушла с дискотеки? Улучил минуту и проронил как бы без особого любопытства:

— Она что, одна за письмом ходила?

Братья Голубцовы переглянулись.

— Вроде одна, — неуверенно протянул Сашка. — Ее одну поймали.

— Не поймали, а задержали, — пояснил Васька с авторитетным видом. И повторил главный вопрос.

— Ну да, — пробурчал Сашка. — Ее спросишь... От нее дождешься... «Не вашего ума дело. Не суйте свой нос!»

На месте Анюты Васька тоже не позволил бы братцам-дуболомам совать нос в дела, недоступные их уму. И уж тем более сейчас. Нет, не зря интересовался Анютой Владимир Алексанч. А что, если она и в самом деле участвовала в ограблении?

Васька грозно нахмурился: жду!..

— Чего ее спрашивать? — с неохотой заговорил Лешка. — Я сам видел. Я его ждал, — он кивнул на Сашку, — барабан вместе относим. Она проходит мимо и приказывает: «Отнесите барабан, и чтобы домой без никаких...» Нас воспитывает, а сама... Ее Бокс ждал. Она не захотела с ним разговаривать. И пошла. А Бокс за ней: «Я тебе все объясню...»

— И они ушли вдвоем?

Васька взмок от напряжения, составляя свои вопросы по всем правилам русского языка. Выступая в роли Владимира Алексанча, он не имел права разговаривать с братьями Анюты в своей красочной и выразительной манере — поменьше слов, побольше мимики и жестов. Приходится беседовать культурно.

— Давайте все-таки уточним. Ваша сестра разрешила Боксу, он же Борис Шумилин, проводить ее до дома?

Лешка заколебался.

— Я за ней не следил. Ушла и ушла. А после мы барабан несли. Глядим — он у дома стоит.

Замаешься с такими дуболомами! Васька, конечно, сообразил, что «он» — это не барабан, а Борька Шумилин. Барабан несли Лешка с Сашкой, а Борька стоял у дома. Однако у какого? У своего? Или у дома Голубцовых? Очень важная подробность! Но прежде чем заняться ее уточнением, надо поучить братьев Голубцовых грамотному разговору.

— Так кто же стоял у дома? — кротко спросил Васька.

— Он! — буркнул Лешка. — Бокс.

— Вот теперь понятно. — Васька вытер вспотевший лоб кухонным полотенцем. — Остается только выяснить, у какого именно дома стоял Бокс, он же Борис Шумилин.

Братья не посмели упрекнуть Ваську в беспонятливости.

— Бокс, он же Борис Шумилин, стоял у своего дома, — четко доложил Лешка.

— Она с ним не разговаривает, — добавил Сашка. — Как вернулись из лагеря, он к нам не ходит.

— Так, так, — раздумчиво произнес Васька, подражая голосу своего учителя. — У нас появилась пища для размышлений. Предположим, Борис Шумилин хотел вчера сообщить очень важные сведения вашей сестре. Для этого ему понадобилось встретиться с ней тайком от других. Но, судя по тому, что вскоре вы увидели Шумилина неподалеку от дискотеки, возле его дома на Парковой улице, ваша сестра...

У Голубцовых загорелись глаза и пальцы сжались в кулаки.

— Думаешь, он?

— Ничего я не думаю! — молниеносно возразил Васька.

В принципе он бы не возражал против замысла, возникшего сейчас у братьев Анюты. Врезать Боксу — благородное дело. Но что скажет Владимир Алексанч,

узнав, что Васька своими неумелыми действиями спровоцировал грубую расправу?

Пришлось спешно замазывать свою промашку.

— Нет, Бокс тут ни при чем... Вы же сами видели — он стоял у своего дома...

В банке оставалось на доньшке варенье. «Что же это я?» — спохватился Васька. В Путятине строго соблюдалось правило: что на стол поставлено, то должно быть съедено. Васька разложил варенье поровну, и гости не стали жеманиться — у Голубцовых сроду своего домашнего варенья и соленья не запасали.

— Вась, так ты уж передай, чтоб разобрался, — сказали братья, дочиста вылизав розетки.

— Будь! — твердо обещал Васька, выразив в одном коротком слове исчерпывающую программу действий: «Можете не беспокоиться. Ваша просьба будет в точности передана Владимиру Алексанчу вместе со всей полезной информацией, которую вы мне изложили. И я со своей стороны обещаю постоянно напоминать Владимиру Алексанчу о необходимости взять под защиту вашу любимую сестру Анюту».

Братья Голубцовы выразили кивками свое полное удовлетворение.

Дальнейший разговор Васька повел на своем привычном языке, живом и выразительном. И ах как хорошо пошла беседа! У каждого слова свое лицо, своя игра. А когда строишь длинные и гладкие фразы, они получаются как макароны — все одинаковые. Васька уже давно подумывал научить своему языку Владимира Алексанча. Для сыщика — первейшая необходимость!

Под разговор Васька перемыл посуду и вытер полотенцем до блеска. Банку тоже вымыл — теперь можно и сдать. А братья Голубцовы знай молотили языками. Васька еле успевал закладывать в память ценнейшую информацию. Тут уж не до порядка, не до распределения сведений по полочкам, как учит Владимир Алексанч. Под конец Ваське даже пришлось утрамбовывать информацию, чтобы влезла. Голова заметно потяжелела. С такой головой, если кинут в реку, камнем пойдешь ко дну.

Братья ушли, и Васька по-быстрому собрался в поход.

...Единственный в Посаде телефон-автомат находился возле ларька. Васька издали увидел — трубка на месте, шнур не перерезан. С тех пор, как Витя Жигалов перестал принимать заказы на электрогитары, в Пуятине куда меньше стало охотников за телефонными трубками.

Но сразу рисковать двушкой дураков нет. Васька снял трубку — ни писка, ни хрипа. Бухнул кулаком по автомату — не реагирует.

Придется топтать к автомату у поликлиники на Фабричной. Крюк изрядный. Зато дорога от поликлиники к мастерской Вити Жигалова проходит через самую сердцевину Парижа. А Ваське как раз и нужно пересечь весь Париж.

Автомат возле поликлиники оказался в исправности. Васька набрал номер Владимира Алексанчы и с минуты терпеливо выслушивал долгие гудки. В кабинете никого нет. Васька набрал номер телефона, недавно поставленного в вестибюле. Двушка дзинькнула в копилку.

— Нет, и не приходил!

По сварливому ответу дежурной Васька понял, что ее уже допекли розысками директора. Но хоть бы спросила для порядка, кто звонит и что передать! Васька в сердцах дерганул за рычаг. Это что же получается? Двушка за такой куцый разговор?! Автомат закашлялся и вернул монету.

— Будь! — с удовлетворением заявил Васька и упрягал двушку в карман — еще пригодится.

Теперь его совесть была чиста. Доктор Ватсон приложил все усилия, чтобы дозвониться до Шерлока Холмса, потерпел неудачу и смело двинулся навстречу опасностям.

На Фабричной было пустынно — ни людей, ни машин. Васька свернул на Советскую, пересек мостовую и ступил без колебаний на территорию Парижа.

Провинциальному наблюдателю, знакомому с нравами города Пуятинна, показалось бы странным и даже подозрительным — с чего бы юный житель другой части города позволяет себе разгуливать по кривым улочкам Парижа с такой нахальной беспечностью. А если сейчас из-за угла появится Ханя с компанией?

Эх, если бы появился Ханя! Васька и не подумал бы

спасать свою шкуру. Ради интересов дела можно и пострадать.

Но из-за угла появился не Ханя. Озабоченной походкой вышла Нина Васильевна. Васька не растерялся и, как ящерица, скользнул в ближайшее укрытие. Встреча с инспектором по несовершеннолетним не входила в его планы.

Убежище Ваське досталось неважное. Надо же умудриться найти в Париже кучу свежего навоза! При здешнем стойком отвращении к земледелию!

Васька прицелился мотануть обратно через пролом в заборе. Но сначала, конечно, выглянул — ушла или нет Нина Васильевна. И тут ее голос раздался совсем рядом.

— Здравствуйте. Здесь живут Репьевы?

Вот куда он заскочил второпях! Эту свеженькую кучу привезло семейство Ваньки Репьева. Хотят в Париже жить по-деревенски, с огородами и теплицей.

Васька уселся поудобнее. Уйти он всегда успеет. Надо послушать — может, что-то пригодится.

Репьевы, на Васькин взгляд, заняли в разговоре с Ниной Васильевной совершенно неправильную позицию. В Париже никто бы не стал нахваливать свое чадо сотруднику милиции. Наоборот! Сотрудник еще и рта не раскрыл, а родители уже выдали своему чаду самую черную характеристику. Делается это в полный голос, на весь Париж и особенно стараются матери: «Ирод окаянный! Осрамил, опозорил! Погибели на него нет!» Наконец сотруднику милиции удастся сообщить, в чем же проштрафился «ирод окаянный». Но и не надейся получить от родителей хоть какие-нибудь достоверные сведения. Они могут с горя все перевернуть и перепутать, с них спросу нет. И еще один изворот есть в родительской черной характеристике своего чада. Если потом оказывается, что «ирод» всего лишь свистнул в продмаге ящик пряников, можно досадливо махнуть рукой: «Нам бы ваши заботы! Мы большой беды боимся, а вы с пустяками!»

Но Репьевым откуда знать, как правильно вести себя с сотрудниками милиции! Ни капли не обеспокоились, усадили Нину Васильевну за стол, угостили домашним квасом и принялись хвастать, какой у них замечательный

сын — и послушный, и трудолюбивый, и все-то он умеет, сам управляется даже с газорезом, починил сестренке велосипед...

Сквозь взрослые разговоры до Васьки время от времени доносилось невнятное бурчание. Образец трудолюбия и послушания сидел вместе со старшими за столом и реагировал на родительские похвалы, по Васькиной оценке, вполне нормально.

Полезная информация поблескивала в этом разговоре лишь еле заметной струйкой. Значит, знакомство Ванюши с Ханей родителей не пугает. Если ребенка воспитывают правильно, он никакому плохому влиянию не поддастся. А что касается игрушечного автомобильчика, то Ванюша врать не будет, если сказал, что нашел в кювете, так оно и было.

Васька слушал и мотал на ус. Приятно знать, что существуют люди, у которых все в порядке. Ванюша отнес свои документы в школу номер один и в скором времени порадует учителей примерным поведением. Но с чего это отец вдруг построжал и отослал Ванюшу доделывать какую-то работу? Хочет продемонстрировать Нине Васильевне образец послушания? Или переговорить о чем-то по секрету от Ванюши?

Васька наставил уши, чтобы не пропустить ни единого слова. И чуть не угодил в ловушку! Отдал все внимание разговору во дворе и не позаботился о тыле. Бам! Бам! Бам! Забор гудел не хуже электрогитары. Вот, значит, какую работу доделывает Ванюша. Сразу надо было принять в расчет, что хозяйственные люди не могут мириться с проломом в заборе.

«Ладно,— подумал Васька.— Он приколотит, я отдеру.— И тут же спохватился.— Образцовый Ванюша так приколотит! Не отдерешь! Надо вылезать, пока не поздно».

Васька высунулся в пролом и остался доволен произведенным эффектом: у Ванюши рот разинут, молоток выпал из рук.

— Трудисься? — Васька вылез наружу и осмотрел забор взглядом строгого инспектора: да, уж прибито намертво.

Ванюша никаких вопросов задавать не посмел.

— Слушай! — продолжал Васька деловито и доверительно. — Нужен газорез. Срочно. Жигалову. Понял?

Ванюша подскочил от радости и мог бы громко выразить свой восторг, но Васька успел прикрыть ему рот.

«Вот так проверяются люди,— философски подумал Васька.— Давно ли он в Путятине — без году неделя. Но уже знает, кто такой Витя Жигалов».

— Будь! — Васька пошел не оглядываясь. А чего оглядываться! И так ясно, что Ванюша стоит в глубокой задумчивости и чешет затылок. Ведь с ним беседовал сам Васька Петухов. Конечно, Петухов не такая персона, как мастер Жигалов, но все-таки своя слава имеется. И есть смысл крепко подумать, с чего бы верный помощник В. А. Киселева появился в Париж и забрался в пролом забора. Ведь не для того же, чтобы попросить газорез.

Спустя полчаса помощник В. А. Киселева сидел в каменном мешке и хладнокровно раскладывал по полочкам добытые сегодня сведения.

Каменный мешок, куда заточили Ваську, представлял собой путятинский вариант древнего узилища, изобретенного восточными тиранами. Обычно у тиранов такие ямы с отвесными стенами находились поблизости от дворцовых конюшен, и туда стекала зловонная жижа. Яма, куда швырнули Ваську, была сухой, относительно чистой, здесь лишь слегка припахивало плесенью, и сидел Васька не на сырой земле, а на деревянном ящике.

Волокли его сюда, не завязывая глаз, так что он прекрасно знал, где находится. В подполе разрушенного дома. Горсовет, давая жителю Парижа ордер на новую квартиру, ставил неременным условием ликвидацию старой хибары. Счастливым новосел загонял соседям все мало-мальски ценное — оконные рамы, двери, после чего стены разваливались сами собой. Так поступили и хозяева этого дома. Но, на Васькину беду, они не смогли загнать древний обшарпанный шкаф. Сидя в подполье, Васька слышал, с каким пыхтением волокли эту тяжесть. Трах! На Ваську обрушился пыльный залп, и свет померк.

— Посиди и подумай! — крикнул Ханя. — Вернусь — побеседуем! Сейчас не могу! Арик ждет! — Сквозь шкаф голос Хани звучал гулко и грозно.

Васька первым делом подумал, что с голоду он не умрет. В желудке два завтрака. Можно спокойно ждать и время от времени постукивать в днище шкафа, подавая сигналы тем, кто его ищет.

В том, что его будут искать, Васька не сомневался. Образцовый мальчик Ванюша не может подвести. Обещал явиться с газорезом к Вите Жигалову, значит, так и сделает. Витя удивится: «Кто тебя звал?» Вдвоем они призадумаются, где Васька и что с ним могло приключиться на пути от дома Репьевых к причалам. Люди, разбирающиеся в технике, не очень-то сообразительны в житейских делах — значит, до Вити с Ванюшей не скоро дойдет, куда девался Васька Петухов, но ничего — как-нибудь додумаются, лишь бы добрались до подпола раньше, чем Ханя.

Васька сидел в темноте и похваливал себя за предусмотрительность: догадался послать Ванюшу на причал к Вите. Потом ему пришлось на память любимое рассуждение Владимира Алексанчыча: в тесном помещении лучше думается. А где еще найдешь такую тесноту, как в подполье?

Он начал усиленно думать и сразу же убедился, что действительно в тесноте голова соображает быстро и четко. Из прежней своей жизни он вынес очень полезное наблюдение: когда один настойчиво задает вопросы, а другой упорно молчит, то по вопросам молчащий может вычислить, насколько осведомлен спрашивающий. Так получилось и у Васьки с Ханей. Значит, к чему Ханя проявил особый интерес? Васька мысленно раскладывал вопросы, как карты в руке — веером: что сказала Анюта Киселеву? Кто подослал к Арику Сашку Голубцова?.. Что еще? Про Спицына, про Максика Галкина, про какого-то Дубровского...

Время шло, избавители не появлялись. Васька понял, что в своих первоначальных расчетах не отдал должное трудолюбию, свойственному и Ванюше и Вите. Эти двое не побегут сразу на поиски. Нет, они сначала докончат работу, прерванную вчера появлением участкового Журавлева. Они разожгут газорез, разделают оставшиеся полосы и только тогда отправятся искать пропавшего Ваську.

Расчеты расчетами, но постукивать по шкафу Васька не переставал. Шкаф отзывался колокольным звоном — весь из цельного дерева.

И вдруг до Васьки донесся ответный звон. Кто-то постучал по шкафу. Ну, наконец-то! Васька забарабанил в две руки: сюда! На помощь!

— Эй, кто там? — донеслось сверху.

Васька затих. Не Витя и не Ванюша. Ханя? Нет, он не стал бы спрашивать, кто стучит. Наверху кто-то посторонний.

Все эти мысли промелькнули с быстротой молнии, и Васька заорал во все горло:

— Выпустите меня!

Шкаф затрещал под чьим-то могучим напором, и в подпол хлынул свет.

— Ты как сюда попал?

Вопрос законный. Но против света Васька не видел, кто наверху. И не стал торопиться с ответом. Сначала надо вылезти — поглядеть, кому отвечаешь.

Так он и сделал. И очень порадовался своей предусмотрительности, увидев, кто отворил его темницу.

XVII

На Пушкинской Володе повезло. Летевший во весь опор автомобиль взвизгнул тормозами, и знакомый голос произнес:

— Садитесь!

За рулем бронзовой, как жук, машины неизвестной марки восседал зубной техник Галкин.

— Вам куда?

— На станцию.

Новая машина всеми формами приятно напоминала белый «Запорожец», на котором прежде разъезжал Галкин.

Володя осторожно опустился на сиденье, обтянутое плюшем цвета первой весенней травки. Этот плюш он видел в универмаге, когда покупал себе на брюки метр десять сантиметров белой джинсовой ткани. В ателье требуют для пошива брюк метр двадцать, но Володя брюки и рубашки шил сам и знал, каков действительный расход ткани. А плюш его тогда поразил несусветной ценой. Но оказывается, и на такую цену есть покупатели.

Впрочем, трата не бессмысленная — плюшевое сиденье располагает к пеге и мечтаниям. От бронзы и зеленого плюша веет стариной. Вольтеровское кресло! А стиль ретро сейчас в моде.

«Путятин по части моды всегда поспешает в первых шеренгах,— отметил про себя Володя.— Причем мы умеем обходиться и без привоза из-за границы. Своими силами!»

— Я все знаю! — запальчиво вскричал Галкин, трогая машину с места.— Весь город знает! Кому-то ваша слава как кость в горле! Весь город возмущен! Отстранить вас от расследования! После всего, что вы для них сделали! Они должны вам в ноги кланяться и молить о помощи!..

«Нет на свете излишества прекрасней, чем излишек благодарности,— подумал Володя.— Лабрюйер, изрекший эти слова, безусловно, прав».

Но что-то чрезмерное вдруг послышалось ему в бурном негодовании Галкина. Даже что-то фальшивое. А если это ловушка, рассчитанная на простака? Галкин с помощью примитивной лести пытается выведать, как продвигается расследование кражи путятинского золотого запаса? Думает, что Володино самолюбие не выдержит — детектив начнет демонстрировать свою осведомленность и выболтает милицейские тайны.

Сначала Володя только посмеивался втихомолку, наблюдая наивные хитрости зубного техника. Но потом спохватился. Галкин не из-за пустяков хитрит. Что-то его тревожит. Кажется, он чем-то напуган.

«Неужели золото? — спросил себя Володя, и мурашки побежали у него по спине.— Вполне может быть... Зубному технику постоянно приходится иметь дело с золотом. У него есть приспособления для переплавки... Его могли запугать, заставить... Камешки вынули, золото переплавили в слиток — и все шито-крыто».

Галкин и не подозревал, какие мысли бродят у Володи в голове. Разболтался беззаботно про свои дела. Московский поезд, вагон номер пять. Проводницу зовут Нелли. В посылке, которую она передаст Галкину, детали для бормашины, кое-что из инструментов и, главное, лекарства — их по почте не перешлешь, разобьют и разольют. Откуда лекарства? У Галкина

есть приятель, он все может достать, хоть звезду с неба, укажите только, которая вам нужна — Вега или Сириус.

— Но и я не в долгу,— хвастал Галкин.— В провинции иной раз появляется такой дефицит... И в Москве не сыщешь. А меня в Путятине, слава богу, знают. Мне никто не откажет. Зубы нужны всем. И большому начальнику и рядовому продавцу.

Галкин, несомненно, говорил правду. Но вряд ли всю до конца, без утайки. Однако и неполная правда навела Володю на печальное размышление. У Галкина налажена система перевозок по железной дороге. Частный канал, по которому он что-то получает от разворотливого приятеля. И что-то отправляет. И никаких ограничений веса и содержимого!

Но тут Володе пришлось обуздать свою фантазию. А сам он какими путями и способами пересылает Таньке с Сашей домашние припасы? Почтой соленые рыжики не отправишь. У Галкина дружба с Нелли из пятого вагона, а Володя наладил контакт с Валентином из девятого. Парень оказался любителем живописи. Таньке с Сашей не приходится встречать поезд на московском вокзале. Валентин доставляет посылки на дом, вернее, к Саше в мастерскую.

«И вообще этот способ отправки и получения частных грузов в Путятине очень популярен,— напомнил себе Володя.— Если сейчас пройти по перрону, увидишь еще кого-нибудь из наших жителей, ожидающих «своего» проводника. Да, пройти не мешает,— решил он.— На всякий случай. Гриню я не встречу. Гриня знает, где его может караулить милиция...»

Меж тем с «Запорожцем», перекрашенным в бронзовый цвет, что-то случилось. Ровно тархтевший мотор вдруг заревел, как реактивный двигатель. Кричи — не перекричишь. А Галкин почему-то заговорил вполголоса.

Володя молниеносно сообразил, в чем дело. Предстоит конспиративный разговор, нужен максимум внимания.

Галкина не перебивать, не переспрашивать. Только слушать и угадывать за обрывками слов, о чем он говорит.

Значит, когда-то Галкин сделал зубной протез Проко-

пию Лукичу Смирнову. Нержавейка, облицованная пластмассой. Превосходная работа! Век носи и радуйся. Но однажды Галкин встречает Смирнова. И что же? У знахаря рот полон золота. Причем не медицинского. Опытный зубной техник может определить с одного взгляда. Подпольная кустарная халтура. За такие вещи сажают в тюрьму. И правильно делают.

Галкин, конечно, ничего не сказал своему бывшему пациенту. У него знахарь долгое время не появлялся. Но вот недели две назад приходит и приносит в починку ту самую кустарную халтуру. Галкин поглядел — все же любопытно. Так что теперь он точно знает — работа подпольная, золото не медицинское. Уважающий себя зубной техник при подобных обстоятельствах за починку не берется. Галкин указал Смирнову на дверь: «Я вас не видел, вы у меня не были...»

Казалось бы, категоричный отпор. Однако знахарь на этом не успокоился. Не далее как вчера к Галкину явился спекулянт, торгующий на рынке помидорами. И сослался на рекомендацию Смирнова. Причем делал вполне прозрачные намеки, что надеется достать золото с помощью Галкина. Нашел дурака! Галкин заставил его разинуть пасть. И что же обнаружилось? У спекулянта абсолютно целые и здоровые зубы. Чистые и белые. Все тридцать два! Но негодяй и глазом не моргнул. Видите ли, зубной протез нужен не ему, а его старшему брату. И продолжал болтать о превосходстве золотых зубов над стальными и пластмассовыми: «В кругу деловых людей золотая улыбка действует неотразимо...» При этих словах бандит улыбнулся, показав свои прекрасные здоровые зубы. И Галкину стало страшно.

Нет, он не трус! Но ему есть за кого бояться. У него дети. Дочь и сын. Даша и Максик.

С Максимом происходит что-то странное. Раньше целыми днями пропадал у приятелей. И ему звонили по телефону всеми уважаемые старшеклассники. Например, Боря Шумилин. Даже Джека Ключев! А теперь Максик сиднем сидит дома. И не дознаешься, куда пропала вся коллекция автомобильчиков.

Услышав про автомобильчики, Володя наострил уши. Автомобильчиками интересовался участковый Женья Журавлев.

— Боже мой! — восклицал Галкин, сопровождая свою речь энергичной жестикуляцией. — В наше время отцам приходится быть в курсе цен на предметы, которые коллекционируют дети. Вы знаете, что я достал? Через того же приятеля, который достает лекарства? — Галкин сделал паузу и многозначительно произнес: — Я достал «Болотную крысу». Это все равно что алмаз «Орлов». Впрочем, у вас нет взрослого сына и вы меня не поймете... «Болотная крыса»! И что же? — горестно продолжал Галкин. — Я не могу добиться от Максика, куда она подевалась.

«Ну вот, теперь многое понятно, — подумал Володя. — Судя по Васькиному рассказу, Журавлеву удалось выпросить у ребят, кому принадлежала «Болотная крыса». Максика Галкину. Но милицию интересует не Максик, а его отец».

Тем временем Галкин продолжал изливать свои тревоги.

Ну, ладно. Максик хотя бы сидит дома. Но Даша... Является домой в двенадцать, и не спрашивай, где она была и что делала. Но и так ясно — Даша попала в плохую компанию. Ее надо спасать — и срочно. Потому что в тот самый день, когда к Галкину явился базарный спекулянт со своими наглыми намеками, Даша пришла домой раньше обычного и стала подлизываться к отцу: «Папа, помоги моему бывшему однокласснику Саше Голубцову».

И что же оказалось? Голубцову надо очень срочно продать бабушкину брошку, кольцо и браслет. И чтобы никто об этом не знал. Даша буквально умоляла: «Папа, выручи Сашу Голубцова!» Очевидно, ей угрожали. Но откуда у Голубцова столько бабушкиных драгоценностей?

«Действительно, откуда? — Володя уже понял, какую важную новость выложил Галкин. — Значит, Фома все-таки прав. Я посмеивался над его надеждами вывести у девчонок про колечки и цепочки, но золотые изделия, оказывается, начинают всплывать. Причем у Голубцовых! Вот тебе и артисты... У Галкина и в самом деле есть причины бояться...»

Володя прикинул, как бы повел себя на его месте Фома. По всем канонам детектива Фома поручил бы Галкину вступить в игру. Делается это просто. Галкин

сообщает Голубцову, что готов купить «бабушкины драгоценности». Голубцов приносит свой товар, и тут наверняка выяснится, что золото не старинное. И брошка, и кольцо, и браслет — новехонький ширпотреб. Галкин отказывается от покупки: «Я рассчитывал приобрести вещи старинной работы». Таким образом, он выбывает из игры, не вызвав подозрений. А милиция займется своими подходами к Голубцову.

Володя отвлекся на размышления и утратил контроль за речами Галкина. В результате два слова оказались сами по себе. Никуда не приклеишь.

«Ломбард». Кому Галкин заявил наотрез: «У меня не ломбард»? Саше Голубцову? Но тогда получается, что братец Анюты не собирался продавать «бабушкины драгоценности». Он только хотел их заложить на время. Чепуха!.. Такие ребята, как Саша Голубцов, понятия не имеют о ломбарде.

Второе слово: «Дубровский». Кто это? И к кому имеет отношение — к Максику или к Даше?

Не доезжая до вокзальной площади, Галкин свернул в узкий проулок меж глухими заборами. Рев мотора смолк, наступила мертвая тишина.

— Надеюсь, все останется между нами, — сказал Галкин. — Поймите меня правильно — я боюсь обращаться в милицию. Мне можете помочь только вы. С вашими оригинальными методами расследования. Не смею вам советовать, но обратите внимание — подосланный ко мне Голубцов живет в Крутышке. Рядом со Смирновым! Это одна шайка!..

Володя мгновенно оценил ситуацию. Надо соглашаться. Хотя бы для того, чтобы успокоить Галкина.

— Такие дела на ходу не решают... — Володя говорил, словно размышляя вслух. — Нам надо все обсудить подробнее... Я позвоню, как только что-то проявится.

На том и расстались. По всем правилам конспирации. Сначала ушел Володя. Минуту спустя затарахтел мотор «Запорожца», все больше удаляясь. Галкин не помчался сразу же на вокзальную площадь, решил сделать круг, замести следы.

Володя понял: и речи быть не может о немедленном звонке Фомину из телефонной будки, стоящей у входа на

перрон. Придется информировать Фомина после более подробной беседы с Галкиным.

Милиционеры, несущие дежурство на станции, обычно торчат либо у газетной стекляшки, либо у изукрашенного резьбой теремка от ресторана «Колос». Но сегодня постового не видать. Разумная мера, чтобы не спугнуть Гриню, если он сюда заявится. Но Грине нечего делать на вокзале — в этом Володя был уверен.

«Голубцов приходил к Галкину вовсе не от Смирнова, — сказал себе Володя без тени сомнения. — Это не одна шайка, а две... Но от кого бы ни приходил братец прекрасной Анюты... Попытка сбыть «бабушкины драгоценности» подтверждает мою версию насчет Грини — почему он сегодня заявился в Путятин под видом болящего. То, что я написал на листке, упрятанном в сейф, безусловно, правда. И я до нее добрался исключительно с помощью интуиции...»

Увидев убегающие вдаль рельсы, Володя дал волю нахлынувшим чувствам. В детстве и в юности перрон станции Путятин представлялся ему пограничной чертой. По эту сторону — привычная жизнь, по ту — огромный незнакомый мир. Уезжаешь из родного города всегда в панике. Касса продает билеты в самую последнюю минуту. Бежишь сломя голову вдоль состава, в свой вагон вскакиваешь уже на ходу. Пассажиры оглядывают тебя с ленивым любопытством: у вас все такие? Заполошенные и перепуганные? Ну и городочек!..

Став местной знаменитостью, Володя пересекал пограничную черту спокойно и с достоинством. Уж ему-то билет припасали загодя! Но чувствительность к любопытным взглядам он одолеть не мог.

А снисходительные расспросы?! Будто Путятин — другая планета! Как там, у вас, есть жизнь или нет?

И ведь ничем не удивишь попутчиков, если они своими глазами видели, на какой незначительной станции ты сел. Даже не пытайся блистать перед ними эрудицией или остроумием. Не оценят.

Из-за этих обидных мелочей отъезд из Путятина был для Володи всегда сопряжен с терзаниями. Зато как любил он возвращаться! У него был разработан эффект-

ный сценарий. Всю дорогу Володя очаровывал спутников. И мастерски уходил от расспросов, кто он такой и куда едет. Кульминация наступала, когда он взглядывал в окно и брался за чемодан. «Вы уже сходите? Ужасно жал!» Все изумлены и заинтригованы. Липнут к окнам, пожирают глазами маленькую станцию, вокзал старинной постройки, надпись на фронтоне: «Путятин». Вот, оказывается, где родился и живет их загадочный спутник, умница и эрудит. Достигший всего своими силами, как все истинные таланты.

Пассажиры ахают и охают, а Володя ступает на перрон, как на крылечко родного дома, где знакома каждая половица.

Но сегодня он не был пассажиром. Ни отбывающим из родного Путятина, ни возвратившимся из дальних странствий. Сегодня ему в самый раз сыграть роль корифея таможенной службы. А что такое корифей таможни? Интуиция и еще раз интуиция. Все люди и все вещи прозрачны, как стекло. Корифей не задает лишних вопросов. Он с одного взгляда видит, что таится в чемоданах и что творится в душах...

Володя настолько вжился в роль, что у него даже походка переменялась, стала мягкой и вкрадчивой.

Начнем вон с того парня в белой спортивной куртке. Фигура чемпионская. Широкие плечи, под тканью куртки круглятся бицепсы. Этот молодой атлет и на самом деле чемпион города Путятина. По штанге. Всем известный Жень Журавлев, участковый из Парижа. Увидев его на перроне с дорожной сумкой, каждый путятинец подумает: наш чемпион едет на соревнования отстаивать честь родного города. Однако Журавлев сегодня никуда не едет. Он находится на вокзале при исполнении служебных обязанностей.

Володя поравнялся с Журавлевым и дружески поприветствовал.

— На соревнования? Ни пуха ни пера!

— К черту! — буркнул чемпион.

— В спорте главное не победа, а участие, — суесловил Володя, приглядываясь, не торчит ли из-под куртки револьвер. — Между прочим, еще древние мудрецы утверждали, что телодвижения одушевляют действие ума...

Чемпион свирепо отмалчивался. Он тоже видел Володю насквозь.

Но кто прикомандирован на помощь Журавлеву? Не могли же его послать против Грини в одиночку.

Володино внимание привлекла деревенская тетка с горой поклажи.

Возле нее крутятся два бравых молодца. Провожающие? Как бы не так! Обоих молодых Володя видел вчера в штабе дружины. Может, и тетка — переодетый дружинник? Нет, тетка настоящая. И до смерти рада, что эти двое обещали помочь ей при посадке.

«Нехорошо, ребята! — мысленно укорил Володя. — Тетка вам доверилась. А вы? Как только покажется Гриня, вы мигом забудете про свои обещания. Но, на теткин счастье, Гриня на вокзале не появится. Так что вся ее поклажа, все банки и узлы, и она сама в придачу — все это переместится в вагон без помех...»

Гражданина, стоящего неподалеку с фанерным ящиком у ног, Володя узнал по карикатурной шляпчонке. Маркин, бригадир шабашников. Не мешало бы проследить, сам ли Маркин отправляется в путь или он явился на вокзал, чтобы отправить посылку. Впрочем, не исключен и третий вариант — бригадир шабашников прикатил из Нелюшки, чтобы кого-то встретить.

Дальний конец перрона, по обыкновению, пустовал. Володя оглянулся и спрыгнул на землю. Место тут было укромное и ниоткуда не просматривалось.

Через минуту отсюда вынырнула долговязая девица в темных очках, закрывавших пол-лица, трянула каштановыми кудрями и, покачивая бедрами, как манекенщица на показе мод, направилась к железнодорожному поезду.

«В конце концов, во всем виноват Фома. Только он! С его упреками, что меня никуда нельзя послать — настолько я всем здесь известен. Если бы не его упреки! Мне бы самому и в голову не пришло это переодевание...»

XVIII

Давненько Фомин не проводывал старую водовозку. Крапива тут разрослась выше человеческого роста. Он

принялся вытапывать местечко для беседы, морщась от крапивного хруста и свирепого запаха.

Рудику надо непременно рассказать про Смирнова. Что-то многовато ниточек тянется к знахарю. Вязников ему возил бетонный раствор — это косвенно подтвердил Кисель, видевший на подворье Лукича новые бетонные дорожки. И Гриня объявился именно у знахаря.

Но как же тогда объяснить обращение Смирнова за помощью в милицию? И настоящие деньги в конверте?

Фомин понимал, что разговор о знахаре неизбежно выведет к Киселю. Рудику надо рассказать все как есть. Объяснить, кто такой Кисель. Неприятно, но никуда не денешься. Конечно, существование в Путятине доморощенного детектива не украшает репутацию городской милиции. Рудик на смех поднимет. И будет прав. Но тому же Рудику, когда он узнает, что за тип Кисель, станет ясно и понятно: путятинский частный детектив не обознался, на самом деле видел Гриню.

И к нему же, к Киселю, сами собой приплыли сведения о газорезе Сухарева. Все это Рудик обязан оценить. Ведь Кисель и Рудика успел засечь — Киселю известно, что некий помидорный король Арик Назаретян проявил подозрительный интерес к знахарю Смирнову.

Послышался шорох в зарослях и сдержанные черты-ханья. Фомин легонечко присвистнул: сюда!

— Уютненько тут у тебя, — произнес Рудик, оглядывая площадку, вытопанную Фоминым. — Давай присядем, что ли...

Вблизи Рудик казался очень молодым.

«Пожалуй, ровесник мне, — отметил Фомин. — Или немного старше. Одет, как и подобает рыночному воротилю. Куртка на каких-то особенных застежках, кепочка блинчиком. На шее золотая цепочка, на обеих руках кольца. Слишком шикарная фигура для нашего скромного Путятинца. Такого увидишь, и сразу хочется спросить: «Ваши документы!»

— Ты прав насчет Смирнова, — сказал Рудик, выслушав Фомина. — Знахарь уж очень настырно лезет в глаза. Можно подумать, не я тут торчу как приманка для воров, а этот ваш чудо-целитель. Дай-ка мне еще разок взглянуть на список его знакомых... — Рудик взял у Фомина перечень гостей на поминках, составленный

Веней. — Любопытно! Одна фамилия меня заинтересовала. Твой дружинник молодец. Он, что ли, меня в ресторане разыскал? Соображает... Я и сам не сразу понял, что он ко мне. Спрашивает официанток про какое-то вчерашнее недоразумение, директора гонит за жалобной книгой и вдруг вполголоса мне: «Срочно звоните Налетову. На работу».

Фомин все больше проникался симпатией к Рудику Куртияну. Отличный парень, не то что самовлюбленный Егоров. К деятельности Киселя отнесся с юмором. Версию с Вязниковым посоветовал не бросать — вдруг понадобится. Дотошно выспрашивал про шабашников и про Маркина, нанявшего ребят строить гараж частнику.

Фомин поколебался и рассказал про изобретателя Чернова и про «Фантомаса».

— Дела-а... — протянул Рудик. — Вот тебе и Нелюшка...

— Родина художника Пушкина, — похвастал Фомин.

Рудик кивнул:

— Я был в музее... Пришлось их там удивить невежеством. Кстати, музей отлично поставлен. Жаль, я не познакомился с директором. Это тот самый Киселев?

— Он...

— Нравится мне Путятин. Красиво живете. А карта района у тебя есть? Сейчас, с собой?

Фомин вытащил карту, показал на ней Нелюшку. Рудика заинтересовали точки, поставленные от руки красным карандашом.

— А это что?

— Зброшенные деревни, в них никто не живет. В одной из этих деревень мы как-то поймали шайку — иконы крали из пустых домов.

— Как же я упустил из вида малые деревушки, где никто не живет, — с досадой сказал Рудик. — Считал, Гриня где-то в городе. Залег до вечера. Однако если есть возможность добраться тропинками до заброшенной деревни... — Рудик внимательно разглядывал карту. — Как ты считаешь, в какую сторону он мог податься? Допустим, обсуждал в колонии с Сухаревым возможные лазейки... Что ему посоветовал Сухарев?

— Вот этот угол.— Фомин повел пальцем по карте на северо-запад от Медвежьего оврага. Самые безлюдные места. Дорог туда сроду не было. Сообщение только по реке. Раз в день ходит рейсовый теплоходик. Поэтому возле реки еще кто-то в деревнях остается. А чуть в стороне — ни души. Хоть месяц живи. И с голоду не помрешь. Туристы заходят и оставляют кое-что из продуктов.

Край карты заворачивался, и Рудик его придержал. Фомин получил возможность ближе рассмотреть ювелирное оснащение помидорного короля. Золотые кольца — одно с бриллиантом, другие с камешками, неизвестными Фомину. Браслет тоже золотой, массивный. Все, разумеется, без подделки, высшая проба. Для серьезной работы подделка не годится.

«Случись что,— сочувственно подумал Фомин,— Рудик никакой зарплаты не хватит рассчитаться...»

— А как насчет возможности уйти из вашего района в соседнюю область? — спросил Рудик.— Где-нибудь тут,— он ткнул в левый верхний угол карты,— не выходя ни к железной дороге, ни к шоссе.

Фомин пожал плечами:

— Кругом болота. Я бы смог, знаю места. Чужому трудновато.

Рудик забрал у Фомина карту, аккуратно сложил.

— Насчет Грини можешь не сомневаться. Он из колонии ушел.— Рудик хотел было вернуть карту Фомину, но передумал.— Однако мне не с руки гоняться за Гриней по здешним болотам. Во-первых, помидоры без меня сгниют.— Рудик коротко хохотнул.— Ну, а во-вторых, может погореть одно дело, поважнее, чем погоня за Гриней. Тут у меня такое наклеивается! Сам не верю. Но газорез из будки Сухарева к моему раскладу подходит. Вовремя ты мне подбросил эту полезную информацию...

Карту района Рудик на всякий случай оставил у себя.

— И дай мне координаты того дружинника. Он может понадобиться.

— Веня Ророкин. Работает на телефонной станции.

— Симпатичное имя! — Рудик поцокал языком.— Веня Ророкин. Очень мне тут у вас нравится.

— Служил в десантных войсках, самбист... — Фомин

перечислил все достоинства Ророкина, включая домашний телефон, полагающийся монтеру.

— Ну, а фамилия Юрков тебе что-нибудь говорит? — неожиданно спросил Рудик.

— Юрков? — Фомин напряг память. Нет, совершенно незнакомая фамилия.— А кто это?

— Дом, где я комнату снимаю, знаешь? Жил там когда-то одинокий старик. Сухарев утверждает, что тайну подвалов узнал от соседа-старика.

— И фамилию эту назвал?

— В том-то и дело, что нет. Фамилию Сухарев якобы не помнит. Моя хозяйка сказала, что жил такой старик Юрков и действительно умер незадолго до того, как Сухарева посадили.

— Так, так... — Фомин вдруг вспомнил одинокого старика.— Правильно, Юрков. А дразнили его — Кудыкин. Есть такая поговорка про кудыкину гору.

Фомин сам себе удивлялся. Ну и штуки выкидывает память! То кажется, ты никогда не слышал про Юркова, а то выясняется, что ты его видел собственными глазами возле фабричной столовой. Иной раз снег сгребают или еще что-то делает, но чаще ему просто так наваливали в котелок всего вперемешку — из жалости.

— Понятно,— сказал Рудик.— Городской сумасшедший. На всякий случай не мешает проверить, кто еще жил при Сухарева в этом доме на Эльдорадовской. Можешь поручить это своему общественному помощнику.

«Только не Киселю!» — была первая мысль Фомина. А вторая вогнала его в тоску: «Я же сам — сам! — спровоцировал Киселя отправиться в Нелюшку к изобретателю Чернову. Я думал, что Киселю надо исчезнуть из города, по которому бродит Гриня. Но если Кисель двинет в Нелюшку... — У Фомина мурашки побежали по спине.— Все это одна сторона — Нелюшка, Медвежий овраг, покинутые деревни... Если Кисель двинет в Нелюшку, то уж непременно где-то там повстречает Гриню. Еще одна неожиданность во вкусе путятинского самозванного детектива. Они там повстречаются нос к носу на самой узенькой дорожке!.. — Фомин поймал себя на том, что начинает фантазировать, как Кисель.— Спокойно! — посоветовал он себе.— Вернусь в управление и сразу же позвоню Киселю. Пусть сидит у себя в музее...»

Под конец Рудик заговорил про Ханю:

— Ты им займись посерьезней. Он далеко пойдет... Если милиция не остановит.

— Ханя и у Сухарева был на подхвате,— сказал Фомин.— Перепродавал кое-какую мелочишку из украденного.

— Он мне на свои прошлые заслуги намекнул с первого же знакомства. Словно бы надеялся, что я клюну на Сухарева. А потом несколько раз насчет моих цаек разговор заводил.— Рудик покрутил кулаком, закованным в кольца, словно в золотой кастет. Фомин отметил про себя, что замысловатой печаткой да если съездить по скуле, можно до кости просадить.— А сейчас мы с Ханей помидоры в холодильник отвезли, и он опять насчет золота. Кто-то через него то ли выйдет на меня, то ли не решится...— Рудик помолчал.— Но может, Ханя и врет, цену себе набивает. Ты сам знаешь, как бывает с малолетками. Послушаешь — он хуже старого рецидивиста. Море ему по колено, ничего не боится. А делишки за ним самые мелкопакастные. Хвастал, что ловит в лесу ребят, отбирает ягоды и грибы. У меня, между прочим, увел ящик помидоров. У своего работодателя! Я пока делаю вид, что не заметил. Но иной раз до того охота взять его за шиворот, встряхнуть, выложить ему все, что я про него думаю. Нельзя... у меня роль другая. Мне по моей роли только радоваться, глядя на Ханю. Растить себе смену, способствовать дальнейшему развращению...— Рудик умолк: и без слов ясно.

Фомин ему от души посочувствовал. «Мы сына плохому не учили»,— оправдывались родители Хани, когда Фомин беседовал с ними после суда над Сухаревым. Мать в голос убивалась: «Ирод!» Отец на костыле, инвалид от рождения. Фомин им поверил — ничему плохому они сына не учили. А вот помидорный король безусловно оказал на Павла Рыжикова самое вредное влияние — о том и речь!

— Кстати, у вас тут назревают события,— сообщил Рудик, уже прощаясь.— Вчера Ханю крепко избили, его компания готовит ответные меры. Насколько я понял, Ханя привык к тому, что его все боятся, никто не оказывает достойного отпора. А теперь кто-то появился, какие-то «фураги».

Фомину уже приходилось читать про компании под-

ростков, называющих себя «фурагами». А есть еще и «телаги». Одни носят для отличия фуражки, другие — телогрейки. В Путятине пока ни тех, ни других не было. Но мы от моды не отстаем...

В управлении на крыльце Фомин увидел Веню.

— Ждешь? Молодец! Есть поручение!

Обрадованный Веня пошел за Фоминым.

Прежде всего надо было доложить начальству о разговоре с Рудиком Куртияном. Затем Фомин почти бегом пустился в свой кабинет. Веня не отставал.

В телефонной трубке слышались долгие низкие гудки. Киселя на месте нет. Опять водит по музею важных гостей? Фомин набрал номер телефона, стоящего в вестибюле. Дежурная отозвалась сразу.

— Владимир Александрович ушел.

— Давно?

— Да уже с полчаса...

У Фомина чуть не вырвалось: «Куда его черти понесли?»

— Передайте, пожалуйста, Владимиру Александровичу, что звонили из милиции. По очень важному делу. И срочному. Фомин, скажите, звонил. Он мой номер знает.

После такого сообщения Кисель должен позвонить сразу же, как вернется в музей. Если он, конечно, сегодня туда вернется. Если он не укатил в Нелюшку.

Фомин положил трубку и увидел, что Веня ухмыляется. Ничего, сейчас узнает, что будет работать с Рудиком, и сразу посерьезнеет.

Веня, оказывается, успел побывать в штабе дружины.

— Николай Палыч, есть информация по итогам вашего вчерашнего задания...

Информация оказалась какой-то странной. Приглядевываясь к золотым украшениям на девчонках, дружинники не обнаружили новых цаек.

— То есть,— уточнил Ророкин,— девчонки ничего нового друг на дружке не увидели. А уж они не пропустят! По их глазам наблюдать можно — так и зыркают. А вчера — никаких зырканий. Вчера совсем наоборот. Вчера было «шу-шу-шу». По поводу нескольких девчонков, явившихся в дискотеку без всяких цаек. С чего бы вдруг такая скромность? Ну, ладно, одна проговорилась,

что кольцо лежало на подоконнике, а потом смотрит — кольца нет, и не нашлось, ни в доме на полу, ни в палисаднике. А у других что случилось?

«Мало ли что могло случиться! — раздраженно подумал Фомин. — Ни одна девчонка никогда не признается, что мать запретила нацеплять вечером дорогие украшения. Самое простое и самое верное объяснение».

— А про Ханю в штабе знают? — сердито спросил он. — Что Ханю вчера кто-то избил?

— Знают! Наши вчера проморгали. Я как чувствовал. Ханя повел своих обходным путем. И где-то там...

— У Хани вчера была стычка в дискотеке, — напомнил Фомин. — Может, с ним поквитались железнодорожные?

— Куда им! — сказал Веня пренебрежительно. — Слабаки. Поквитались какие-то неизвестные лица. Под предводительством Владимира Дубровского.

— Дубровского? — Фомин не верил своим ушам. — Какого еще Дубровского?

— Того самого! В школе проходили... — Веня встал в позу и ударил себя кулаком в грудь: — «Я не француз Дефорж! Я Дубровский!»

ХІХ

Выбираясь из подпола, Васька несколько раз чуть не сорвался с шаткой подгнившей лесенки. Наконец он достиг люка. Перед самым его носом на выщербленном полу пританцовывали кроссовки «Адидас», отлично сочетающиеся с голубыми джинсами из вельвета. Сколько раз Васька видел и кроссовки эти и брюки на подмостках города Путятина. Джека!

Сверху долетели обрывки разговора.

— Верное дело! — говорил кому-то Джека. — С продажей, конечно, будут трудности. А пока припрядем. Эдик обещал найти покупателя.

В ответ бубнили два голоса. Кто же там с Джекой? Васька скосил глаза и увидел по другую сторону люка две пары остроносых ботинок на ковбойских каблуках. И эту обувь он видел на путятинских подмостках. С Джекой ребята из «Радуги».

Сверху явственно донеслось слово «кража». Ну, влип! Васька чуть не ушмыгнул обратно в подпол. Но вовремя опомнился. «Ничего я не слышал, никого не заподозрил. Вылезаю со слезами радости на глазах».

— Петухов! — прикрикнул Джека. — Тебя долго ждать?

— Счас! — прокрихтел Васька.

Другой бы огорчился, что его узнали, но Васька воспрянул духом. В голове мигом родился план действий. Васькин план основывался на презрении, явственно прозвучавшем в голосе Джеки. До высот, где обреталась музыкальная знаменитость, еще не докатились вести о Васькиной дружбе с путятинским Шерлоком Холмсом. Для Джеки Васька не доктор Ватсон, а печально известный Петухов из Посада. Вот этим-то и надо воспользоваться!

Васька с силой врезал обеими ногами по шаткой лестнице, она с треском разлетелась на куски, но Васька, конечно, успел повиснуть, крепко держась за край люка. Он висел и барахтался, изображая, что нет сил подтянуться, а потом мысленно попросил у Владимира Алексаныха дозволения на парочку самых черных ругательств, выпалил их единым духом и был наконец схвачен недружественными руками за шиворот и извлечен из черной дыры.

Дело сделано! Теперь следует отползти в сторону, процедить те же ругательства по-блатному, сквозь зубы, сесть на корточки и взглянуть на своих избавителей подлово и трусовато.

Все это Васька проделал в наилучшем виде. И был вознагражден брезгливыми взглядами. Джека даже вытер о голубой вельвет руку, запачканную прикосновением к Петухову.

«Чище вытирай! — посмеялся про себя Васька. — Вытирай, ворюга, руку, коснувшуюся честного человека!»

Он понимал, что надо как можно скорее мотать отсюда — пока не вернулся Ханя, осведомленный насчет перемен, произошедших с Петуховым. Но когда приходится врать и выкручиваться — спешка может навредить. Врать надо не торопясь — будто из тебя каждое слово вытаскивают клещами.

Для начала Васька выдал глупейшую версию: он про-

ходил мимо Парижа, никого не трогал, а на него вдруг напали и, несмотря на героическое сопротивление, кинули в подпол.

Как Васька и рассчитывал, Джека сразу придрался к словам «никого не трогал». Допрос пошел в этом направлении. Васька поволинил и «раскололся»: у него с Ханей старые счеты.

Какие счеты? Васька изобразил железную стойкость: что мог, я сказал, а дальше ни шагу, хоть убейте.

— Знаю я ваши счеты! — пренебрежительно бросил Джека. — Ты, что ли, его вчера?..

— Ну! — Васька гордо выпятил грудь.

Теперь неплохо бы узнать, что именно произошло вчера с Ханей. Если бы Джека продолжил допрос, Васька уж как-нибудь сумел бы выловить ценные подробности. Но руководителя «Радуги» не интересовали мелочи путятинской жизни.

— Исчезни! — приказал Джека, и Васька не заставил его повторять приказ дважды. Выскочил на улицу и на всякий случай глянул в щелочку: чем люди занялись, избавившись от его присутствия.

Джека открыл настежь обе дверцы огромного шкафа и что-то разглядывал внутри.

Через Париж Васька промчался на самой высокой скорости. Но не такой он был лопух, чтобы заполошенно ворваться в мастерскую, будто за ним гонятся.

К мастерской Васька подобрался крадучись и чуток постоял за фанерной будкой. Все было так, как он и высчитал, сидя в темнице. Витя и Ванюша доделывали не законченную вчера работу. Газорез завывал во всю мочь, и потому разговор велся в крик.

— Кончим и пойдем разыскивать! — кричал Витя, приваривая стойку к уже готовым полосьям.

— Пойдем! — вторил Ванюша. — Вторую стойку доварим и пойдем!

— Вот перекладину доварим! — надрывал горло Витя. — Сразу и газорез отнесем!

Васькино терпение лопнуло, и он выскочил из засады с тигриным рыком.

Ну и что? Ничего!

— Погоди! — отмахнулся мастер и гаркнул на Ванюшу: — Руль давай! Рычаг приварим!

Какая-то неведомая сила подхватила Ваську, он отпихнул с дороги Ванюшу, кинулся в будку, схватил руль от мопеда и почтительно подал мастеру.

— Придержи! — властно распорядился мастер, целясь пламенем в вилку руля.

Пламя пекло и слепило. Васька отворотил лицо и ударился в философию: «Бывает же на белом свете... Я Жигалова знаю как облупленного... Но когда он берет в руки инструмент, даже я кидаюсь ему услужить!..»

Наконец газорез умолк.

— Ты где пропадал? — сердито спросил Витя, кинув на Ваську взгляд, полный недоверия: знаем мы тебя... когда работать надо, ты в кусты.

У Васьки сразу прошла охота хвастать своей отчаянной битвой с Ханей и мужественным поведением в темнице. Никуда его не сажали, просто задержался по важному делу, а по какому — им знать не обязательно. Да и вообще Жигалов без инструмента в руках Ваське Петухову не начальник. Пора забирать власть!

Васька по-хозяйски обошел почти готовый каркас снегохода, попинал ногой стойки и одобрил работу — прочно сварено!

— Прочно, — согласился Витя без радости. — На таких саях только дрова возить. С черепашей скоростью. — Мастер отошел на шаг и весьма критически обозрел свое творение. — Не-е... Не смотрится. Легкости нет. Красоты...

— Нам красота ни к чему! — Васька снова почувствовал себя главным начальником. Мастеру положено сомневаться. А начальник всегда в себе уверен. — Будь! — важно произнес Васька. — Скорость я беру на себя. Всех обгоню!

— Погоди, не спеши, — проворчал Витя. — Мотора еще нет.

— Будь! — начальственно заявил Васька и остановил задумчивый взгляд на Ванюше. — А какой мотор больше подходит?

Приятно иметь дело с людьми, разбирающимися в технике!

Ванюша изо всех сил старался показать мастеру свои

познания в моторах. Слушая их беседу, Васька обрел уйму полезных сведений насчет современных средств передвижения. Вращать колеса может и мотор от стиральной машины, но его следует ставить на детский самокат. А для снегохода отлично подошел бы тракторный пускач. Да где его взять?!

— Вот лодочный бы в самый раз...— мечтательно сказал Витя.— К примеру, «Москва-30»...

— «Москва-30» потянет,— согласился Ванюша.— Еще как! А «Нептун», думаешь, нет?

Витя поскреб макушку.

— Потянет.

— Я спрошу у отца,— обещал Ванюша.— Он продать хотел — не вышло. Сейчас новый купить можно — кому охота старый перебирать.

— Не такое уж трудное дело,— заметил Витя.— До зимы переберем. Время есть.

Теперь пора было и Ваське вставить свое слово — самое убедительное.

— А я что говорил?! — торжественно произнес Васька.

В технической дискуссии по поводу мощности лодочного мотора «Нептун» принял самое живое участие подошедший киномеханик из «Салюта» Гена Шашурин.

— Взрослых мужиков троих не потянет,— категорически высказался Гена.— А таких салажат, как вы, вполне...

Гена специально забежал на причалы известить приятелей-рыбаков, что в «Салюте» сегодня вечером будут показывать сверх плана индийский фильм. По этому случаю на дневных сеансах кино крутит помощник Гены, а его самого отпустили домой отдохнуть. Сегодня «Салют» будет работать до часу ночи. Когда привозят индийские фильмы, Путятин готов не спать.

Васька заметил, что Гена под веселый разговор остро взглядывает на Ванюшин газорез. Ну и пусть глядит. Гену можно не бояться — свой человек, не отбегает.

Но Гена вдруг придрался.

— Слушай, а куда ты тот газорез девал? — строго спросил он Витю.— Я же помню, у тебя другой был... Где он?

— Дома,— брякнул Витя и покраснел до ушей.

Васька мигом сообразил, что без его помощи Витя не вывернется. Еще одно слово — и мастер выложит всю горькую правду. А надо ли Гене, даже если он свой человек, знать, что газорез у Журавлева? Нет, не надо. Гена раззвонит всем владельцам будок, и Витю отсюда вытуют в шею.

— Он сломанный был, мы взяли, а он не работает,— бойко затараторил Васька.— Витя домой унес, починит и принесет...

— И давно унес? — полюбопытствовал Гена.

— Давно.— Васька изобразил грусть и уныние.— Уже месяц, наверное. А то и больше. Не получается пока...

— Почему не получается?

— С запчастями трудности,— тараторил Васька.— А Витя обязательно починит. Я лично проконтролирую.

— А где же вы другой взяли?

— У него.— Васька ткнул пальцем в Ванюшу.

Гена сразу же прицепился: кто ты, откуда и почему я тебя раньше не видел? Где живешь и как учишься? Кто твои родители и кем ты сам собираешься стать?..

Любой мальчишка наслышался в своей жизни этих дурацких вопросов. Их задают только от нечего делать. И Гену тоже вовсе не интересует, откуда прибыло в Путятин семейство Репьевых. Гена сидит тут и ждет своих приятелей-рыбаков, и поговорить ему не с кем.

Ванюша отвечал как на духу, серьезно и чистосердечно, не подозревая, что Гене его ответы — до лампочки. А Васька все видел. Но вдруг у Гены проклюнулся настоящий интерес. И вроде бы по самому пустому делу — откуда прибыли в Путятин Репьевы.

— Погоди-ка, ты из какой деревни?

Ванюша повторил.

— Стаса Соловьева знаешь?

Ванюша покраснел.

— Мы соседи.

Теперь и Васька заинтересовался. Это ж надо! Полдня провели вместе, и только случайно стало известно, что образцовый мальчик знаком со Стасом Соловьевым! Да любой на его месте позаботился бы вернуть про свое знакомство со Стасом с первых слов:

«Здравствуйте, я из одной деревни с самим Стасом Соловьевым!»

У Васьки быстро составилась план. Ванюша ведет его к Стасу и просит записать в секцию каратэ. Если хочет, может и сам записаться. Владимир Алексанч считает — вся сила в умении мыслить. Но тех же Голубцовых одним только умом, как сегодня, не всегда одолеешь. Неплохо иметь в придачу к уму приемчики каратэ...

Ванюша вздохнул рассказывал про Стаса:

— Он в нашей школе учился! Мы его на сбор приглашали, он нам про себя рассказывал. Возьмите, говорит, за правило каждое утро начинать с зарядки и обливания холодной водой. И не курите! Табак — это яд! Он знает с каких лет начал силу копить? С семи! Как в школу пошел! Говорит, был в классе самым слабым и взял себе за правило каждый день тысячу раз стучать ребром ладони по столу. К пятому классу ладонь стала как железная. А сейчас он нам показывал: рубанет голый рукой — и кирпич пополам.

Гена хмыкнул:

— Ну, кирпичи нашего завода тебе любой расколет... Слушай, а ты сестру Стаса знаешь? Твоего примерно возраста...

Ванюша промычал что-то невнятное. Васька даже оглянулся: что случилось? Знает он эту девчонку или нет?

— Жалуетса на нее Стас,— пояснил Гена.— Такое золотко ему родители подкинули... С ума сойдешь. Во все суется, дурища.

Васька внимательно наблюдал за сокрушительным воздействием слов, которые на него лично не производили никакого впечатления. Вот оно в чем дело... Ванюшу надо спасать.

К душевной беседе Васька приступил, как только их покинул не дождавшийся приятелей Гена.

Тихий Ванюша узнал о своей влюбленности в Веру еще в первом классе. И от нее самой — Вера объяснила, как ему впредь надо себя вести. С тех пор Ванюша находился в рабстве. Не спас и год разлуки. Вера уехала к брату в город, потому что у них в деревне восьмого класса нет. Перед отъездом она запретила Ванюше глядеть на других девчонок, и он в одиночестве топал в вось-

мой класс на центральную усадьбу колхоза, не решаясь подсесть к своим деревенским, которых возили в школу на «уазике».

После переезда Репьевых в город Ванюша дисциплинированно ждал, когда Вера прикажет ему явиться перед ее очи. Вера сама пришла в Париж и вызвала его на улицу: «Поговорим откровенно». Так он узнал, что теперь ей нравится другой.

«Но ты не падай духом! — распорядилась Вера.— Мы остаемся друзьями. Только встречаться теперь будем тайком».

Особенно она предостерегала насчет ребят из Парижа: «Они не должны знать про нашу дружбу». Из-за этого Ванюше и пришлось обменять автомобильчик. Вера подарила на память. Подарок обменивать нельзя, но к Ванюше пристали: «Давай меняться». И он не решился сказать: «Подарок». Это значило бы выдать тайну. Он сказал: «Нашел на Фабричной». И ребятам сказал, и участковый приходил — ему тоже.

— Какой автомобильчик? — перебил Васька.— Зеленый?

— Ты откуда знаешь? — удивился Ванюша.

— Я все знаю,— строго произнес Васька.— Зеленый и на гусеницах. Английский вездеход «Болотная крыса».

Ему вспомнилась вчерашняя стычка на дискотеке, воинственный клич Веры, Ханя, кувыркнувшийся на пол. Ага, вот почему ее встречи с Ванюшей происходят тайком! У Веры какие-то счеты с Ханей, и она использует Ванюшу как своего агента в Париже...

Ну дела... Голова раскалывается!

Еще никогда в жизни Ваську не тянуло взяться за перо — без принуждения, самому. И записать свои собственные мысли, а не то, что требуют в школе. Всю жизнь Васька брался за перо и бумагу только из-под палки и даже сочинение «Как я провел лето» списывал из чужой тетради. Лишь в последнее время из уважения к Владимиру Алексанчу он, не дожидаясь напоминаний, садился за письменный стол, но собственные мысли Васька, во избежание неприятностей, бумаге не доверял, благо ему достались вместе с бывшим столом Татьяны ее старые школьные сочинения. И вот теперь он впервые ощутил желание изобразить правдиво «Как я провел

сегодняшний день». У Васьки даже руки зачесались от нетерпения. Если не записать сегодня и сейчас, что-то очень важное улетучится из головы.

xx

Володя достал из кармана блокнот, ручку и еле удержался от искушения запустить острый кончик под каштановые локоны, поскрести голову, этак непринужденно, в подражание галантному кавалеру давнопрошедших времен.

Белая тонкая ручка с оттиснутой ценой «35 коп.» вполне годилась исполнить функции изящной палочки из слоновой кости с резьбой и позолотой, покоящейся в одной из музейных витрин. Этот исторический экспонат служил когда-то для почесывания дворянских головушек под пышными пудреными париками. У посетителей музея экспонат вызывал дружный смех. И напрасно! Теперь-то Володя наконец понял, какие адские муки господ дали толчок крепостным рабам к созданию столь простого и полезного технического новшества. Голова и под современным легким париком зудит невыносимо.

«Терпение!» — сказал себе Володя и раскрыл блокнот в красных корочках так, чтобы лучше было видно вытисненное на ледерине название областной молодежной газеты.

Володя пописывал в эту газету время от времени, и блокнот ему достался честно, за труды, как награда активному автору в День печати, 5 мая. Поэтому Володина совесть смирилась с тем, что здесь, в заброшенном пакгаузе, фирменный блокнот молодежной газеты изобразил для публики корреспондентское удостоверение.

— Нашу газету интересуют неформальные группы подростков. Давайте поговорим откровенно. В статье не будет ни имен, ни фамилий, даже ваш город не будет назван. Нам важно понять сам принцип неформального объединения подростков.

Володя, конечно, позаботился сесть спиной к свету, падающему через единственное зарешеченное окно. Поэтому лица сидящих напротив девчонок были освещены вполне достаточно. Одни только девчонки! Единственный в этом неформальном объединении представитель муж-

ского пола нес дозорную службу на подходах к пакгаузу. Володя видел единственного мужчину лишь мельком. Хлипкого сложения, очки с толстыми стеклами. Можно поклясться — этот суслик не имеет никакого отношения к каратэ. Но какова же его роль в девчачьей компании?

А устроились девчонки в бывшем пакгаузе недурненько! Володя исподволь оглядел просторное помещение. Стены побелены, на тяжелых дверях замок и в придачу щеколда, чтобы запирались изнутри, каменный пол застлан всевозможной мягкой рухлядью, старыми тюфяками, ватными стегаными одеялами, вытертыми ковриками, а поверх растянута квадрат брезента, какая-то бывшая упаковка, маркированная черными буквами и цифрами, но чистая, выстиранная и аккуратно залатанная.

Все это имело вид... Володя не сразу смог подобрать слово, но все-таки нашел самое точное. Обстановка в бывшем пакгаузе имела весьма авторитетный вид. Вот именно... Авторитетный! А кто все это создал?

Она Володю не узнала. Но он-то узнал ее, давешнюю попутчицу в автобусе, взиравшую на себя в карманное зеркальце с явным удовлетворением. Характер незаурядный! Володя это отметил сразу. Теперь он обнаружил, что у Веры Соловьевой зеленые глаза.

Между цветом глаз и линией поведения человека существует определенная связь. Володя читал об исследованиях, проведенных английскими психологами. Темноглазые упорны и выносливы, но в кризисных ситуациях становятся слишком раздражительными. Голубоглазые сентиментальны и плохо переносят любое однообразие. Люди со светло-кариими глазами легко справляются с однообразной деятельностью, но не любят, чтобы ими командовали. Сероглазые отличаются решительностью, однако пасуют перед рутинными задачами, не требующими особого умственного напряжения...

Володя осознавал всю условность подобной классификации. Однако на практике ее применял. И не раз убеждался в правоте выводов, сделанных английскими психологами. В конце концов, у него самого глаза серые и он действительно терпеть не может рутинных задач. А у Фомы светло-карие, и для Фомы однообразная деятельность — родная стихия.

Но зеленые глаза... Володя иной раз замечал в своих глазах зеленоватый оттенок. Английские психологи отнесли зеленоглазых к самой счастливой категории. Решительны! Знают свои возможности! Выходят из любого положения! Словом, идеальные руководители!

Однако не слишком ли юна Вера Соловьева, чтобы возглавить неформальное объединение? Нет ли за ее спиной кого-либо постарше? Например, какова роль Стаса Соловьева?

Роль Стаса оказалась весьма незначительной — таков был вывод Володи из своих наблюдений.

Самое первое наблюдение ему удалось сделать еще в автобусе. «Как же! Будет он меня слушать!» — ворчала Вера, и было ясно, что уж ее-то некий «он» еще как послушается.

Что такое деспотизм младшей сестры, Володя прекрасно знал на собственном опыте. И Стасу он от души сочувствовал. Очевидно, мать наказала Вере, что ни в коем случае нельзя допускать женитьбы Стаса. Матерям часто кажется, что сын еще молод, и им часто не нравятся невесты, избранные сыновьями. Но, как рассказывал Веня тем вечером в засаде, Стас полгода назад женился. Значит, у него есть тайна от матери и эта тайна в руках у Веры. Тут уж не отвертишься, примешь на себя обязанности тренера младшей сестрицы.

Но у Стаса мало свободного времени. Он разучивал с Верой очередной прием каратэ и уходил. А затем появлялись девчонки из ее команды, и она бралась за их обучение. Поэтому Вере и принадлежит вся власть Учителя, составляющая основу основ каратэ. Приказ Учителя — закон. Но если бы старший брат знал, чем занимаются юные каратистки за пределами бывшего пакгауза, он потерял бы и сон и покой и первым делом прикрыл бы их тренировки.

«Нет сомнений, — подытожил Володя, — Стас Соловьев и не догадывался о существовании подпольной команды девчонок-каратисток».

Да что там Стас! Веня тревожился за девчонок со станции — как бы их не поколотили по пути из парка. Даже Веня не догадывался! Даже Васька Петухов не располагал никакими сведениями о новом неформальном объединении, существующем в железнодорожном поселке!

От всего города — тайна. Зато перед мнимым корреспондентом и Вера и ее подружки не скрывают.

— Мы за справедливость, мы боремся против хулиганов, воров, подхалимов, рокеров, жмотов, против всех врагов «Радуги»...

Володя прилежно записывал, с кем воюют каратистки.

— Мальчишек в свою команду не берем. Девчонки у нас не только со станции. Есть из города, из Двудвориц, из Посада... Мальчишки — трепачи, девчонки — не болтаются.

«Парадокс нашего времени, — печально думал Володя. — Мне, уважаемому в городе человеку, они бы ничего не рассказали, а какой-то девице из молодежной газеты — пожалуйста. Современный подросток для учителей и для родителей — неприступная крепость. Но эта крепость распахивает ворота перед любым шелкопером. Так мы дойдем до того, что папы и мамы, желающие ближе узнать своих детей, будут вынуждены вызывать на дом газетного репортера. Или лучше — человека с телевизионной камерой. Ведь и я обязан своим успехом в роли интервьюера прежде всего моему дряхлому и подслеповатому «ящику». Не так много я перед ним сидел, но в нужный момент оказалось, что мне известно, в каких тонах принято нынче беседовать с лидерами неформальных объединений, а также с первым встречным подростком. Главное — делать вид, будто именно они владеют истиной в ее последней и высшей инстанции...»

Он закрыл блокнот и положил на колени — разумеется, фирменным тиснением кверху.

— Хотелось бы услышать о каких-то конкретных эпизодах вашей справедливой борьбы. Без имен и фамилий, просто сам эпизод. Записывать не буду... — Володя демонстративно затолкал ручку меж страниц блокнота и спросил не без умысла: — Кстати, как у вас в Путятине с досугом молодежи? Дискотека есть?

И вот тут Володина любовь к Путятину была подвергнута самому жестокому испытанию. Юные каратистки заявили, что их городишко не может удовлетворить высоким требованиям современной молодежи. Вечером пойти некуда. Мероприятия Дома культуры рассчитаны на стариков. Молодежного кафе нет. Дискотека только раз в неделю.

Володю подмывало спросить, есть ли в Путятине музеев. Хоть какой-нибудь! Но благоразумие взяло верх.

Сами они про музеи и не вспомнили. Раскритиковали универсам за невнимание к молодежной моде, кинотеатр «Салют» за отсутствие фильмов про молодежь. А о музее ни слова. О городской библиотеке тоже.

Он тотчас поймал себя на стариковском брюзжании. Осудить проще всего. Надо их понять.

Разговор вернулся к дискотеке. Комсомольцы-дружинники плохо смотрят за порядком. Многие девчонки курят. А что дружинники? Ну, скажут, что курить вредно — и все.

— У себя в первой школе мы провели борьбу с курением, — с гордостью заявила Вера. — Девчонки из нашей школы и на дискотеке не курят. А мальчишки — пускай, нас не касается.

— Как же вы этого достигли? — спросил Володя.

Он успел незаметно разглядеть всю компанию. Вася Петухов наверняка обнаружил бы тут своих знакомых. Но Володя никого раньше не встречал. А где бы он мог их встретить? В музей они не ходят. Совершенно другой круг интересов. У некоторых девчонок на лицах отразилась лень ума. Однако преобладают милыемышленные лица. Вон у той, в льняных кудряшках, облик примерной школьницы, круглой пятерочки. Рыжая в конопушках — само добродушие. Встретишь на улице эту компанию девчонок, нипочем не догадаешься, что они — крепко сколоченная «команда». А тут, в бывшем пакгаузе, можно наблюдать, какая у них сплоченность и дисциплина и какой властью обладает Вера Соловьева.

— Борьбу с курением начали с себя, — деловито рассказывала Вера. — Хочешь заниматься каратэ — никаких сигарет. Потом стали выявлять курильщиц по классам. Предупреждали по-хорошему. К тем, кто не исправлялся, применяли другие меры.

— Били? — У Володи все-таки дрогнул голос.

Вера снисходительно усмехнулась:

— С девчонками не деремся. Мы им только показывали, какие болевые приемы у нас на вооружении. Иногда приходилось на коленки ставить...

— Понятно, — с трудом выдавил Володя. — И как? Действовало?

— Без осечки! — Вера глянула на юных каратисток, и те дружно подхватили: действовало, сразу бросали курить...

Володя ужаснулся: «Ставили на коленки! Унижали! И все это с благими намерениями! Во имя справедливости!»

Ему хотелось выложить напрямик все, что он думает: «Тоже мне последовательницы Макиавелли: «Цель оправдывает средства». Никому не дано права унижать человеческое достоинство!..»

На языке вертелись самые горькие и злые слова. Но Володя удержался. Смешно выступать с речами в этом проклятом парике в роли переряженного сыщика. Да и куда важнее сейчас не прерывать откровения девчонок, стоически выслушать до конца.

— Борьба с курильщиками — наше первое большое дело, — продолжала Вера. — Многие из бывших курильщиц стали ходить с нами и неплохо себя показали. Вот она... — Вера указала на девчонку, имевшую вид круглой пятерочки. — Каждую переменку дымил в дворе, за сараями. А теперь...

Будущая медалистка привскочила с гортанным вскриком и изобразила какой-то приемчик.

— Ваш способ борьбы... — промямлил Володя. — Даже если он приносит положительные результаты... На вас могли пожаловаться, обвинить в хулиганстве!

В ответ раздался дружный смех. Они хохотали до упаду, ни капельки не подозревая, что перед ними опытный юрист. Конечно, самоучка, но все-таки знаток Уголовного кодекса.

Вера отсмеялась и пояснила — так поясняют малому и глупому:

— Курильщица не побегит рассказывать, за что ее на коленки ставили. Ни папе с мамой, ни учительнице.

— Сейчас вообще нет смысла жаловаться, — добавила будущая медалистка. — Жалобами ничего не добьешься. Даже если в Москву напишешь. Тебе же хуже будет. Сейчас по-другому. Тебя обидели — ты и сквитайся! — Она кивнула на сидящую рядом рыжую с конопушками. — Вот ее один хмырь до слез доводил. Ничего... Отучили, перестал дразниться.

— Вы не думайте,— сипло вставила рыжая.— Мы не только за своих заступаемся. Извините, я простужена: горло болит. Мы вообще за всех, кого обижают. Мальчишек много стало слабых — за них тоже...

Володя отметил про себя, что никаких имен они не называют. Ни своих, ни тех, с кем борются. Только одно имя ему здесь известно — Вера Соловьева, да и то не от них.

Значит, рыжую в конопушках дразнил один хмырь, о котором из дальнейшего рассказа стало известно, что он из «Юности». Подробность примечательная! Если из «Юности», значит, плохой человек. Логика человеческих междоусобиц.

Еще кого-то юные каратистки взяли в оборот за то, что он при обмене солдатиков, марок и автомобильчиков нахально обирал малышей. Летом в лагере команда Веры всыпала нахальному шабашнику.

Список «добрых дел» оказался внушительным. Володя напряг память, чтобы ничего не упустить.

«После я проанализирую все факты и кое-что из них добуду — как золотоискатель, извлекающий драгоценные крупинки из тонн пустой породы».

Значит, минувшей ночью, когда Веня тревожился, как доберутся до дома беззащитные девочки, юные каратистки «навели шороху», по их выражению, на «одного подонка и его прихлебал». Речь шла, разумеется, о Хане.

За что же они его проучили? Вера умела давать прямые, точные ответы, но тут отделалась уклончивыми словами. У девочек вырвались невнятные реплики. Понимай как хочешь. Били — значит, за дело.

И вдруг из нестройных реплик сложилось нечто новое и неожиданное.

До этого Володя уже задавался вопросом, почему юные каратистки не получают отпора. Все-таки девочки. И вид совсем не устрашающий... Их рассказ о победе над шайкой Хани смутил Володю чудовищным неправдоподобием. Он знал, что такое ребята из Парижа! Но неосторожные реплики все поставили на свое место. Прояснились и другие эпизоды из летописи «добрых дел». Возникло объяснение, почему юные каратистки не опасались, что их разоблачат и накажут. И наконец Володя разобрался, как его собеседницы приучились не называть своих имен.

«Ай да Вера! Отлично придумано!»

Володя понимал, что только благодаря переодеванию он смог так быстро добраться до важнейшего секрета юных каратисток, которым они не захотели поделиться даже с представительницей молодежной прессы. Настоящая журналистка никогда бы не догадалась. Догадался человек, надевший личину журналистки.

Он заново всмотрелся в сидящих перед ним девочек, в розовые щечки, каких никогда не бывает у малолетних курильщиц — у тех рано появляется предательская желтизна.

«Да, пожалуй, они чем-то пачкали свои лица. А может, надевали маски. И что-то на головы. Кажется, когда я вошел, в углу валялась фуражка. А теперь ее там нет. Напрасно они припрятали. Так нельзя делать, запоздалое припрятывание всегда выдает... Значит, это они — «фураги»? Васька говорил, что и у нас вроде появились».

Володя мог торжествовать. Ему удалось извлечь из груды пустой породы не просто золотинок. Целый самородок! И всего-то надо было уцепиться за такой, казалось бы, пустячок: одна девочка назвала другую мальчишечьим именем: Колька. Никто из них и не заметил. Только Володя. Его наблюдательность. А у них слишком свежи воспоминания о вчерашней победе над Ханей, и вот звучит еще одно мальчишечье имя — Митяй...

Итак, юные каратистки, борясь за справедливость, изображают некую мальчишечью компанию. До такой хитрой конспирации они, конечно, дошли не сразу. Курильщиц перевоспитывали еще в открытую. Но потом масштабы их деятельности возросли, и потребовалось замаскироваться. Изобразить мальчишек им нетрудно. Приемчиками владеют, так что с боевыми качествами все в порядке, надо только не завопить сгоряча: «Вера, сюда! Люся, давай!» Поэтому они загодя приучились называть друг друга мальчишечьими именами. И вообще в своем кругу все они не Люси и не Нюси, а Кольки, Митяи и так далее. Любопытно, какое имечко выбрала сама Вера?..

Подошло время прощаться. Корреспондентке областной молодежной газеты необходимо уехать вечерним поездом. А как раз к этому поезду приурочен автобус,

который увезет Володю в Нелюшку к изобретателю Чернову.

Володя и не догадывался — при всей своей проницательности, — какое важное открытие должно свершиться вот-вот, буквально через несколько минут. Открытие или, вернее сказать, случай, возведенный им в основу нового, оригинального метода расследования.

Но случай мог бы и не возникнуть, если бы не простейший вопрос, заданный без какого-либо сыщицкого умысла. Да здравствуют бесцельные вопросы!

Рыжая в конопушках все время очень потешно извинялась за свой сиплый голос. Ее-то Володя и спросил просто так:

— Где вы простудиться умудрились летом?

— Под дождик попала, — таков был немудрящий ответ.

Но маленький камешек уже покатился, толкнул другой камешек, покрупнее, тот ударился о следующий... И вот рождается лавина.

Значит, рыжая в конопушках, она же Митяй, попала неделю назад под дождик. Дождик шел ночью. А вечером была дискотека. После нее юные каратистки намеревались кое с кем побеседовать. Но кое-кто не пошел тем путем, где они устроили засаду. А засада была за оградой собора...

Ночь, собор, напротив торговые ряды... Не так уж важно, кого они подстерегали. Важно, что торчали там в ту самую ночь с субботы на воскресенье, когда был ограблен универмаг. И как раз возле ограды собора стояла грузовая машина. А точнее — самосвал...

Юные каратистки вспоминали про свою неудачную засаду весело, подтрунивали над собой и в результате разрисовали такие подробности, каких не отыщет в памяти самый добросовестный свидетель, отвечая самому пытливому следователю.

«И страшное и смешное обладают свойством, влияющим на человеческую память, — отметил про себя Володя. — Запечатлеваются куда сильнее, чем серьезное, деловое, обыденное. Причем страшное помнится дольше всего, но без отдельных деталей, испуг не дает человеку вглядеться. А смешное мы помним не так долго, зато вся прелесть наших воспоминаний в мельчайших пунктиках,

они-то и смешат. Мне повезло! — тайно ликовал Володя. — Что ж... Фоме придется воспользоваться и этими добытыми мною фактами. Он сам виноват — действовал по шаблону, опрашивал жителей ближних к универмагу домов, то есть тех, кто ночью мирно спит. Фома не принял во внимание, что в Путятине все-таки есть ночная жизнь. Всего один раз в неделю, в ночь с субботы на воскресенье, когда в парке или в клубе идет дискотека...»

Что-то вдруг хрустнуло во внутреннем кармане куртки. Конверт с письмом шантажиста! «Почему шантажист назначил знахарю именно субботний вечер?» Володя сразу задал себе этот вопрос. Но теперь у него появилось более точное представление о ночной жизни Путятина, бурлящей раз в неделю. Конечно, тех, кто обворовал универмаг, не обязательно искать среди юных посетителей дискотеки. Но шантажист или шантажисты!..

Прощаясь, он предупредил, что статья о неформальных объединениях появится в молодежной областной газете не скоро. Предстоит еще долгий сбор материалов.

— Когда выйдет, я пришлю. Дайте адрес.

Все взгляды устремились на Веру. Она отрицательно мотнула головой: не надо. Журналистка из большого города не могла бы оценить такую предосторожность. Но Володя знал свой Путятин. Получить через местную почту бандероль с номером газеты — это полный крах всей конспирации!

— Мы будем следить за вашей газетой, — обещала Вера, и в ее словах Володе почудилась некоторая угроза: «Попробуй про нас соврать!»

Единственный мужчина, карауливший на подходах к пакгаузу, вызвался проводить представительницу молодежной газеты до станции. Никакие отговорки не помогли.

— Вы попали сюда кружным путем, — твердил провожающий, — есть другая дорога, куда короче...

Не мог же Володя заявить, что прекрасно знает в этом городе все кратчайшие пути, дыры в заборах и перелазы. Пришлось покорно следовать за серой курткой с вязанным воротником.

— А где можно выучиться на журналиста? А как

туда поступить? А трудно ли сдать экзамены? А девочек там больше, чем мальчиков?.. — Сопровождающий засыпал Володю вопросами.

Иллюзия, что этот юнец феноменально любознателен, продержалась у Володи недолго.

«Он меня переиграл! Какая к черту любознательность! Ловкий способ перехватить инициативу — он спрашивает, я отвечаю. Он в тени, я под лучом прожектора. Но он не учел, что опытный человек может извлечь кое-что полезное и из такой ситуации. Например, я начинаю догадываться, какую роль он может играть в команде воинствующих девчонок. Советник! Серый кардинал!»

Поток вопросов не кончался. Ладно, пускай считает себя победителем. Узнать, кто он, не составит большого труда. Очки с толстыми стеклами, серая куртка с вязаным воротником, хлипкое сложение... Достаточно назвать эти приметы инспектору по делам несовершеннолетних Нине Ворохановой или Вале с ее приятельницами Альбертовной и Даниловной.

Володя рассчитывал, что распрощается со своим провожатым возле водокачки. Там есть штабеля просмоленных шпал. За ними можно укрыться, снять парик, стереть с лица грим.

Но не тут-то было. Володин сопровождающий изъявил самое горячее желание усадить дорогую гостью в вагон. Началось нудное препирательство.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, я без багажа.

— Вы не знаете, какая у нас посадка. Билеты продают в последнюю минуту.

— Не беспокойтесь, у меня билет будет.

— А вдруг ваш вагон окажется в конце?..

Серый кардинал явно намеревался увидеть собственными глазами, что представительница прессы действительно покинула Путятин, а не направилась за дополнительными сведениями, например, в милицию.

«Ей-богу, я сейчас тресну его сумкой по голове!» — в отчаянье подумал Володя.

Но, как правильно говорил Лев Толстой, в жизни всегда следует ожидать неожиданное. Спасение явилось в образе королевского гонца из классической трагедии.

Миссия гонца в шлеме и латах издавна заключалась в

том, чтобы явиться в самый острый момент, брякнуть оземь алебардой и прокричать: «Дон Педро! Тебя требует король!» Коротко и ясно. После такого приглашения никто не даст за жизнь дона Педро ломаного гроша, то есть дырявого песо.

Путятинский гонец не носил лат и не брякал алебардой. Джинсы как у всех, майка с иностранными буквами, но явно отечественного кооперативного производства. Лет примерно тех же, что и Володин сопровождающий.

Гонец вывернулся из-за серого тесового забора и буркнул:

— Спицын, привет! Тебя Джека ищет. Ты кому натрепал про Максика Галкина?

«Спицын?» — Володе тотчас вспомнились слова Вени прошлой ночью в засаде: «Спицын — заячья душа». И рассказ Васьки про стычку в дискотеке. Так вот кто оказался единственным мужчиной в воинствующем сообществе юных каратисток. Трусливый Спицын. Потрясающе!

Надо было торопиться к поезду, но Володя не уходил. Он не собирался заступаться за Спицына — еще хуже навредишь. Он ловил каждое слово гонца. Претензии Джеки Ключева ставили советника Веры Соловьевой в цепочку лиц, причастных к тайне «Болотной крысы» — жемчужины из коллекции Максика Галкина.

Но должно же что-то разъясниться из оправданий Спицына! Нет, напрасные надежды. Минуты летели, а Спицын все еще не проронил ни единого слова. И не проронит!

Спицын плакал навзрыд. Спицын заливался горячими слезами. Спицын задыхался от горловых спазмов.

«Профессионал», — с уважением подумал Володя.

Издали донесся шум поезда.

— Ребята, не ссорьтесь! — провозгласил Володя и со всех ног кинулся к станции.

Ни о каком избавлении от маскарада в удобном закутке за шпалами не могло быть и речи. Володя чувствовал на спине цепкий взгляд. Рыдающий Спицын все-таки умудрится проследить за представительницей прессы до самого перрона.

Вот и перрон. Поезд уже подошел. Володя одним махом взлетел по каменным уступам и смешался с тол-

пой пассажиров. Он успел вовремя. Поезд стукнул буферами и отчалил. Володя под прикрытием толпы проществовал с перрона на вокзальную площадь, не посмел навесить ни мужской, ни тем более женский туалет и присоединился к очереди на автобусной остановке...

Ни минутки лишней на избавление от грима и парика!

Покорившись судьбе, Володя поднялся по ступеням автобуса и выбрал местечко у окна — можно всю дорогу сидеть спиной к попутчикам, изображая чрезвычайный интерес к пейзажам и почесывая украдкой темя под париком.

«Про каратисток мне написать все-таки надо. Обязательно. Я им скажу в своей статье все, что не мог сказать в лицо. А в редакции объясню, что для полной конспирации мне надо подписаться женской фамилией. Допустим, Ольга Кречетова. Сразу видно — псевдоним. И никому в голову не придет, что Ольга Кречетова пишет про наш Путятин».

Кто-то с маху шлепнулся рядом, донесся запах одеколона. Вульгарный запах на Володин вкус.

«С соседом, кажется, не повезло. Придется сразу обрезать его комплименты».

Сквозь завесу из каштановых локонов Володя видел мужскую загорелую руку, сплошь в золотых перстнях. Пока шла посадка, сосед ерзал на месте и нервно перебирал пальцами, кого-то выглядывал среди пассажиров. Хоть бы увидел знакомых. Или девушку посимпатичней.

Но сосед никуда не пересел. Остался. Когда автобус тронулся, Володя успел на миг обернуться.

Рядом с ним сидел смуглый красавец. Помидорный король из Краснодара Арик Назаретян.

xxi

— Спокойно! — говорил себе Фомин, наблюдая в окно за действиями въехавшего во двор мотоциклиста в низко надвинутым белом шлеме.

Мотоциклист описал круг, скрупулезно соблюдая предписанную для езды во дворах скорость 5 км. Затем он поставил свой мотоцикл с коляской в самый центр одного из прямоугольников, вычерченных на асфальте

белой краской. Слез с седла, снял каску, поправил непромокаемую полость на коляске — все делал размеренно, не спеша. Затем достал из футляра, притороченного к седлу, две щетки — сапожную и одежную. Ровно четыре минуты и сорок одну секунду — Фомин следил за прыгающим циферкам электронных часов! — мотоциклист чистил запыхавшиеся в дальней дороге сапоги сорок шестого размера. Две минуты и шестнадцать секунд — китель и брюки.

«Аккуратист! Образцовый сержант милиции! Спокойно, Фомин... Не лезь в бутылку... Спокойно...»

Участковому Сироткину надлежало сейчас не чиститься во дворе управления. Ему надлежало находиться в Нелюшке, в боевой готовности на случай появления в тамошних окрестностях опасного преступника, не отсидевшего положенный срок и уже совершившего новую кражу.

Все сельские участковые Путятинского района получили такой приказ. Кого дома нашли, кого в гостях, кого вытащили с рыбалки. В Нелюшку звонили по всем телефонам в поисках Сироткина. Фомин особо добивался, чтобы его нашли — хотел предупредить и насчет возможного появления в Нелюшке директора музея Киселева. Но Сироткина найти не удалось. И вот, пожалуйста, он тут.

«Спокойно! Сейчас он пулей вылетит обратно».

Фомину и без Сироткина было тошно. Налетов не отпускал его из управления: «Ты здесь нужен!»

Когда человеку говорят, что он нужен здесь, это, между прочим, означает, что где-то — и может, в более ответственном месте! — без него прекрасно обойдутся.

Сведения, сходящиеся отовсюду к Фомину, не поднимали настроения. Гриня как сквозь землю провалился. Его фотографию показывали шоферам автобусов. Опознал только один — с маршрута «Вокзал — Крутышка». Это подтверждало информацию Киселя. Но остальным такой пассажир не попадался.

После отхода поезда в Москву звонил Журавлев. И на станции Гриня не появлялся. За поездом наблюдение велось с обеих сторон — с перрона и с соседнего пути. Так что преступника упустить не могли. Но фотографию Грини начальнику поезда вручили — как и было

приказано. Пускай и в поезде глядят в оба — на всякий случай.

Попутно Журавлев выложил некоторые свои наблюдения.

Бригадир шабашников Маркин приносил к поезду посылку, фанерный ящик, но почему-то не отправил.

Зубной техник Галкин передал проводнику пятого вагона картонную коробку — предположительно с яблоками или с репчатым луком.

Дотошная информация завершалась сведениями о Киселе. Директор музея Киселев явился на станцию с непонятными целями, прогулялся по перрону и потом куда-то пропал. Есть предположение, что он двинулся через пути в железнодорожный поселок. Обратного до сих пор не возвращался.

Фомин не стал ломать голову, что занудилось настырному детективу в железнодорожном поселке. Ладно, хоть в Нелюшку не укатил!..

— Разрешите войти? — Влажный зачес и докрасна растертое полотенцем лицо Сироткина свидетельствовали, на какие процедуры у него ушло еще пять с чем-то минут.

Сироткин доложил, как положено и заявил, что ценные указания, полученные утром, помогли ему устранить промахи и собрать недостающие факты.

Это не было грубой лестью и подхалимством, это был стиль деятельности участкового из Нелюшки. Он знал назубок все обязанности, все инструкции — и в этом его ставили другим в пример. За пределами инструкций браво Сироткин робел и терялся — чем, кстати, и пользовался изобретатель Чернов. Однако участковый из Нелюшки вновь обретал деловитость, если ему давали четкую команду: «Делай так-то и так-то...»

— Выкладывай, — сказал Фомин. — Только побыстрее!

Недостающие факты, успешно собранные благодаря ценным указаниям Фомина, относились прежде всего к бригаде шабашников. Исправляя свою оплошность, Сироткин составил полный список членов бригады с указанием домашних и служебных адресов. Сплошь сотрудники разных НИИ и КБ.

«А Чернову в расчетах не помогли. — Фомин искренне огорчился за нынешнюю техническую интеллигенцию. —

Неужели шабашка портит даже образованных людей?!»

Сироткину удалось уточнить и кое-что про махинации бригадира Маркина. Самые главные доходы шли не от строительства частных гаражей и не от бетонирования дорожек на частных подворьях. Маркин крупно гребет на изготовлении надгробий. И не каких-нибудь там простых плит, а фигурных, пользующихся повышенным спросом.

Услышав про надгробия, Фомин отметил про себя, что этот бизнес и мог послужить причиной, почему Маркин оказался в числе приглашенных на сегодняшние поминки. Не обязательно его привел с собой знахарь Смирнов. У Маркина наверняка есть приятели среди шаромыжников, околачивающихся при кладбище.

Художественным руководителем фирмы по изготовлению надгробий является не кто иной, как Эдик Вязников. Он дает рисунки и чертежи. Участие Эдика в других махинациях Маркина ограничивается исполнением обязанностей шофера. Привез — отвез. Однако Маркин и сам имеет водительские права. И в Нелюшке его видели за рулем самосвала. Даже как-то ночью. Причем Маркин объяснил встреченному по дороге жителю Нелюшки, что пожалел будить Эдика, поздно вернувшегося с танцев.

Эдик действительно каждый вечер ходил на танцы в школьный лагерь труда и отдыха. Остальные шабашники ложатся спать довольно рано, сразу как посмотрят по телевизору программу «Время». Поэтому Эдик устроился на отшибе. В том доме, где квартирует бригада, есть летняя будка, чуть побольше собачьей. Эту будку соорудил старший сын хозяев, тоже большой любитель танцев. Сейчас он служит в армии. Если сын где-то пропадал допоздна, мать, конечно, тревожилась, не спала. Услышит, что дверь будки скрипнула, и уснет. А за Эдиком она не следит. Поэтому остается неизвестным, где находился Эдик в ночь с субботы на воскресенье, когда был ограблен универмаг. Известно лишь, что вечер он провел на танцах в школьном лагере труда и отдыха.

«Житье на отшибе в будке выглядит, конечно, подозрительно, — подумал Фомин. — Но с другой стороны, и в самом деле удобно для большого любителя танцев».

Слушая Сироткина, Фомин все больше убеждался в ценности своих указаний, данных в Нелюшке сегодня утром. Вот что значит вести поиск в верном направлении. Времени прошло с тех пор совсем немного, а Сироткин даже и девчонку нашел — ту, что ездила в город за колечком с рубином.

Оказывается, Эдик повстречался ей не в Нелюшке, а на шоссе. Девчонка накануне узнала, что в универмаг привезли много колец, кулонов и всего прочего. Она так торопилась к открытию универмага, что не стала дожидаться автобуса, решила добираться на попутных. Эдик ехал со стороны города. Высунулся и спросил: «Ты куда топаешь пешком?» Незнакомому шоферу она бы не сказала, что едет покупать колечко. Ведь это значит, что у нее с собой деньги, а мало ли что. Но Эдику-то можно сказать. Он услышал про золото и говорит: «Садись. Прокачу с ветерком». Развернулся, и поехали. В кузове самосвала был раствор, который Эдик вез на комплекс. Эдик сначала все оглядывался на кузов, а потом съехал с шоссе и вывернул раствор на землю. Девчонка охнула: «Попадет тебе». Он засмеялся: «Никто не считает». И поехали дальше. Но оказалось, ювелирный отдел закрыт на учет.

День девчонка помнила хорошо. Среда. А где Эдик вывернул раствор, не заметила. Зато Фомин очень хорошо знал это место. Можно сказать, осмотрел досконально, хотя и издалека. На лужайке под одинокой сосной.

Все было именно так, как и предполагал Фомин. Типичное для строителей безобразие! Взбрело в голову прокатиться с девчонкой! А раствор денег стоит! И лес — наше богатство, его беречь надо!..

В городе Вязников никуда не заезжал. На обратном пути он загрузил на растворном узле новую порцию раствора.

Легкомысленная поездка в город со случайно встреченной девчонкой свидетельствовала, что Эдик распорядился самосвалом фактически бесконтрольно. Причем всегда имел возможность свалить задержку на работников растворного узла. Там можно и полдня потерять, пока загрузят. Фомин об этом знал — как и все в Путятине.

Значит, в среду Эдик съездил попусту. Девчонка уж

слишком поторопилась. В среду ювелирный отдел потому и был закрыт, что принимал новый товар. Однако в четверг или в пятницу — уже без девчонки — Эдик побывал у золотых витрин и был замечен заведующей отделом Тамарой Степановной Жуковой. А в субботу, как сообщила Жукова дотошному Вене Ророкину, Эдик приобрел золотое кольцо и золотой кулон — в подарок сестре на свадьбу. Однако в бригаде никто от него не слышал о предстоящем семейном торжестве. На свадьбу сестры его бы, конечно, отпустили без разговоров. Но Эдик уехал по телеграмме о болезни отца.

Фомин торжественно пожал могучую лапу Сироткина, поблагодарил за службу и пожелал новых успехов, также и в личной жизни.

Будь сейчас перед ним не Сироткин, а, скажем, Женя Журавлев, Фомин обошелся бы простыми словами. «Ну, ты молоток» или еще что-то дружеское. Но Сироткина хлебом не корми, а подавай официальную благодарность по всей форме. Ладно, не жалко. Фомин ему выдал все положенное — служебными словами, твердо, с металлом в голосе.

И секунды лишней не промедлил Сироткин по двору управления. Умчался как вихрь. Инспектор Вороханова на крылечке своего флигеля только руками развела.

Нине Васильевне Ворохановой очень нужно было посоветоваться с более опытным Фоминым.

— Николай Павлович, я понимаю, вам сейчас не до моих проблем, есть дела поважнее...

Она еще ни о чем не попросила, но Фомин уже приготовился к капитуляции. Слабые и беззащитные — самый опасный противник. Уж лучше столкнуться с напористым наглецом. Даже с вооруженным преступником! Потому что на силу можно ответить силой. А тут... Сразу сдавайся, поднимай руки вверх.

— Ладно, выкладывай, что там у тебя.

Ничего нового Фомин не услышал. Старая песня.

— У меня ничего не получается, кривая правонарушений растет, число поставленных на учет увеличивается, придется подавать Петру Петровичу заявление об уходе...

Сегодня утром Нина Васильевна сделала, по ее сло-

вам, непростительную глупость — пошла домой к Рыжикову.

Пошла пораньше, чтобы застать всех дома. Родители Рыжикова уже давно поднялись, хлопотали по хозяйству, а он спал. И первое, что бросилось в глаза Нине Васильевне, когда она вошла во двор, был ящик с помидорами. Явно краденый. Точно такие ящики Нина Васильевна видела на рынке у спекулянта. И видела, что Рыжиков помогал спекулянту разгружать ящики. Конечно, не задаром. Но за мелкие услуги спекулянты не платят полными ящиками при цене помидоров три рубля за килограмм. Впрочем, родители и не стали покрывать сына. Увидели Нину Васильевну и буквально в крик. Особенно мать: «Да забирайте его, ирода окаянного!..»

— Что же это такое, Николай Павлович, — с горечью рассказывала она. — За человека еще можно и нужно бороться... Но если от него отступаются самые близкие... Нет, я так больше не могу!

Нина Васильевна, конечно, разбудила бедного Павлика и пыталась вызвать на разговор. Но он на откровенность не пошел. И вид у него был ужасный, глаз подбит.

— Всей его компании вчера крепко досталось, — заметил Фомин. — Надо бы узнать, от кого. Есть сведения, что и у нас появились «фураги».

Нина Васильевна скорбно понурила голову.

— Ну, вот видите... Опять я виновата, недоглядела!

Рыжиков ей, конечно, ни на каких «фураг» не жаловался. Насчет ящика помидоров заявил, что это его честный заработок. А грибов и ягод он якобы никогда ни у кого не отбирал. Но из крика матери Нина Васильевна поняла, что Рыжиков врет — отбирал...

— Я стала говорить с ним о школе. Напрасный труд. Он заявил, что с учебой уже «завязал», хватит. Ему охота работать, но никто не берет.

Фомин недоверчиво хмыкнул: Ханя хочет работать? Что-то не верится.

— Нет, он в самом деле пытался, — сказала Нина Васильевна. — Пришел в продмаг: «Возьмите подсобником — это моя мечта». Но разве может быть у человека в юности такая мечта? Я ему объясняю: «Не хочешь учиться в школе, поступай в ПТУ». И знаете, как он на меня посмотрел?

— Знаю, — сочувственно произнес Фомин, — Рыжиков на тебя посмотрел свысока. И тем не менее ты продолжала его уговаривать. Никуда ты, Нина, из милиции не уйдешь. До пенсии прослужишь в инспекции по несовершеннолетним. У тебя все?

— Нет! У меня еще такое! Даже не знаю, с чего начать...

— Начни с начала, — посоветовал Фомин.

Она рассказывала сбивчиво, но мало-помалу ход событий начал проясняться.

Значит, занявшись по просьбе участкового Журавлева «Болотной крысой», Нина Васильевна с помощью своей картотеки коллекционеров установила, что машинка это ценная, в Путятине пока имелся лишь один экземпляр знаменитого английского вездехода и находился он у Максика Галкина.

У Максика, как удалось выяснить Нине Васильевне, была лучшая в городе коллекция автомобильчиков, собранная при помощи отца, зубного техника Галкина. Но в настоящий момент коллекции уже нет. Максик разорен. Вылетел в трубу. Полное банкротство, как в романе из жизни капиталистов. Крупная акула разинула пасть — хап! — нет Максика.

Акула в Путятине! Фомин иронически хмыкнул. Ну, ну... Обошлись бы отечественной зубастой щукой. Нине надо держаться подальше от Киселя. Ничему полезному она у него не научится. Только мудрить.

А история с коллекцией Максика Галкина — действительно безобразие. Какой-то барыга заполучил всю коллекцию в уплату долга.

— Откуда у Максика появился долг?

— Промахи при обмене. Максику льстило, что с ним на равных общаются ребята постарше. Верил в дружбу, хотел ее сохранить. А долг рос и рос...

Всю эту историю Нине Васильевне, конечно, рассказал не сам Максик. И не его отец. Нина Васильевна считала, что Галкин еще ничего не знает. Ниточку к старшему «другу» Максика ей дали разговоры с юными коллекционерами. Сложив вместе все недомолвки, она пришла к выводу, что есть в Путятине барыга, считающийся среди мальчишек крупнейшим знатоком и верховным судьей при разборе всех спорных ситуаций.

— Не просто «считающийся», — поправил Фомин. — Наверняка знаток!

Взрослые дяденьки, с которыми он водил дела в пору увлечения голубями, бывало, говорили про зобастых и трубастых так, что заслушаешься. Голубиную охоту любили до самозабвения и знали все ее тонкости. Но малых и глупых обирали без зазрения совести, могли всучить больного голубя, а то и чужого, приманенного.

Однако голубятник-барыга всегда на виду, птицу в сундук не упрячешь. Коллекционера, обдуривающего ребят, найти и уличить труднее. Тем более что обмен принято вести не на глазах у широкой публики, коллекционеры меняются один на один.

— Я еще не совсем уверена, — рассказывала Нина Васильевна. — Но факты упрямая вещь. Мне Владимир Александрович однажды приводил в пример выдающегося исследователя Арктики Визе. Изучая морские течения, Визе пришел к выводу, что в Карском море есть неизвестный науке остров. И даже точно указал, где остров находится. И потом этот остров нашли и назвали именем ученого... Вот и я таким же путем установила сначала, что есть какой-то барыга, обманувший Максика Галкина, а потом добралась до имени. И тогда...

— Кто же им оказался? — нетерпеливо перебил Фомин. Пример с арктическим островом показывал, как далеко зашло вредное влияние Киселя.

— Ой, Николай Павлович. — Нина Васильевна зажмурилась. — Вы не поверите...

— Ну! — потребовал Фомин.

— Я потому и пришла к вам за советом, — произнесла она почти шепотом.

«Ага, за дельным советом все-таки ко мне, а не к Киселю!»

— Я потому и пришла, — повторила Нина Васильевна, — что это... — Она шумно вздохнула: — Это Борис Шумилин. И я боюсь...

Фомину не надо было объяснять, чего она боится. Боря Шумилин — гордость школы. «Вы кладете пятно на всех учеников», — принято говорить в подобных случаях, добавляя скорбно: «И на весь педагогический коллектив».

«Значит, Борис Шумилин! «Полковник Шумилин»! «Бокс»... Тогда понятно, почему Максик позволял себя обманывать. Как же! С ним дружит сам Борис Шумилин...»

И тут память подбросила Фомину еще кое-какие факты. Летом в лагере труда и отдыха у Бориса был конфликт с ребятами из-за тех троих, что нанялись строить частный гараж. А с Эдиком Вязниковым он сначала подружился, но потом, как считает участковый Сироткин, они чего-то не поделили.

Еще одним достойным внимания фактом Фомин считал то, что он сам совершенно не удивился, когда Нина Васильевна назвала имя барыги, обобравшего Максика Галкина. Если честно, он даже ощутил что-то вроде злорадства. Чувство нехорошее, но в данном случае объяснимое: «Вот он, ваш Шумилин! А я, если помните, всегда относился к нему без симпатии. И оказывается, тут совершенно ни при чем неприязнь закоренелого троечника к отличникам и активистам. Просто я проницательнее многих. Кисель на моем месте припел бы еще и свою любимую интуицию, но я обойдусь...»

— Только без паники, — сказал он Нине Васильевне. — Спокойно...

В этой истории с автомобильчиками пока отсутствовало важное звено: каким образом «Болотная крыса» очутилась у Вани Репьева.

— Надо все досконально выяснить, — втолковывал Фомин Нине Васильевне. — Только тогда вызовешь самого Шумилина. А как его наказать, пусть решает комсомольская организация.

— Но ведь в школе он секретарь комитета...

— Ну и что?! — возмутился Фомин. — С него строже спрос! А в школе, кстати, осенью отчетно-выборное собрание.

Он видел по сосредоточенному лицу Нины Васильевны, что она и думать забыла о своем намерении подать заявление Петру Петровичу.

— С вами поговоришь — и гора с плеч, — услышал он на прощание.

— Доброе слово и кошке приятно! — Эти слова считались в путятинском управлении узаконенным служебным ответом на похвалу.

Зазвонил телефон. В трубке два взволнованных голоса. Вот нестати — Альбертовна и Даниловна.

— Коля! Мы себе и представить не могли, что у вас в городе творятся такие страшные вещи! — Они кричали, вырывая друг у дружки телефонную трубку. — Среди бела дня! — восклицала Альбертовна. — Двумя хулиганами! — возмущалась Даниловна. — Избит Боря Шумилин! — негодовала Альбертовна.

Нет, Боря Шумилин учительницам не жаловался. Они видели собственными глазами. Ведь Боря подыскал им квартиру как раз напротив своего дома.

Значит, Альбертовна, Даниловна и хозяйка сидели за столом и пили чай. Мимо окон прошли два парня, и хозяйка сказала, что это братья Голубцовы, артисты. Альбертовна и Даниловна, конечно, заинтересовались, какие братья у очаровательной и очень талантливой Анюты Голубцовой. Хозяйка объяснила, что один из них знаменитый плясун, другой играет на барабане.

Парни постучались в калитку Шумилиных и отошли к старой березе. Альбертовна и Даниловна получили возможность разглядеть братьев на близком расстоянии. Ничего общего с Анютой, какие-то серые ребята. Стоят и поплевывают. Ужасная привычка, верный признак низкой культуры.

Осудив таким образом братьев Голубцовых, Альбертовна и Даниловна утратили к ним интерес. И не видели, как Боря вышел из дома. Но испуганный возглас хозяйки заставил их кинуться к окну. Под старой березой двое били одного.

— Коля, если бы ты видел, какие зверские лица были у Голубцовых! Этого нельзя так оставить!

Следовало спросить Альбертовну и Даниловну, уверены ли они, что Боря жаждет вмешательства милиции. Но Фомин остерегся задавать какие-либо вопросы. Разговор долгий, а ведь наверняка сейчас кто-то не может дозвониться по этому телефону.

— Наша хозяйка видела вчера поздно вечером... — доносилось из трубки.

Фомина совершенно не интересовало, что видела вчера хозяйка. И он прибег к стандартному способу прекращения затянувшихся бесед с посетителями управления.

— Извините, меня вызывают к начальству. А с вашим делом мы разберемся.

В зверство братьев Голубцовых Фомин, ясное дело, не поверил. И никто в Путятине не поверит. Характеры их известны. А что касается беспрестанного поплевывания... Ну, может, где-то в других экзотических краях парни от волнения ломают руки или рвут на себе волосы. А в Путятине это не принято, в Путятине парни в таких случаях нервно поплевывают: мне, мол, все нипочем. Именно так и вели себя братья Голубцовы, вызвав Шумилина на улицу для серьезного разговора. И вызвали они его, конечно, потому, что, по мнению братьев, Шумилин имеет самое прямое отношение к происшествию с конвертом.

«Ценная информация для Киселя, — отметил с удовлетворением Фомин. — И выходит, мои первоначальные предположения куда верней, чем его варианты. Никакого шантажа нет и не было. Свои счета между ребятами, месть Анюте... — Фомин представил себе, как вытянется физиономия самозванного детектива. — Но где сейчас Кисель? Его и с собаками не сыщешь!»

Время тянулось медленно. О Грине все так же ничего существенного. Один житель Посада видел похожего пассажира утром на вокзале, старухи из Крутышки опознали по фотографии человека, встреченного у ворот кладбища. Нашлись пациентки знахаря Смирнова, припомнившие пожилого мужчину из очереди. Но все эти сведения относились к началу воскресного дня. Не удалось найти хоть кого-то, кто видел Гриню позднее.

Знахарь Смирнов вернулся с поминок домой и с тех пор никуда не выходил. Бригадир Маркин уехал автобусом в Нелюшку. Директор музея Киселев застрял в железнодорожном поселке или проследовал оттуда кружным путем, минуя станцию.

И от Рудика никаких вестей. И даже девчонки на телефонной станции понятия не имеют, где Веня Ророкин. «Всегда нам докладывается, а сегодня...» — Девчонки легкомысленно хихикали, намекая Фомину, что тут замешана любовь.

«Ни о чем другом думать не могут и не хотят! — возмущился Фомин. — Только про любовь».

И тут ни с того ни с сего ему подумалось, что именно

любовь — только вот чья и к кому? — и есть причина, приведшая братьев Голубцовых к дому Бориса Шумилина. Однако Альбертовна с Даниловной о такой причине даже не заикнулись. Им и в голову не пришло.

Но Фомин сразу же забыл о своем странном предположении, потому что на связь вышел Веня Ророкин.

— Николай Палыч, обнаружен скрывшийся из Нелюшки Вязников. Сейчас сошел с поезда. Настроение бодрое, рубашечка голубая, джинсы синие, куртка кожаная черная, кепка в клеточку. Едет в Нелюшку, уже в автобус сел. Мы едем тем же автобусом, но можем слезть раньше. Вам привет от Арика. Все!

XXII

Помидорный король вольготно развалился на сиденье, не проявляя никакого интереса к другим пассажирам. Казалось, он весь погружен в свои торговые соображения. Но, разумеется, это была игра. И в ней помидорный король допустил существенный промах. Для маскировки ему следовало перебраться несколькими словами с молодой соседкой, какими-нибудь пустячками про погоду-природу.

«Неуважение к девушкам из провинции не делает ему чести. Он считает, если на девушке парик по моде позапрошлого года, значит, с ней не о чем говорить, серость беспросветная, можно не опасаться, что эта дура сделает какие-либо критические наблюдения и выводы. Ну, ладно... Король будет наказан за неуважение к девушкам из провинции. И это сделаю я...»

Володя почувствовал даже что-то вроде жалости к помидорному королю. Бедный Арик Назаретян! Он и не подозревает, кто сейчас рядом с ним!

«Все дело в биополе,— размышлял Володя.— Оно есть у каждого живого существа, у каждого дерева, у каждой травинки. Но люди не всегда обладают даром воспринимать чужое биополе. И особенно такой невосприимчивостью страдают жители больших городов, где царит толчея. Но я вырос в провинции, мое собственное биополе не смято ежедневным многолюдьем, и я чутко слышу чужие биотоки. Например, сейчас я чувую, что

помидорный король чем-то встревожен. А утром во дворе знахаря я сидел рядом с бежавшим из колонии преступником и не ощущал излучаемой им тревоги. Что ж... Это естественно. Гриня поутру не был встревожен, двор знахаря представлялся ему абсолютно безопасным местом. Но потом его что-то испугало, и он поспешил скрыться. Да, тут все логично. Зато в ленивой полудремоте помидорного короля чувствуется фальшь. На самом деле он весь в напряжении, он настороже и за кем-то следит, чего-то ждет...»

Володя уже понял, что план поездки в Нелюшку придется пересмотреть.

Он намеревался поразмышлять в дороге над фактами, добытыми в беседе с юными каратистками. Поездка в Нелюшку занимает сорок минут, а Володя не любил терять время попусту. Ведь чем умнее человек, тем больше потеря от бесцельно потраченного времени. К тому же в дороге всегда думается по-особенному, взор все время обнаруживает что-то новое, и это способствует рождению новых идей. По Володиным наблюдениям, даже школьные задачки про путешествие из пункта А в пункт Б дают толчок воображению. Человек задумывается над тем, что любые две точки можно соединить дорогой, то есть между любыми двумя точками, даже диаметрально противоположными, возможна связь.

Володя собирался для начала наметить — не сплошной линией, а пунктиром — связь между тайником на Парковой и засадой на площади за оградой собора, между деяниями команды Веры Соловьевой и приключениями «Болотной крысы». Впрочем, он мог бы провести пунктирные линии и в других направлениях: от тайника на Парковой к борьбе против курильщиц, от «Болотной крысы» к засаде у ограды собора...

«Но теперь все это прочь из головы! Человек, занятый серьезными размышлениями, не видит и не слышит, что творится вокруг. А я обязан взять под наблюдение помидорного короля. Ничего не поделаешь — опять на моем пути встал случай. Везенье? Нет, я всегда был невезучим. Очевидно, дело в том, что людям вообще довольно часто встречается игра случая, но еще никто до меня не пытался возвести случайности в систему, создать оригинальный метод расследования, в основу которого поло-

жено случайное соприкосновение двух разных детективных сюжетов».

Разумеется, выкинуть из памяти что-то нежелательное — задача труднейшая. Когда-то в древности мудрецы придумали самую суровую, на их взгляд, кару для Герострата, поджегшего храм лишь ради того, чтобы прославиться. Всеми народу объявили, что Герострат должен быть предан забвению. И чем кончилось? Тем, что имя негодяя навеки вписалось в историю человечества. Уж лучше бы мудрецы применили к поджигателю обычную судебную меру — никто бы сейчас и не знал про Герострата...

Володя поймал себя на том, что непроизвольно оттягивает изгнание из памяти всего лишнего.

«Хватит философствовать! Приступаю к делу! Долой все мысли о бывшем пакгаузе, о самосвале на площади, о тайнике на Парковой, о бабушкиных драгоценностях, оказавшихся у Сашки Голубцова, о некоем Дубровском... — Подробно перечислив все запреты, Володя произнес про себя трижды: — А пока пускай этим займется подсознание!»

Он привык рассчитывать на свое подсознание и не сомневался, что оно, как всегда, не подведет — откуда-то из глубин вдруг вынырнет удивительное открытие.

А теперь — слежка!! В детективном кино обычно действуют молодые ловкие сыщики, идущие за преступником по пятам. Опытный зрительский взгляд мгновенно обнаруживает такого сыщика в самой густой толпе. И почему-то никому не приходит в голову, что женщина-сыщик обладает неоспоримыми преимуществами. Например, ей не надо торчать у витрины магазина, наблюдая, как в зеркало, что же происходит в кафе по другую сторону улицы. И ей не надо заслоняться развернутой газетой. У женщин есть всем известная привычка то и дело вытаскивать зеркальце, запас косметики и у всех на виду «делать лицо», что-то подкрашивать, подрисовывать, а меж тем преспокойно обозревать все, что происходит вокруг.

Володя так и поступил. Достал Танькину косметику, зеркало и прежде всего оглядел собственную физиономию. Н-да... работенки хватит! Губы подмазать, растушевать веки... Щеки, пожалуй, бледноваты...

Ему вспомнилось, с каким удовольствием разглядывала себя в зеркале Вера Соловьева. Представительницы прекрасного пола не стремятся изучать свою внешность объективно и самокритично. Впрочем, у Веры характер мужской, и, может быть, тогда в автобусе ее порадовало не собственное отражение, может быть, Вера увидела в зеркале что-то для нее приятное?

Володя подцепил на палец чуточку румян, осторожно мазнул по щеке. Кажется, нынешняя мода поместила румянец несколько выше природного, от скулы к уху... Он задумчиво склонил голову, слегка повернул зеркало и увидел в нем гримасу отвращения на немолодом женском лице. В Путятине старшее поколение все еще не примирилось с косметическими упражнениями на виду у всего честного народа. Кстати, у этой немолодой женщины губы все-таки подкрашены, но это сделано дома перед трюмо или уж если не дома, то где-то в укромном уголке. Что ж... Индейцы тоже не занимаются своим традиционным гримом на глазах всего племени. Вступая на тропу войны и раскрашивая по этому случаю свое лицо соответствующими узорами, индеец удаляется куда-то в сторонку.

Володя брезгливо растер румяна по скуле и нансок выше. «Теперь возьмемся за другую скулу. Помедленнее. Спешить-то некуда...»

Под колесами автобуса прогудел мост через Путь. Последняя городская остановка. Пассажиров заметно поубавилось, и салон теперь просматривался насквозь. Володя поймал в зеркале могучую фигуру Вени Ророкина и приободрился. Когда Венья рядом, чувствуешь себя спокойно. Но куда он едет? Хорошо бы, до самого конца маршрута.

Венья весело болтал с соседом в черной кожаной куртке и клетчатой кепке.

«Явно не сельский житель, — определил Володя. — И не путятинский. Откуда-то из других краев».

Сосед Вени снял кепку, провел рукой по волосам и снова надел. Володя успел заметить в темных волосах искры седины. А лицо молодое, свежее. Володя слышал от Таньки, что сочетание молодости с этакой волчьей сединой в шевелюре — самая сейчас мода.

«Есть профессии, от которых рано белеют головы. Правда, у Фомы до сих пор ни единого седого волоска,

но Фома тут не пример». — Володя нашел, что незнакомец вполне симпатичен и сидит рядом с Веней не случайно.

Володина симпатия окрепла, когда он почуял, что помидорный король тоже почему-то интересуется Веней и его приятелем.

Покончив с румянами, Володя взялся за покраску век в нежно-салатовый цвет. Вертась со своим зеркалом во все стороны, он несколько раз нечаянно задевал короля, но тот никак не реагировал. Володя умышленно пустил в ход локоть — увы, грубое кокетство провинциалки не имело успеха. Это подтвердило Володины догадки. Король в напряжении, чего-то ждет.

В зеркале возникали ничем не примечательные лица. Сельская глубинка. Мужчины с орденскими планками на воскресных пиджаках, женщины в пестрых платочках с золотой ниткой, молодая супружеская пара с ребенком... Володя задержал взгляд на печальном девичьем лице. В конце августа возвращаются по домам неудачники. Провалилась на экзаменах в институт, не посмела сообщить об этом родителям, врала, что все в порядке, пыталась где-то пристроиться, только бы не показываться на глаза родным и соседям. Но вот повеяло осенью и так захотелось домой, к теплу...

«Не робей, все перемелется!» — мысленно подбодрил Володя печальную девчонку.

Еще чуть-чуть повернул зеркало и... Нет, это невозможно! Почудилось! Плод буйной фантазии!

«Спокойно!» — сказал себе Володя, даже не заметив, что воспользовался любимым словом Фомы.

Теперь надо набрать на кисточку новую порцию салатовой краски, недрогнувшей рукой навести зеркало в том же направлении...

«Никаких сомнений! Это он!..»

Гриня выбрал себе место в автобусе с расчетом. С заднего сиденья просматривается весь салон. И до двери один шаг. Если бы Володя успел избавиться от женского парика, только бы там, позади, и сел. И оказался бы рядышком с Гриней!

«Но как Гриня попал в автобус? — продолжал размышлять Володя. — Сел на вокзальной площади, воспользовавшись многолюдством? Или где-то на Пушкинской, на Фабричной? И догадывается ли Гриня, что его

присутствие в Путятине обнаружено? Что его фотография есть у всех городских участковых?..»

Отражение Грини качнулось и пропало. Из зеркала на Володю глянули воспаленные глаза, провалившиеся в зеленую трясику. Щеки пылали румянцем — явно чахоточным. Ну и вид! Краше в гроб кладут...

Голос с восточным акцентом заставил его вздрогнуть.

— Вы уронили!.. — Помидорный король с иронической ухмылкой протягивал поднятую с пола помаду.

— Благодарю!.. — надменно процедил Володя.

Надо быть внимательней — особенно в мелочах. И взять себя в руки. Он не один против Грини и помидорного короля. В автобусе свои — Веня и симпатичный незнакомец. И можно рассчитывать на шофера, на пассажира...

Володя вновь принялся за косметику. И краем глаза скользил по карте, появившейся на коленях помидорного короля.

Обыкновенная географическая карта. Вернее, топографическая. Проселочные дороги, деревни, рощи, болота. Река петляет...

«Да это же Путя! Наш район!»

Король ловко сложил карту гармошкой. Так делают, когда нужно иметь под рукой какой-то определенный квадрат.

«Ага!.. Его интересуют те места, где сейчас катит автобус. Медвежий овраг и отрезок шоссе до Нелюшки...»

Карта изрядно потрепана. И кто-то нанес на нее заброшенные деревни. Тропинки указаны.

Карта явно принадлежала кому-то из местных. И служила не для прогулок — для работы. Кто ее прежний хозяин? Лесник? Как она очутилась у помидорного короля?

Володя мгновенно вычислил, какие события могут грянуть с минуты на минуту. Король готовится покинуть автобус. Его цель — взять припрятанное где-то в лесу золото и уйти потайными тропами в соседний район. Только так должен действовать опытный преступник. Он понимает — из Путятини ему не выбраться, ни поездом, ни на машине. Все пути под контролем.

А золото зарыто... У Володи мурашки побежали по спине. Золото — там, под одинокой сосной! И без посто-

ронней помощи преступнику не своротить лепешку из бетона. Это работенка для двоих. Но кто же второй?

Казалось бы, чего ломать голову? Второй едет в автобусе на заднем сиденье. Но Володина интуиция упорно сопротивлялась этому простейшему выводу.

«Если Гриня и помидорный король — сообщники, то все написанное на листке и упрятанное в музейный сейф не стоит выведенного яйца, а путятинский детектив В. А. Киселев — жалкий профан. Однако если Гриня и король не сообщники — это значит, что Веня и симпатичный незнакомец «ведут», выражаясь профессиональным языком, не обоих сразу, а кого-то одного из них — либо короля, либо Гриню. И я смогу узнать, кого именно «вели», только тогда, когда этот объект наблюдения покинет автобус и следом выскользнут под удобным предлогом Веня и незнакомец... А второй преступник спокойно покатит дальше! Вот что самое ужасное! Должен ли я принять меры к его задержанию? Или мне надо всего лишь проследить, куда он направляется?»

Володя понимал, что любое самовольное действие с его стороны может сорвать чей-то хорошо продуманный план. Надо срочно и секретно сообщить Вене о своем присутствии, получить точные указания. Но как это сделать в автобусе? Записку не пошлешь. Может, попытаться пересест с места на место? Пройти мимо Вени, развязно вскричать: «Приветик!», чмокнуть в щеку и шепнуть: «Я Киселев», а потом все необходимые слова предупреждения.

Медлить нельзя! Зеркало и косметика полетели в сумку. Володя грациозно приподнялся:

— Разрешите пройти...

Ладонь в золотых перстнях придавила его к сиденью.

— Не рыпайся! — прохрипел король.

Девичья гордость давала Володе право возмутиться и закричать. Устроить дикий скандал. Но Володя этим правом не воспользовался. Он позволил себе лишь тихую побуду дурежи провинциалки:

— Нахал!

И умолк. А что он еще мог сделать? Скандал, вспыхнувший в автобусе, только навредил бы планам Вени и незнакомца. Если они до сих пор не схватили Гриню или

короля, значит, есть серьезная причина. Например, им известно, что преступник вооружен. Не затевать же перестрелку в автобусе, рискуя жизнью пассажиров!

«Да, страшно подумать, что может натворить шальная пуля», — сказал себе Володя, глянув в сторону молодой пары с ребенком.

Малыш прыгал на коленях у отца, пускал пузыри и норовил стянуть с отцовской головы новехонькую фетровую шляпу. Володя машинально отметил про себя, что шляпу все-таки не следовало надевать к куртке из болоньи. Типичный провинциальный промах. Шляпу положено надевать к пальто, к плащу...

Впоследствии Володя сурово проанализировал, как могло случиться, что в самый критический миг он отвлекся на какую-то шляпу, позволил себе пижонский взгляд на незнакомца человека. Нравится шляпа — пусть носит! Его дело! Володя не искал оправдания своей оплошности. Важно было точно обозначить случившееся. И Володя нашел термин: «эффект сбежавшего молака».

Ведь как это происходит? Человек ставит на огонь кастрюльку с молоком и дает себе слово на этот раз не прозевать. Всего-то и надо следить, не спуская глаз.

Человек начеку. Вот образовалась белая пенка, вот побежали морщины... А молоко все никак не закипает. Человек позволяет себе на миг отвернуться, переступить с ноги на ногу. И все! Раздается змеиное шипение, в нос бьет классический запах сбежавшего молока. Опять прозевал!..

...Так и Володя со слежкой за преступником. Отвернулся всего лишь на миг, а Гриня уже нет!.. Володе досталось увидеть только Веню, выпрыгивающего на ходу из автобуса. И тут мощная рука помидорного короля цапнула Володю за шиворот, бросила на сиденье. Удар затылком о железный поручень, визг тормозов, страшный толчок... Володя оказался на полу, над ним пронеслись чьи-то ноги, он опомнился и вскочил.

Автобус стоял поперек шоссе. Гриня и Ророкин куда-то исчезли. Помидорный король мелькнул и пропал в густом ельнике. А кто это кинулся за ним в погоню? Молодой папа. Но тут раздался женский крик, откуда-то

брякнулась в траву пара резиновых сапог. Молодой папа проворно сбросил полуботинки, надел сапоги и скрылся в лесу.

Володя почувствовал себя жалким растяпой. Все предвидел, но в нужную минуту растерялся.

— Ушиблись? — спросила молодая мама, она возвращалась на место с парой полуботинок в одной руке и новехонькой шляпой в другой.

Вот у кого оказалась самая быстрая реакция. Где лежали сапоги? Вряд ли близко и на виду. Но успела вытащить, окликнуть, бросить. Конечно, молодой папа потерял несколько секунд, чтобы переобуться. Но в сапогах-то лучше преследовать Гриню. Да и полуботинки жалко...

Володя окончательно пришел в себя. «Я-то чего медлю?» В памяти отчетливо всплыли слова, прозвучавшие над ним в тот миг, когда он ударился затылком о поручень: «Гони к телефону, сообщи Фомину!»

Помидорный король с самого начала знал, кто сидит рядом с ним. Впрочем, никакой он не король! Теперь-то ясно.

Володя машинально оправил парик и шагнул к кабине шофера.

— Почему стоим? Поехали!

Шофер обернулся и смерил презрительным взглядом: «Подумаешь, фифа какая! Раскомандовалась!»

— Гони! — рывкнул Володя и сорвал с головы проклятый парик.

У шофера отвисла челюсть. Он узнал знаменитого детектива!

— Гони в Нелюшку! — приказал Володя. — Надо срочно связаться по телефону! Гони без остановок, пассажиров развезешь на обратном пути.

Теперь надо успокоить пассажиров.

— Товарищи, не волнуйтесь... — Володя обвел глазами салон и чуть не поперхнулся от удивления.

Незнакомец в черной кожаной куртке! Володя о нем и забыл. А тот как ни в чем не бывало сидит на своем месте. Кто же он? Почему не принял участия в погоне?

Володя ждал от незнакомца какого-нибудь знака. Но встретил безмятежный взгляд. Ни испуга, ни любопытства. Словно незнакомец не имеет никакого отноше-

ния ко всему, что сейчас произошло. А глаза темные, цвета зрелой сливы.

Память тотчас подсказала Володе, какие черты характера соответствуют темным глазам по классификации английских психологов. Упорство и выносливость — прежде всего. А при столкновении с трудностями запальчивость и в то же время способность принимать быстрые и точные для данного момента решения.

Володя хладнокровно продолжал объяснять пассажирам: не волнуйтесь, обстоятельства вынуждают ехать без остановок. Про себя он уже твердо решил не отходить от кабины шофера. Всю дорогу!.. Мало ли что... Незнакомец никакой запальчивости не проявил. Это навело на мысль, что верх взяла способность принимать быстрые и точные решения. Но какие именно? Вот загадка!..

XXIII

Автобус мчался по шоссе с бешеной скоростью. Встречные машины шарахались в сторону, народ на остановках каменел от удивления...

«Гриня, может быть, уже задержан, — размышлял Володя. — Его ведут к шоссе. Конечно, они могут остановить какую-то машину, но, скорее всего, предпочтут дожидаться той, которую вышлет Фома. Кстати, надо сказать ему, чтобы не забыл прикомандировать проводника с Джульбарсом. На случай, если погоня продолжается. Мой звонок, безусловно, обрадует Фому. Как же!.. Гриня обнаружен... Но когда Гриня заговорит, Фома будет поражен...»

За окнами автобуса промелькнула поляна с одинокой сосной. Незнакомец в кожаной куртке сидел спокойно. Другие пассажиры не внушали никакого подозрения. Все местные, из глубинки. Девчонка послешкольного возраста тоже еще не сошла. Она засмеялась и показала Володе рукой: утритесь!

Танькина косметика! Володя ужаснулся. На его лице все еще пылает чахоточный румянец. И всем видна салатовая раскраска вокруг глаз. Непростительный промах для опытного сыщика! Надо было сразу стереть эту мазню. А теперь даже неловко.

На выручку пришла молодая мама.

— Ай-я-яй! — запричитала она. — Дядя милиционер запачкался! А мы дадим дяде милиционеру полотенчи- ко!

На белейшем детском полотенчике четко отпеча- талась сброшенная Володей маска. Пассажиры с востор- гом следили за каждым движением «дяди милиционера». Такого фокуса они еще не видели ни в каком детектив- ном кино. Куда там Штирлицу до наших, до путятин- ских!..

Незнакомец в кожаной куртке по-приятельски подми- гнул Володе и отвернулся к окну. Кто же он такой?

«Все прояснится в Нелюшке, — сказал себе Во- лодя. — Часть пассажиров едет туда и, значит, сойдет с автобуса. А часть покатит обратно, по своим остановкам. Но я этого не увижу. Я первым выскочу из автобуса и кинусь звонить по телефону. Конечно, я могу попросить шофера тотчас захлопнуть дверцы и никого не выпу- скать. Но это будет уже явным превышением власти... И хватит с меня промашки с так называемым помидор- ным королем. Кажется, наш тихий Путятин сейчас наводнен переодетыми «дядями милиционерами»... Нет уж... Пусть незнакомец в кожаной куртке следует своей дорогой...»

В Нелюшке шофер, не замедляя хода, промчался мимо автобусной остановки к центру села. Издали Володя увидел на дверях сельсовета замок. А правление колхоза? Отперто!

Володя растерялся в полутьме коридора, но тут до него донесся крик: «Але! Ничего не слышу!» — точно ука- зывающий, где находится телефон.

Этот крик огорчил бы любого, кто никогда не имел дела с районными телефонами: ничего не слышно — зна- чит, связи нет. Но для Володи крик прозвучал как радостное известие: телефон все-таки работает. Ведь мог вообще намертво отключиться, даже не поорешь — без- надежно. А что касается плохой слышимости, то совер- шенно напрасно в таких ситуациях вся российская глу- бинка надсаживает глотку. Единственный и самый надежный способ — говорить тонким голосом, медленно и раздельно.

Так он и поступил, бесцеремонно завладев телефо- ном.

— Фомин? Это я — Киселев. Не узнаешь? Я звоню по

поручению Арика. Ты меня понял? Я не пишу! Я говорю высоким голосом, чтобы ты лучше меня слышал! — Володе пришлось несколько раз повторить про Арика, помидорного короля, пока до Фомы дошло. И потом с таким же ангельским терпением, доведя голос до дис- канта, он сообщил про Гриню и про прыжок из автобуса Вени Ророкина.

— Могу — сейчас — вернуться — показать — ме- сто... — Володя чувствовал, что теперь каждое его слово доходит.

За окном пассажиры выгружались из автобуса, брели в разные стороны — эти уже дома. Возле шофера собра- лись любопытные, он их просвещал, отчаянно жестикули- руя.

— Тут женщина с ребенком, — торопился сообщить Володя. — Ее муж бросился на помощь... Повторяю — женщина с ребенком. Сапоги ему бросила. Какие? Не женские, конечно. Его собственные сапоги. Да, Фомин, не забудь! Понадобится розыскная собака...

Сквозь писк и треск Володя улавливал невнят- ные вопросы Фомы и какие-то разговоры, происхо- дившие то ли в управлении, то ли посторонние, на линии.

— Джульбарс нужен, — терпеливо повторял Воло- дя. — А женщину с ребенком, я распоряжусь, довезут до дома.

За окном незнакомец в кожаной куртке не спеша брел по улице. Спортивная сумка на ремешке через плечо показалась Володе увесистой. Незнакомец вдруг круто повернул и скрылся в проулке.

Писк и треск в трубке утихли, и Володя услышал веселый голос Фомы:

— Толковая работа, Кисель. Ты пока не уходи. Понял? Побудь у телефона, вдруг понадобишься.

... Спустя час начальник управления самолично выра- зил Володе горячую благодарность. Слышимость к тому времени стала отличной — это значило, что могуществу милиции подвластна и техника.

— Вы проявили отвагу и находчивость, — отечески вещал Петр Петрович, совершенно не напрягая голос. — Вы, Владимир Александрович, сегодня показали, что у нас в Путятине растут ряды надежных общественных помощников... — Из этих слов Володя сделал вывод, что

про переодевание начальству пока не доложено.— Желая вам хорошо отдохнуть и набраться сил для нового трудового дня,— рокотала трубка.— Сердечный привет и самые добрые пожелания семье...

«Ну вот и все,— сказал себе Володя, кладя трубку.— Гриня задержан и, надо полагать, уже доказывает свою полную непричастность к ограблению универмага. Однако любопытно, удалось ли Грине установить, кто его опередил. Услышав во дворе знахаря про кражу путятинского золотого запаса, Гриня, разумеется, первым делом заподозрил своего сообщника из местных: не дождался, провернул выгодное дельце самостоятельно. Логичное предположение. Но подтвердилось ли оно? Гриня не скажет. Он предпочтет помалкивать, даже если уже знает, что универмаг обчистил не его сообщник (или сообщники), что аналогичный план был составлен неким другим лицом...»

Автобус давно укатил. Нелюшка не расходилась, ждала вестей. Не очень-то приятно знать, что неподалеку в лесу идет погоня за бандитом. А если ему удастся уйти? Нелюшка приготовилась эту ночь не спать, владельцы охотничьих ружей сговорились дежурить по очереди.

— Операция завершена! — торжественно объявил Володя с крыльца.— Преступник обезврежен.

Его обступили со всех сторон, похлопывали по плечу, рука заняла от крепчайших рукопожатий. Под шумок возникла идея отметить по-мужски счастливое избавление от бандита. Володя идею отклонил. И тут сквозь мужские голоса пробился мальчишеский.

— Наш участковый пропал! — радостно возвестил юный житель Нелюшки.

Володя увидел физиономию, не внушающую доверия.

— Что значит — пропал?

— То и значит! Пропал!

— Да вы его не слушайте! — посоветовали Володе.

Выяснилось, что Сироткин с утра сидел у себя в дежурке, о чем свидетельствовал стоявший возле дежурки желто-голубой мотоцикл, потом Сироткин поехал в город и до сих пор не вернулся, потому что желто-голубого мотоцикла не видать ни возле дежурки, ни возле ворот Сироткиных. Примета верная. Сироткин

аккуратист, нигде в другом месте своего желто-голубого не бросает.

Мальчишка замахал руками и закричал:

— Ага! Не бросает? Бросил! Хотите, покажу?

Мотоцикл Сироткина стоял в кустах неподалеку от строящегося комплекса.

Участкового нашли лежащего ничком под лесами. Его жизнь спас шлем. Вмятина размером с кулак свидетельствовала, что удар был нанесен чем-то тяжелым. Рядом валялся обломок бетона. Володя разглядел на шлеме следы голубой краски — той же, что и на шлеме.

Сироткина унесли в медпункт. Володя пометил на земле положение тела и распорядился насчет самой строгой охраны места происшествия.

Сразу же выяснилось, что сегодня шабашники работали только до обеда, потом пошли в баню. В колхозной бане, как сообщили очевидцы, бригада была в неполном составе, отсутствовали Маркин и Вязников.

Володю подмывало немедленно, по горячим следам, навеститься к шабашникам, но он сурово призвал себя к порядку. Поговорить с очнувшимся Сироткиным — это другое дело, Володя мог себе позволить. Однако фельдшерица заявила, что при черепно-мозговых травмах необходим полный покой, и выставила Володю из медпункта.

Быстро темнело, и осмотр места происшествия совершался при свете автомобильных фар. Недавний Володин сосед по автобусу теперь назывался просто Рудиком, а если официально — капитан милиции Куртикан. Он полностью одобрил все Володиные предварительные распоряжения.

С Рудиком приехал Фомин и еще человек пять. Делали фотоснимки, искали отпечатки пальцев, следы на земле — все как положено.

Фомин отвел Володю на минутку в сторону.

— Звонил твой Васька. Беспокоится, куда девался Владимир Алексаныч. Я ему доложил, что у тебя все в порядке... Да, кстати, есть информация для размышления. Братья Голубцовы свели какие-то свои счета с Борисом Шумилиным.

Володю растрогало Васькино беспокойство. «Парень

о чем-то догадывается и даже решился позвонить Фоме. Если бы не сообщение, что все в порядке, Васька, глядишь, потребовал бы поисков...»

Информацию про братьев Анюты Володя мысленно приложил к своему плану разоблачения шантажиста или шантажистов. «Ничего... Подходит».

Он не хотел вертеться под ногами у следственной бригады, отошел в сторонку. После осмотра места происшествия следственная бригада поедет в Нелюшку к шабашникам, и он отправится вместе с ними — не оставаться же тут, на дороге.

У въезда в Нелюшку милицейская машина встретила со «скорой помощью». Фомину передали документы, лежавшие в кармане Сироткина. Участковый все еще не пришел в сознание. Поехали дальше. До Володи долетели обрывки разговора Рудика с Фоминым. Оказывается, Сироткин сумел раздобыть любопытнейшие сведения про Маркина и Вязникова.

На слабо освещенной улице кучками стояли встревоженные люди. Нелюшка все еще не могла успокоиться. Машина остановилась у дома, где квартировали шабашники. Фомин скользнул в калитку и вскоре вернулся с сообщением, что летняя будка пуста, но вещи на месте.

Слышно было, что в доме кто-то поет под гитару, но, возможно, шабашники слушали магнитофон. В Нелюшке милиционера чуть не убили, суматоха, все вверх дном, а они до сих пор ничего не знают, не слышали. Или притворяются?

— Ладно, пошли,— сказал Рудик.

Володя вошел последним.

Шабашники восседали за столом, уставленным изысканными яствами, каких Нелюшка отродясь не производила, а также и не ввозила из других краев в обмен на свою сельскохозяйственную продукцию. И во главе стола Володя увидел...

«Свой среди чужих? — спросил он себя язвительно. — Переодетый «дядя милиционер»? Приятель Вени Ророкина? Черта с два! Ты, Киселев, провинциальный лопух!»

— Извините, но мы немного испортим ваше застолье,— озабоченно говорил Рудик.— Совершенно преступление...

Володя наблюдал за лицами шабашников. Удивление. Огорчение. Досада. Сочувствие. Сироткина они знали — парня, конечно, жалко. Но при чем тут их бригада? Нет, они понятия не имеют, почему Сироткин подъехал на мотоцикле к строящемуся комплексу, где в то время никого из бригады не было.

Глаза цвета зрелой сливы лишь на секунду остановились на Володе и скользнули дальше. Никто еще не называл фамилию этого человека, но Володя ее уже знал. Моментальное сопоставление фактов. Известно, что днем отсутствовали двое — Маркин и Вязников. Маркина и сейчас нет за столом. Значит, тот, кто приехал автобусом во второй половине дня,— Вязников.

«Присоединился ли он к бригаде сразу же по приезде? Если нет, то у Вязникова было время куда-то сходить, например, на комплекс. Он мог отправиться туда и не имея преступного замысла. Допустим, Вязников вернулся из поездки, увидел, что на квартире никого нет, пошел искать. Куда любой пошел бы прежде всего? На стройку. А там... Там могло произойти что-то неожиданное.

При расследовании преступлений счет нередко идет на минуты,— напомнил себе Володя.— В данной ситуации надо учитывать интервал минут десять — пятнадцать. Некто, мне неизвестный, ожидал прибытия Вязникова. Время указано в расписании. Но автобус мчал без остановок и прибыл раньше расписания».

Володя поймал себя на том, что его пальцы нервно крутят пуговицу на куртке. Верный признак наивысшего напряжения всех душевных сил. Ему надо сейчас все видеть, слышать и запоминать. Каждая мелочь может иметь колоссальное значение. И наблюдать надо не только за шабашниками. За Рудиком еще внимательней. Тут есть чему поучиться провинциальному детективу, имевшему до сих пор перед собой в качестве примера только методы работы путятинской милиции. У Рудика методы иного уровня. И конечно, опытный оперативник, прожив в Путятине несколько дней под видом помидорного короля, в кое-какие тайны проник. Но уважение не помеха соперничеству. К тому же провинциальный детектив, впервые представший перед Рудиком в дурацком парике, обязан себя реабилитировать...

— Что же вы без бригадира пируете? — спрашивал Рудик вполне благодушно.

Он обращался ко всем, но шабашники только посмеивались и поглядывали на Вязникова: вот кто объяснит.

Вязников ухмыльнулся.

— Бывает и на старуху проруха. Маркин, когда узнает, будет визжать и плакать. Такая жратва! — Он покачал головой и поцокал языком. — Только не подумайте, что я так легкомысленно потратил свои деньги, заработанные тяжелым трудом... — Шабашники краткими репликами подтвердили, что Вязников и купеческий разгул — понятия несовместимые. — Все это... — Вязников картинно повел рукой над столом, — дар судьбы, отблеск чужого счастья...

Володя видел, что Рудика дразнят, выводят из терпения. Не выйдет! Рудик слушает всю эту болтовню как истинный кавказец, ценитель застольного красноречия.

— Так вот, — продолжал Вязников. — Даже на самой скромной свадьбе столы ломятся от угощений. Икорка, балычок, салат из крабов, заливное... Впрочем, что это я, как футбольный комментатор, описываю то, что вы видите собственными глазами...

Фома бы не выдержал и вспылil, но Рудик держался великолепно.

— Всегда бывает обидно оставлять в ресторане нетронутые блюда. — Вязников сник и поувял. — Я и прихватил. Разумеется, с разрешения молодых и их предков. Все даже рады были, — закончил он скороговоркой. — Самим-то уносить неловко.

— Да уж... — В голосе Рудика явно слышалось осуждение. — Уносить неловко. Но это ваше личное дело. Однако вы мне не ответили на вопрос. Я же не столом интересовался. Где ваш бригадир?

Он обращался к Вязникову, словно бы тот должен знать больше других.

— Понятия не имею, — заюлил Вязников. — Меня тут не было несколько дней. Откуда мне знать!

Володя отметил про себя, с каким изяществом Рудик поставил Вязникова на место и заставил чуть ли не оправдываться, причем использовал для этого самый простой вопрос: где Маркин? Кстати, интересно бы знать, рассказал ли Вязников шабашникам обо всем,

чему невольно стал свидетелем в автобусе? Наверняка успел рассказать! Все-таки очень любопытный эпизод: внезапное бегство какого-то хмыря и погоня. А если Вязникову случалось видеть на рынке помидорного короля, значит, он понял, какой деятельностью был занят в Путятине смуглый красавец. Однако Вязников вряд ли обратил внимание на одно странное несоответствие. Оперативник, живущий под чужим именем, вдруг полностью раскрывает себя, приняв участие в погоне, а затем явившись сюда.

«Да, тут что-то не так, — отметил про себя Володя. — Даже я не сразу проанализировал существенное противоречие. Рудик сам бы не раскрылся. Его вынудила к этому излишняя горячность Вени Ророкина...»

Работа мысли происходила как бы сама по себе, не мешая Володе вести пристальное наблюдение за происходящим.

Шабашники отвечали на вопрос о Маркине равнодушно.

— Не знаю.

— Не видел со вчерашнего дня.

— Он нам не докладывается.

Самая длинная фраза прозвучала так:

— Иногда он раскатывает на самосвале, но сейчас что-то случилось с мотором.

Эта фраза встревожила Вязникова. Он спросил с раздражением, кто и когда угробил мотор. Оказалось, поломка произошла в пятницу, виноват Маркин.

Володя мог бы добавить к этой информации, что в субботу бригадир приглашал в Нелюшку путятинского частного мастера автосервиса, но всем известный дядя Вася с ремонтом, значит, не справился.

«Если Фома хоть что-то соображает, он тоже должен вспомнить сейчас нашу встречу с дядей Васей, — подумал Володя и мысленно воззвал к Фоме. — Ну, пораскинь мозгами! Ты же можешь вставить свой вопрос, а я нет!...»

Фома словно услышал его мольбу и задал нужный вопрос:

— Не говорил ли Маркин, что ему надо поехать за запчастями?

В ответ прозвучала все та же песня: не знаем, он нам не докладывается. Такое дружное отмежевание порядоч-

ных людей от весьма сомнительной личности выглядело — на Володин взгляд — довольно подозрительно. Рудик не мешало бы расспросить их об истории возникновения этой странной бригады шабашников, но, увы, ни одного вопроса, проясняющего щекотливую тему, Володя не услышал. Неужели Рудик уже имеет все необходимые сведения? Если это так, значит, он занимается Маркиным с момента своего появления в Путятине.

По делу о посягательстве на участкового Сироткина у шабашников имелось чистейшее коллективное алиби, они весь день провели вместе, утром работали, потом пошли в баню, где их видели местные жители. Только у Вязникова не было никакого алиби. Но Рудик его не спросил, кто может подтвердить, что Вязников, прибыв в Нелюшку на десять — пятнадцать минут раньше расписания, прямоком пошел домой и никуда из дома не отлучался до встречи с вернувшейся из бани бригадой.

Рудик почему-то дотошно выпрашивал, какие работы велись сегодня в первой половине дня на стройке комплекса и кто уходил последним. И зачем-то ему понадобилось зарисовать в блокноте бетонную коробку комплекса и пометить крестиками, где находился каждый и что конкретно делал.

У Володи теплилась надежда на эффектный финал беседы с шабашниками. «А вас прошу поехать с нами!» — говорит Рудик Вязникову.

Нет, Вязников остался пировать с приятелями и получил возможность организовать надежнейшее алиби.

На улице к Фомину подошел изобретатель Чернов с коробкой из-под болгарских консервов, перетянутой шпагатом.

— У Сироткина и врагов-то не было. Никаких, — печально сообщил изобретатель. — Кроме меня! Другой бы непременно крикнул: «Вертай, Сироткин! Там никого нет!» А я еще посмеялся — пускай чужак прокатится. Он один ехал на своем мотоцикле. А я на «Сироткине», то есть, извините, на мини-тракторе собственной конструкции. Сено вез — у меня покос в той стороне, за комплексом. Он меня издали увидел и проехал отворотясь. Больше я по дороге никого не встретил. Вот и все, что имею заявить милиции.

Коробка в руках Чернова, перевязанная шпагатом, означала, что изобретатель приготовился дать и еще какую-то полезную информацию. В коробке лежали «голоса жизни», записанные для далеких потомков. Володя заметил, что Фомин косится на этот кладезь с большой опаской. А Рудик и не догадывается, что перед ним — создатель всезнающего «Фантомаса».

Рудика интересовало только одно: время встречи Чернова и Сироткина на дороге, ведущей к комплексу. Изобретатель заявил, что у него не было причин засеять этот момент точно по часам, но вычислить он может. Помолчал, пошевелил губами и выложил свои расчеты.

Получилось, что Сироткин встретился с изобретателем уже после прибытия автобуса в Нелюшку. А из Путятина, как сообщил Рудик Фомин, Сироткин выехал раньше, чем автобус отправился с вокзальной площади. Значит, участковый по пути куда-то заезжал.

Чернова больше ни о чем не спрашивали, и Володя решил:

— Переночевать у тебя можно? Только мне в музей завтра к восьми.

Изобретатель замялся:

— Если Николай Павлович отпустит... — Чернов многозначительно помахал картонной коробкой.

— Спасибо, Валера, ты нам очень помог. — Ответ Фомина содержал очень ясное и четкое пожелание: уйди ты от греха подальше со своими «голосами жизни»...

— Вас понял, — флегматично произнес изобретатель. — Айдайте, Владимир Александрович! Утром я вас сам отвезу. На своей амфибии!

— Минуточку! — окликнул Володю Фомин. — Тебе что-нибудь говорит фамилия Юрков?

— Представь себе, говорит! — Володя иронически улыбнулся. — Надо знать историю родного города, дорогой Фома. Юркову принадлежал печально известный трактор «Эльдорадо». А тебе он зачем понадобился?

— Да так... — уклончиво ответил Фомин. — Был небольшой спор...

Вышагивая рядом с изобретателем, Володя вдруг вспомнил про Дубровского. Без каких бы то ни было причин загадочное имя само вынырнуло из глубин подсознания.

«Дубровский» — кличка Веры Соловьевой. Как я сразу не расшифровал! Даже смешно. Ей бы больше подошел «Соловей-разбойник» или «Кудеяр-атаман», но, увы, в школе скверно преподают древнерусскую литературу, а «Дубровский» есть в программе».

Володины мысли вернулись к нападению на участкового Сироткина. «Факт колоссального значения! До сих пор преступники не давали о себе знать. Можно было подумать, что они давно исчезли из Путятина вместе с золотом. Но нет! Они здесь!.. Притаились и наблюдают за действиями милиции. Чем же им помешал Сироткин? Для ответа на этот вопрос надо знать, почему Сироткин решил навестить стройку. Например, он получил какие-то сведения, преступники забеспокоились и заманили участкового в безлюдное место. Но он мог заехать на стройку просто так и застать кого-то врасплох. Одно лишь ясно — для нападения на сотрудника милиции у преступников или преступника должна быть серьезная причина. Опытный Рудик сейчас тоже об этом думает. И есть еще один существенный вопрос: а что, если Гриня до чего-то докопался и именно поэтому поехал автобусом в Нелюшку?..»

Володя понимал, что после сегодняшних бурных событий может наступить затишье. Но это будет затишье на вулкане...

— Ну вот и пришли! — сказал изобретатель. — Я вам сейчас такую прокручу запись...

XXIV

Володя напряженно вглядывался в белую мглу. Ничего не видно. Только асфальт впереди метра на три. Но Валерий Чернов вел свою амфибию спокойно и уверенно.

— У меня из кабины обзор шире, чем из «Жигулей» Чистое удовольствие. Жаль, вы сейчас не можете почувствовать.

«Без широты обзора я уж как-нибудь обойдусь, — думал Володя. — Не прозевать бы в тумане поляну с одинокой сосной».

Тревога оказалась напрасной. Валерий уверенно свернул с асфальта, амфибия сползла в кювет, выбралась наверх и запрыгала по кочкам.

— Приехали! — объявил Валерий.

Володя впервые видел вблизи одинокую сосну и загадочный серый бугорок, оказавшийся довольно корявым сгустком бетона.

«Я бы не удивился, — сказал он самому себе, — если бы мне удалось сейчас обнаружить, что кто-то пытался прорыться под серый бугорок».

Но трава вокруг стояла нетронутая — никаких следов подкопа.

«Впрочем, так и должно быть — здесь помысел, а золото схоронено в другом месте».

Валерий со злостью пнул бетон каблуком.

— Они у меня попляшут! Всей бригадой будут убирать!

Туман стал рассеиваться, и Путятин открылся во всем блеске — красные и зеленые крыши, осенний пламень садов, купола монастыря... У Володи замерло сердце.

— Давай остановимся на минутку.

Ровно через минуту Валерий повел амфибию дальше.

— Ну, что? Отличный обзор! Убедились?

— Лучше не бывает! — признал Володя.

Не доезжая до моста через Путь, амфибия свернула к белевшим сквозь сосны корпусам больницы. Главный врач Галина Ивановна завтракала у себя в кабинете — так бывало, когда она проводила всю ночь в больнице.

— Тебе-то какое дело до Сироткина?

Володя стойко выдержал ее пронизательный взгляд.

— Вся Нелюшка о нем тревожится и шлет гостинцы. — Володя подвел Галину Ивановну к окну и указал на амфибию, стоящую у подъезда. Валерий с помощью санитарки извлек из багажника банки и пакеты. — Для одного Сироткина многовато, — заметил Володя, — но как откажешь, если несут и несут от доброго сердца. Ничего... При скудности больничных средств любое даяние благо. Сироткин поделится.

— А кто тебя привез? — строго осведомилась Галина Ивановна, полностью игнорируя выпад против больничного питания.

— Замечательный человек, изобретатель-самоучка.

— Чернов? — В ее голосе Володя уловил какую-то особую интонацию.

— Он самый.— Володе удалось принять безмятежный вид.— А что? Сироткин про него спрашивал?

Галина Ивановна засмеялась. И смеялась довольно долго.

— Ох, Киселев, Киселев... Значит, ты опять в роли Шерлока Холмса? Я так и подумала, когда ты вошел.

Сведения о Сироткине оказались не очень утешительными. Он пришел в сознание, но не помнит обстоятельств, предшествовавших травме, не помнит, как ему нанесли удар. Типичная ретроградная амнезия. Однако полчаса назад больной вдруг спросил слабым голосом, жив ли Чернов. Разумеется, его успокоили: жив.

Всю эту информацию Володя слово в слово передал Валерию.

— Спросил про меня! Ну, Сироткин! — Валерий растрогался.— Я его главный враг, а он за меня беспокоится...

Из больницы амфибия взяла курс на музей. В этот ранний час тут обычно трудились уборщицы, но сегодня понедельник, музей закрыт. Володе пришлось повозиться, отпирая своим ключом парадную дверь. Затем он отомкнул дверь, ведущую во двор, и они поднялись по наружной лестнице в директорский кабинет. Валерий бережно нес картонную коробку с «голосами жизни».

— Куда поставить?

— В самое надежное место!

Перекладывая кассеты в старинный сейф, Володя искоса поглядывал на запечатанный конверт. Похвастаться перед Валерием своей блистательной догадкой насчет Грини? Нет, еще не время!

Володя хотел распрощаться с Валерием на Фабричной. К себе в Посад можно добраться пешком, а Валерию надо спешить в Нелюшку — народ ждет вестей о Сироткине.

Но изобретатель и слушать не стал — домчал до дома.

...Васька спал на диване одетый и даже подушку не достал из постельного ящика — приплюснулся щекой к валику. На столе белела раскрытая тетрадка. Володя наклонился и прочел: «Как я провел день».

С чего бы Васька взялся писать сочинение на вольную

тему? Володя пробежал взглядом первые строчки: «Банка сибя акупила». Ну и грамотей! Надо с ним позаниматься всерьез. Но что это за банка и что значит «акупила»?

Володя стал читать дальше и увлекся. Ну и Васька! Ну и сочинитель! Конечно, за грамотность ему полагается двойка, но за содержание — пятерка с плюсом. Он сумел рассказать о своих похождениях живо и выразительно. Не зря Лев Толстой очень высоко ставил бесхитростные сочинения деревенских школьников. Васькин стиль тоже еще не испорчен штампами, характерными для школьных сочинений. А банка клубничного варенья действительно себя окупила. За чаем с вареньем братья Голубцовы рассказали, кто провожал Анюту вечером после дискотеки. Бокс! Борис Шумилин.

«Вот почему они ему накостыляли. Но Голубцовы ошибаются — к пакету с деньгами Бокс не имеет никакого отношения. Не он подкинул знахарю записку с черепом и костями. И не он подкинул записку Анюте. Это сделали другие. И они назначили знахарю субботу потому, что записку Анюте удобнее всего подсунуть в субботу в дискотеке...»

Володя с удовольствием вспомнил возникшее у него сразу предположение, что в выборе дня есть ключ к разгадке.

Но что привело Джеку в Париж, в покинутый хозяевами дом? Васька задал себе этот вопрос и не нашел ответа. Зато он так ярко нарисовал все, что там произошло!.. Значит, громадный тяжеленный шкаф отзывался на удары колокольным звоном. И задняя стенка шкафа — не из фанеры, как у нынешней мебели. Примечательная подробность! Выдержанное старое дерево — прекрасный материал для изготовления струнных инструментов. Скрипичные мастера охотятся за старыми досками... Почему бы не заняться этим и гитарным мастерам?..

«Что ж... С Джекой все ясно!» — сказал себе Володя, переворачивая последнюю страницу Васькиного сочинения.

И тут ему бросилось в глаза такое... Володя обомлел. Для непосвященного — всего лишь несколько слов из совершенно пустого разговора. Но для того, кому уже многое известно, драгоценнейшее звено, замкнувшее во-

едино долгую цепь фактов, догадок, предположений, логических выводов.

— Шах помидорному королю! — воскликнул Володя и услышал за спиной шорох.

Васька проснулся и поглядывал, очень довольный успехом своего сочинения.

Если человек заслуживает похвалы — ее следует давать немедленно, не откладывая на потом. И уж тем более нельзя откладывать, если речь идет о талантливом сочинителе. Литературным талантам похвала нужна как воздух. Впрочем, и всем другим тоже.

После завтрака Васька отправился к Вите Жигалову — предупредить, чтобы тот сегодня в музей не приходил, ремонт граммофона переносится на любой из ближайших дней, когда мастеру будет удобно.

Володя поехал автобусом «Вокзал — Посад» в сторону центра, сошел на предпоследней остановке, миновал рынок, где нынче шли нарасхват местные помидоры, и твердым шагом направился к двухэтажному зданию путятинского городского управления внутренних дел.

Что бы ему сейчас ни сказали, Васькина мечта все-таки осуществилась! Кража, крупнейшая за всю историю Путятина, расследована до победного конца не приезжими, глядящими на местных сыщиков свысока, — победную точку в этом деле ставит путятинская милиция в лице общественного помощника В. А. Киселева.

В управлении Володя беседовал сначала с Фоминым. Затем с Фоминым и Рудиком Куртияном. Втроем они направились в кабинет Петра Петровича Налетова. Здесь Володя увидел молодого человека в спортивной куртке — это и был недруг Фомина, капитан милиции Егоров. Володя позволил себе чуточку усмехнуться.

Через два часа он вышел на крыльцо управления.

В жизни довольно часто случается, что человек в нужный момент не находит слов для блистательного ответа. Но стоит выйти за дверь — и вот он, блистательный ответ. Такое запоздалое остроумие называется «остроумием на лестнице».

Сколько раз приходилось Володе горевать, что удач-

ный ответ пришел на ум слишком поздно. И мало-помалу он пришел к догадке, что в подобном положении нередко оказывались и те острословы, имена которых вошли в историю. Но не пропадать же эффектной фразе только потому, что она запоздала на минуту! Знаменитый острослов выходил на улицу и, смеясь, рассказывал первому встречному, как великолепно сразил противника. Встречный, разумеется, бежал пересказывать всем и каждому новую блистательную фразу, клятвенно уверяя, что сам присутствовал при ее произнесении. Меткое словцо с удивительной быстротой разлеталось по свету, и теперь уже никто не смог бы доказать, что оно придумано «на лестнице». Современники вписывали словцо в дневники и мемуары, оттуда оно переходило в труды историков, и даже самый скрупулезный исследователь не в силах определить, какие знаменитые слова были сказаны вовремя, а какие являются «остроумием на лестнице».

Спускаясь с крыльца управления, Володя мысленно завершал свой разговор с Егоровым.

«Я не считаю мой метод расследования универсальным, но для города типа нашего Путятина соприкосновение двух разных дел практически неизбежно. Я бы сказал, что это закономерность и с нею должен считаться каждыйследователь. Мне, например, многое дала болтовня старух о чертях, якобы виденных на кладбище. И вообще мой успех объясняется знанием местных условий и обычаев, всей городской повседневности. Я ищу не только улики и не только отпечатки пальцев — мне виден след, оставляемый преступниками в тихой и прозрачной жизни Путятина».

Завершающая фраза показалась Володе удачной. Мысль оригинальная и фраза отточенная.

«Будем считать, что именно эти слова я и сказал Егорову на прощанье!»

Из музея Володя позвонил Джеке Ключеву. Предстоял серьезнейший разговор. «Я уверен, что вы отлично справитесь с этим поручением», — сказал Володе Петр Петрович Налетов.

— Зайти к вам? Сейчас? — Кумир не выразил никакого удивления. — Ладно, приду.

Джека явился с букетом георгинов.

— Отец вывел новый сорт и назвал «Анюта». Ну, как? Хороши?

«Демонстрирует свою неуязвимую самоуверенность», — подумал Володя. И вслух произнес уклончиво:

— Цветы всегда приносят радость.

Новый сорт, выведенный доктором Ключевым, показался Володе не очень удачным. Цветы мелковаты. Георгинам все-таки присуща несколько тяжеловесная пышность. Если воспользоваться ассоциациями из мира музыки, георгины — это опера, а не камерный концерт и не эстрада.

Букет сбил Володю с намеченного плана. Вместо того чтобы сразу взять быка за рога, Володе пришлось искать подходящую вазу. Затем он спустился вниз за водой комнатной температуры, припасаемой уборщицами для полива музейных цветов.

«Значит, доктор согласился назвать новый цветок «Анюта», — размышлял Володя по пути. — Джека рассчитывал, что я спрошу почему. Дудки, не дождется. Но какие юнцы, оказывается, вырастают нынче в провинции! Мальчики международного поведения...»

В каморке уборщиц нашелся и аспирин. Раскрошить полтаблетки и бросить в вазу с водой — жизнь срезанных георгинов будет продлена.

Володя хлопотал, как домашняя хозяйка. А Джека гостем расположился в старинном кожаном кресле. Наконец Володя водрузил вазу на круглую колонку в углу кабинета. И взял быка за рога!

— Вы догадывались, что деньги, с которыми была задержана Анюта Голубцова, предназначались не ей, а «Радуге», то есть вам?

Джека нервно облизнул губы:

— Догадывался.

— И догадывались, от кого деньги?

— Нет. — Джека наклонился и смахнул с джинсов невидимую соринку.

— Почему вы не рассказали обо всем честно позавчера?

— Потому что вы об этом не спрашивали. — Ответ вполне логичный.

— Ну, а если бы все прошло успешно? Если бы Анюту Голубцову не задержали с деньгами?.. Предполо-

жим, она беспрепятственно взяла из тайника конверт, принесла домой, распечатала, увидела пачку денег... И что же потом? Как она поступила бы с этими деньгами? — Володя заметил, что Джека хочет возразить, и взмахом руки отсек ненужные слова. — Только не советуйте мне обратиться с этим вопросом к самой Анюте! Меня интересует ваше отношение к неожиданному подарку. Итак, Анюта рассказывает вам о деньгах в конверте... Вы бы посоветовали ей сдать их в милицию?

Джека криво улыбнулся.

— Не вижу смысла. Конверт не валялся на дороге. Если бы она эти деньги нашла, тогда другое дело. Но зачем сдавать в милицию подарок?

— Не многовато ли для подарка? — спросил Володя. — Все-таки тысяча рублей!

— Для нас с вами — большие деньги, — согласился Джека. — Но есть богатые люди. Для них тысяча — пустяк.

— Меценаты? — задумчиво произнес Володя. — Неужели они есть и у нас в Путятине?

— Давайте без ловушек! — огрызнулся Джека. — Это всего лишь мое предположение. Или, говоря по-вашему, версия. Я уже заявил официально, что не знаю, от кого этот подарок, Анюте даритель тоже неизвестен.

— Однако в прошлый раз здесь, в кабинете, мы с вами слишком много рассуждали о деньгах, — с нажимом напомнил Володя. — О том, что без денег современный начинающий музыкант не имеет шансов пробиться наверх... — Володя сделал паузу, и Джека весь напрягся. — Я уже тогда подумал, что вы не только кассетами готовы торговать по четвертаку за штуку. Вы на многое можете пойти ради денег. Взять хотя бы эту историю с золотом, — продолжал Володя с деланной небрежностью. — Я знаю, что Голубцову так и не удалось найти покупателя...

Джека вздрогнул.

— Это не мы!

— Что не вы? — язвительно спросил Володя. — Не вы ограбили универмаг? Кажется, вчера кто-то собирался сказать мне о своей непричастности. Так? — Джека молча кивнул. — Значит, вчера я мог услышать от вас сообщение, откуда у Голубцова «бабушкины драгоцен-

ности», разные там колечки и цепочки. И надеюсь, вы собирались рассказать мне о своей попытке сбыть «бабушкины драгоценности» зубному технику Галкину, а также о том, как после отказа вы попытались связаться через Ханю с неким Ариком, торговавшим на рынке помидорами...

Володя педантично выложил Джеке все, что знал о неудачных попытках сбыта золотых предметов, не имеющих никакой художественной ценности. И спросил в упор:

— Почему вы мне сразу все не рассказали?

— Я хотел, — пробормотал Джека, — но не решился.

— И напрасно! — Володя придал голосу строгость. — Ведь, согласитесь, делишки-то некрасивые. Прямо сказать — непорядочные... — Володя выдержал долгую паузу. — У вас хотя бы записано, у кого брали?

— Записано! Какая вещь, сколько стоит... Мы зарабатываем и со всеми рассчитаемся! — Джека оправился от растерянности, заговорил напористо: — Мы вернем свои долги с процентами. Отыщем всех, кто нам помогал. Куда бы они ни уехали...

«Зажигательная программа! — отметил про себя Володя. — И весьма деловая. Поклонники вкладывают свои капиталы в рок-группу Джеки Ключева и получают их обратно с процентами. Теперь понятно, почему Галкин сказал мне про ломбард. Для Джеки удобней не продавать принесенные девчонками золотые колечки и цепочки, а отдать в заклад — потом можно выкупить и вернуть. Придумано неглупо, но теперь придется этот план поломать...»

Володя так и сказал Джеке. И услышал в ответ:

— Нас не очень-то легко запугать!

Затем Джека произнес речь в свою защиту. Он заявил, что не видит ничего противозаконного в сборе средств для оснащения музыкальной группы. Никому не запрещено брать деньги взаймы у друзей и знакомых. Любой путятинец, дождавшись своей очереди на «Жигули», бежит с протянутой рукой по всему городу, а потом несколько лет расплачивается с долгами.

Джека заявил, что ему лично нечего бояться, если путятинская общественность узнает о добровольных

пожертвованиях в виде золотых колечек и прочей мурсы. Но вот девчонок жаль. Ведь они приносили ценности, полученные в подарок от родителей. И потому их ждет крепкая домашняя выволочка, да и сплетни поползут...

«Что правда, то правда, — согласился Володя, но, конечно, не вслух, а про себя. — С Джеки как с гуся вода. Он даже говорил в прошлый раз, что скандалы необходимы для популярности. Зато уж девчонкам достанется. И дома, и от всех городских кумушек, и в школе тоже...»

Однако не пора ли прервать Джекину адвокатскую речь и задать еще один вопрос.

— А как насчет коллекции мини-автомобильчиков Максика Галкина? Ее ведь тоже придется вернуть!

Джека не спеша полез в карман, достал пачку «Мальборо», закурил.

— Каждый получит обратно то, что принес. Девчонки — свои бебики. Максик — деньги.

— Значит, Максик Галкин сам продал коллекцию, чтобы ссудить вас деньгами. А покупатель кто?

— Спросите у Галкина! — отрезал Джека.

— Спрошу, — обещал Володя. — Ну, а что вы собираетесь делать со старым шкафом?

Вот тут Джека оторопел.

— С тем, который оставлен хозяевами в Париже, — уточнил Володя.

— Откуда вы узнали?

Володя, разумеется, не назвал свой источник информации. Туманно дал понять: милиции известно все.

— А что шкаф... — выдавил Джека с большой неохотой. — Хозяевам он ни к чему, в новой квартире не помещается. Другие бы взяли на дрова, а мы...

— Решили на нем заработать! — подсказал Володя. — Выгодно продать. Ну и как? Нашли покупателя?

— Эдик кого-то нашел.

— Эдик Вязников? — многозначительно переспросил Володя. — Из бригады, которая в Нелюшке?

Джека утвердительно кивнул.

— И какого же покупателя нашел Эдик? — продолжал допытываться Володя.

— Богатого, — сказал Джека. — Специалиста по

антикварной мебели. Шкаф-то оказался красного дерева. Прошлый век, работа крепостных мастеров.

Не какие-то старые доски! Антиквариат! Это был жесточайший удар по Володиному самолюбию. Прозевать у себя под носом такую ценность!

«Но откуда в развалюхе мебель красного дерева?! — вскричал голос благоразумия. — Чушь! Вязников просто напросто морочит Джеке голову».

«Нет! Не морочит! — отозвался другой голос, весьма ехидный. — После революции путятинский Совет распродал рабочим по дешевке имущество бывшего владельца фабрики. У Фоминых вон до сих пор стоит старинное кресло. В других домах можно увидеть и столики какие-нибудь с инкрустацией, и вазочки. А кому-то достался шкаф красного дерева...»

Володя с укором глянул на Джеку:

— Почему вы не предложили свою находку музею?

— Почему? — Джека криво улыбнулся. — Потому что ваш музей не может прилично заплатить за антиквариат. А для современного миллионера наша находка — прекрасное помещение нетрудовых доходов.

— Это вам Вязников так объяснил? — быстро спросил Володя. — Вы с ним близко знакомы?

Джека не замедлил с ответом:

— У нас только деловые отношения — не больше.

Володя располагал иными сведениями. Причем вполне достоверными — полученными от Васьки. Братья Голубцовы говорили, что Аня ждала от какого-то знакомого письмо с нотами и текстами песен. Кто этот знакомый? Скорее всего, Эдик, неперенный посетитель танцев в лагере старшеклассников. А кто тайный богач, способный швырнуть тысячу рублей на музыкальный прогресс в Путятине? Тоже Эдик?

«Как бы не так! — сказал себе Володя. — Джеке притворительно думать, что даритель хотел отличиться перед Аней. Но я-то знаю, кто писал записку знахарю и кто подрисовал на тетрадном листке череп и кости. Дорогой подарок назначался вовсе не Ане, а ему, несравненному Джеке Ключеву...»

На прощанье Джека все-таки спросил:

— Хозяин денег нашелся?

Володя мог бы ответить классической фразой: «Здесь

вопросы задаю я!», но предпочел уклончивую формулировку:

— Если даритель пожелал остаться неизвестным, значит, были на то свои причины...

Интересно, какой музыкальный привет отстукает Джека по чугунным ступенькам?

Никакого! Спустился бесшумно.

Володя остался один на один с георгинами по имени «Анюта». Может, надо было сегодня не отпускать Джеку после короткого разговора, а побеседовать с ним всерьез — о музыке и не только о ней? Нет, правильно сделал, что отпустил. Пускай сам над всем подумает.

На столе нежно зазвенел телефон, склеенный умелыми руками Вени Ророкина.

— Владимир Александрович! Это я, Вороханова. Можно к вам зайти?

— Да, конечно. Жду.

Наступил тяжелый для Володи момент. Он так хотел, чтобы история с «бабушкиными драгоценностями» никуда бы дальше не пошла. И чтобы никто и никогда не узнал, кому пришла в голову идея шантажировать знахаря, чтобы преподнести Джеке дорогой подарок...

Нина Васильевна вертела в руках злополучную записку и смеялась:

— Чепуха какая-то. Не пойму, чего Лукич испугался. Такую записку порвать да выбросить, а он в милицию обратился. И деньги в конверт сунул — не бумажки...

— Я тоже сначала не видел логики в поведении знахаря, — признался Володя. — Перебрал уйму версий! И до того докатился, что всерьез примерял к Лукичу заезженный сюжет из детективного кино — будто кто-то узнал о его темном прошлом... — Нина Васильевна слушала, стараясь не проронить ни слова. — Но все оказалось проще...

Володя стеснительно развел руками. Умный человек по такому жесту сразу догадывался, что все было далеко не просто, совсем наоборот — потребовало знаний и трудов.

— Да, гораздо проще, — повторил Володя, окончательно утверждая Нину Васильевну в догадке, что только

опытный детектив В. А. Киселев мог в такой простоте разобраться.— Лукич не испугался, увидев записку! — задумчиво произнес Володя.— Лукич обрадовался! Почему? Да потому, что сразу заподозрил в глупом хулиганстве своих соседей, Сашку и Лешку Голубцовых. И решил воспользоваться случаем — с Голубцовыми у знахаря давняя вражда. Надо отдать Лукичу справедливость — свою интригу он разыграл великолепно: подкараулил Фомина, изобразил жуткий страх. И я не удивлюсь, если экспертиза подтвердит мое предположение, что третий нолик был дописан знахарем. Вначале цифра выглядела скромней — единица и два ноля, всего сто рублей... Однако вполне возможно, что третий ноль вывела та же рука, которая нарисовала череп и кости. Очень крепкая рука! — добавил Володя после паузы.— Это она так метко запустила камнем в фонарь на Парковой...

— Ужас! — прошептала Нина Васильевна.

— Но вернемся к знахарю,— продолжал Володя.— Он ничем не рисковал. Деньги никуда не денутся — милиция вернет. И Голубцовы сделаются сговорчивей, отдадут часть своего огорода знахарю для его грядок с лекарственными растениями...

— Ну, а кто же разбил фонарь? — спросила Нина Васильевна.— Сашка или Лешка?

— Ни тот и ни другой.

...Володя понимал, что выхода нет. Сейчас он вывернет перед инспектором по делам несовершеннолетних сокровенные тайны одного неформального объединения подростков. Ничего не поделаешь — обязан. И прежде чем он расскажет Нине Васильевне о своем посещении заброшенного пакгауза, ему придется открыть ей и свою тайну — в каком виде предстал перед юными каратистками один всеми уважаемый в городе человек, директор музея!..

«Если бы я мог продолжить встречи с девочками из команды Веры Соловьевой...— с грустью подумал Володя.— Я бы провел с ними беседы о прекрасном. Объяснил бы, что подняться до высот культуры можно и живя в провинции. И девочки сами бы поняли, что устанавливать справедливость кулаками — варварство...»

Володе представились вечера в музее. Пригодятся и

старые граммофонные пластинки. Шаляпин. Собинов. Панина и Вяльцева...

Увы, этому не бывать — Володя сам лишил себя возможности снова встретиться с командой из пакгауза. Заявился переодетым! Назвался журналисткой из областной газеты! Сплошной обман... Как после такого взглянуть в глаза Вере и ее подругам!.. У него осталась единственная возможность поговорить с командой из пакгауза — написать обещанную статью. Под псевдонимом «Ольга Кречетова». Звучит несколько претенциозно, однако не все ли равно. Кречетова так Кречетова. Не в подписи дело — в том, как будет написана статья.

«А я уж вложу в статью все силы!» — поклялся самому себе Володя.

Разумеется, он не собирался посвящать Нину Васильевну в свои литературные планы. Ей он рассказал только про беседу некой журналистки с неформальным объединением девочек-подростков.

— К моменту встречи с ними у меня уже сложилось представление, кем могла быть сочинена записка, подброшенная знахарю,— Володя говорил как бы размышляя вслух.— Мне виделись двое. Девочка с правильным школьным почерком, прилежная ученица, не сделавшая в записке ни единой ошибки. И кто-то другой — полная противоположность прилежной девочке, его рукой были нацарапаны на листке череп и кости. Мальчишка или подросток. Это он разбил фонарь на Парковой возле дома двадцать пять... Но там, в пакгаузе, вдруг все перевернулось и поменялось местами. Я понял, чья рука метко поразила камнем фонарь на высоком столбе и кто нарисовал на листке из тетради череп и кости...— Володя сделал долгую паузу и с трудом произнес: — Вера Соловьева... Нина Васильевна, ей надо помочь... И всей команде... Защитить от пересудов.

— Обещаю,— сказала Нина Васильевна.

Володя знал — ей можно верить.

— А теперь о том, кто написал записку. У Веры характер командирши. Она командует даже старшим братом. И другие девочки подчиняются ей беспрекословно. Но записку знахарю она заставила написать мальчика. Почему-то Вере нравится вить веревки из тихих и застенчивых ребят.

— Неужели Спицын? — вырвалось у Нины Васильевны.

— Я тоже сначала подумал на Спицына, — признался Володя. — Но у нас в Путятине недавно появился Ваня Репьев — он из одной деревни с Верой. Ваня понадежней Спицына. Даже участковому не признался, что «Болотную крысу» ему подарила Вера. Нашел — и все!

Нина Васильевна покраснела.

— И мне он сказал, что нашел. Я поверила.

— Есть еще рыцари в славном городе Путятине! — воскликнул Володя.

Осталось рассказать Нине Васильевне печальную историю коллекции мини-автомобильчиков, принадлежавшей Максику Галкину.

Не вся коллекция целиком перешла к Борису Шумилину, как считала Нина Васильевна. Запутавшийся в долгах Максик пожертвовал «Болотной крысой», чтобы отсрочить уплату. Об этом узнала Вера и навела справедливость по-своему. Однако «Болотная крыса» к Максику не вернулась. И тут какую-то роль могла сыграть Даша Галкина. Вернуть Максику мини-автомобильчик — значит выдать себя.

— Даша Галкина и Вера Соловьева учатся в одном классе, — вставила Нина Васильевна.

— Ну вот, все сходится, — продолжал Володя. — Галкин жаловался мне, что Даша где-то пропадает допоздна. И что она хлопотала за Сашку Голубцова, которому позарез надо продать или заложить «бабушкины драгоценности».

— Очень серьезная девочка, — заметила Нина Васильевна. — Учится на пятерки. Беленькая и глаза голубые.

Володе мигом вспомнилась юная каратистка в льняных кудряшках, будущая медалистка. Да, все сходится!

— Но куда же все-таки девалась коллекция Максика? — недоуменно спросила Нина Васильевна.

— Он продал ее и отдал деньги Ключеву.

— Продай?! — Нина Васильевна всплеснула руками. — Кому?

— Думаю, Ключев знает покупателя, но мне сообщить не захотел. Деньги он Максику вернет.

— А Максик сможет выкупить свою коллекцию?

— Вряд ли...

Интуиция подсказывала Володе, какой вопрос задаст напоследок Нина Васильевна. Что делать с Шумилиным? Трудный вопрос. Шумилин не имеет никакого отношения к письму в тайнике — так что зря Голубцовы приходили к нему сквитаться. И Шумилин не завладел всей коллекцией Максика, взял только «Болотную крысу», как некий процент с долга, но ведь и «Болотная крыса» не осталась у Шумилина, ее отобрали...

Нина Васильевна действительно спросила про Шумилина.

Володя с надеждой поглядел на принесенные Джекой георгины.

— Шумилину предстоит выслушать все, что о нем думают ребята. И произойдет это на первом же комсомольском собрании. Но я буду рад, если вдруг встанет Аня Голубцова и заступится за «полковника Шумилина». Именно она! Если так не случится, можете называть меня ослом.

— Вас? — Нина Васильевна прижала ладони к щекам в неопишемом изумлении. — Ни-ког-да!

XXV

За окном шел нудный осенний дождь.

Володя неторопливо отпер сейф, достал запечатанный конверт и протянул Фомину:

— Пожалуйста, прочти!

— Не можешь без фокусов, — проворчал Фомин.

С привычной аккуратностью он поддел ножичком клапан конверта, вытащил листок, повертел в руках, похмыкал и наконец прочел вслух:

— «Гриня опоздал. Ограбление совершено без его участия». — Фомин разочарованно глянул на Володю. — И это все?

— Все! — сухо парировал Володя. — Сегодня каждый путятинец знает, что золото унес не Гриня. Но в тот день, когда я сделал свою запись, об этом знал только один человек.

— Интуиция! — язвительно сообщил Фомин, обращаясь к гостям, собравшимся у Володи в директорском кабинете, к Валентине Петровне и Альбертовне с Даниловой.

Володя тонко улыбнулся.

— Моя интуиция меня не обманула, когда я обратил внимание на серый бугорок под одинокой сосной. Ты помнишь, Фома, я сразу тебе сказал, что тут дело нечисто. Но в моих догадках насчет Грини решающую роль сыграла не интуиция, а логика. Я задал себе вопрос: почему Гриня присоединился в поезде к пациентам знахаря? И нашел ответ: так и должен был поступить человек, едущий в незнакомый город. Услышал в поезде восторженные разговоры про чудодея, живущего в Путятине, и мигом сообразил, что ему повезло. Можно появиться в городе под видом пациента знаменитого Лукича, снять угол, пожить несколько дней, оглядеться... Это куда безопасней, чем сразу нагрянуть по адресу, полученному в колонии от Сухарева. Да и надежен ли адрес?..

Володя чувствовал, как внимательно слушают его Валентина Петровна и Альбертовна с Даниловной. Заинтересовались! Сгорают от любопытства! Что ж... Все идет правильно. Финальная глава детектива должна быть выстроена по всем законам жанра. Шерлок Холмс закурил трубку и начал свой рассказ...

— Итак, с помощью логики я установил, что Гриня прежде в Путятине не бывал. Это его первое появление. Он сидит на лавочке во дворе знахаря и вдруг слышит, как местные старухи начинают судачить на самую актуальную городскую тему — ограбление универмага. Гриня приходит в ярость. И тут он, конечно, допустил промах, спешно покинув подворье знахаря. Ему-то известно, как устрашается обстановка в городе, где только что совершено крупное и дерзкое преступление. Надо было действовать осмотрительно. А Гриня ошибается еще раз, когда обнаруживает за собой «хвост» и очень умело от него отрывается. Ему и в голову не пришло, что «хвост», то есть я, горел желанием помочь больному человеку. Все могло бы закончиться ничем, если бы не профессиональная ловкость, с которой Гриня ушел от преследования. Этим-то он себя и выдал! С той минуты я стал угадывать мысли Грини, и получилось так, словно мы с ним вступили в решающий поединок...

Фомин предупреждающе кашлянул.

— Коля, береги нервы, — мягко посоветовал Володя. — Все знают, что не мне был поручен розыск преступника. Однако... Один случай, другой, третий... У меня

появилась возможность разработать теоретически и применить на практике оригинальный метод расследования, основанный на случайных соприкосновениях двух разных дел. И мой метод оказался плодотворным. В сочетании с накопленными годами знаниями родного Путятина. Я так и сказал удивленному моей удачей опытному следователю: «Я ищу не только улики и не только отпечатки пальцев — мне виден след, оставляемый преступником в тихой и прозрачной жизни Путятина».

— Замечательные слова! — Альбертовна и Даниловна захлопали в ладоши.

Фомин возмутился — ну, это уже нахальство! Наглое вранье!

— Когда ты говорил? Где? Кому?

Володя молча развел руками. О, великий русский жест! Всего лишь легкое движение рук в стороны — и фраза, придуманная «на лестнице», не вызывает сомнений, она входит в историю как подлинный факт, подтвержденный очевидцами.

— А теперь немного музыки.

Володя подошел к граммофону, покрутил для вида заводную ручку. Молодец Витя Жигалов! Оживил ретро-технику, внутри старинного ящика поставил новый механизм.

Из зеленой трубы послышалось шипение, и словно откуда-то издали прилетел низкий женский голос:

Жалобно стонет ветер осенний...

Варя Панина! Старинный дом радостно вздрогнул, отозвался легким скрипом паркета, приглушенным звоном чугунных ступеней, забренчали хрустальные висяльки в люстрах, им ответило бемское стекло в высоких белых дверях...

Володе вспомнилась мечта великого Джеки: низкий женский голос и провинциальный звуковой фон. «Надеюсь, и они сейчас вспомнили об Анюте, — подумал Володя, глядя на своих гостей. — Я правильно сделал, что позвал их сюда, в музей, а не домой».

Неделю назад он принимал здесь, в музее, Рудика. Сначала они обошли все залы, довольно долго стояли

перед картинами Пушкина, а потом поднялись в кабинет, и Володя устроил для гостя концерт-ретро.

Рудик был в том же пижонском наряде помидорного короля, только вместо всех массивных перстней — одно скромное кольцо, обручальное. Счастливый семьянин, отец двух сорванцов. Попивал заваренный Володей чай на семи травах и рассказывал в подробностях, как были взяты преступники.

— А ты оказался прав, — говорил Рудик. — Нечистая сила у вас в городе не зря активизировалась. И именно на кладбище...

Володя не удержался от ревнивого вопроса:

— Веню Ророкина в засаду взяли?

— Ну, Веню... — Рудик заулыбался. — Отличный парень! Такой план вычертил по памяти. Знает на кладбище все ходы и выходы.

«Еще бы ему не знать! Веня жил рядом с кладбищем, в детстве там все излазил...»

Володя понимал, что Рудик сейчас сказал не всю правду. Веня принял участие в захвате не только как знаток местности. Веня силен, отважен, ловок.

«А я? — спросил себя Володя. — Рудик в автобусе видел, какой я растяпа. Пялился на Гриню и не заметил настоящего преступника. Да и за Гриней не уследил...»

Рудик, как и положено профессионалу высокого класса, читал у Володи в мыслях.

— Киселы! Выше голову! Я тоже видел в кино смелых детективов, гонящихся с револьвером за преступниками. В кино этим занимаются даже следователи прокуратуры, а не только наш брат оперативник. Но вообще-то в ведомствах, поставленных на страже закона, существует разделение труда... — Рудик дружески похлопал Володю по плечу. — Твое дело работать головой. Твой друг Фома говорит, что ты любишь рассказывать свои детективные истории. Обязательно подчеркни: девочки ночью на площади проявили замечательную наблюдательность, да и твой доктор Ватсон усек очень важное в разговоре про газорез...

Рудик отхлебнул еще несколько глотков чая и продолжал:

— В детективе самое интересное — поиск, а не захват. И при захвате увлекательные подробности возни-

кают главным образом из-за плохой подготовки. Правильно спланированный захват проходит по шаблону, а ты, как сказал мне твой друг Фомин, действуешь только оригинальными методами. Так что когда твой детектив подойдет к концу, ты обрисуй темную ночь, некую могилу и... поставь точку. Увидишь — получится очень эффектно. И зажигательно для воображения слушателей. Сами все додумают!..

Володя от души поблагодарил Рудика за прекрасный совет. Неожиданная точка всегда производит впечатление. А на кладбище действительно не произошло ничего особенного. Преступники оцепенели от внезапно вспыхнувшего яркого света и не оказали никакого сопротивления. Обошлось без выстрелов и без погони, хотя преступники не были уж совсем простаками — они поставили самосвал невдалеке, у пролома в заборе...

Пластинка кончилась, Володя перевернул ее на другую сторону и объявил:

— Старинный романс «Задремал тихий сад...».

— Послушаем, — томно промурлыкал Фомин.

Но три женских голоса дружно запротестовали. Концерт-ретро потом. Сначала детектив!

Володя мог торжествовать.

— Давайте снова вернемся к тому дню, когда я обратил внимание на серый бугорок под одинокой сосной. Помнится, мы с Фомой увлеченно беседовали о возможности человеческого ума пойти дальше научного этапа познания и достичь знания интуитивного...

«Стоп! — сказал себе Володя. — Здесь я должен пропустить, что мне вдруг померещился разговор в кустах. Если бы я тогда догадался обшарить кусты, Спицын и его приятель сели бы с нами в автобус и я бы сумел кое-что подметить, наблюдая встречу Веры Соловьевой с этим хитрецом. Но о Спицыне сейчас ни слова! Не обязательно, чтобы в школе знали лишнее о команде юных каратисток. Я правильно сделал, что не пошел на школьное комсомольское собрание, хотя меня приглашали. Я не такой уж любитель копаться в чужих делах, как думает Фома. Но если я могу кого-то защитить, я за это берусь, несмотря ни на что...»

Слушатели не заметили заминки в рассказе. Ведь

мысли обладают фантастической быстротой. Володя продолжал как ни в чем не бывало:

— А затем мы с Фомой сели в автобус, в наш обыкновенный путятинский автобус. И тут я своими глазами увидел бригадира шабашников Маркина и услышал о некоем Эдике Вязникове. Ну и конечно, старухи из Крутышки! Пустейший, казалось бы, разговор. Но в нем таились две ниточки для расследования. Старухи бранили моду на дорожные надгробия — ниточка к бугорку под одинокой сосной и к некой частной фирме. Они говорили про чертей — прекрасно! Я вывел отсюда догадку, что по ночам кто-то рыскал среди могил... Кстати,— обратился Володя к Альбертовне и Даниловне,— ведь ваша квартирная хозяйка подрабатывает к пенсии изготовлением искусственных цветов.

— Да! — оживилась Альбертовна. — И к ней приходили из милиции.

— Двое,— добавила Даниловна. — Смуглый красавец и с ним верзила. Наша хозяйка повела их к своей подружке. Вернулась, и ни слова. Как в рот воды набрала.

— Молодец! — сказал Володя. — Сохранила тайну. Но теперь-то я могу вам открыть, чем интересовались двое из милиции, смуглый красавец Рудик Куртикан и верзила Веня Ророкин. Подружка вашей хозяйки довольно точно указала им, в какой части кладбища ей повстречались черти. После этого удалось установить, в каком надгробии спрятано золото.

— Страсти-мордасти! — Даниловна поежилась, будто впервые услышала про могилу, где были обнаружены замурованные в бетон драгоценности.

О бетонной плите уже неделю судачил весь Путятин. И весь Путятин перебивал на кладбище, желая видеть собственными глазами тайник, оборудованный преступниками.

— Володя, ты бы все-таки рассказывал по порядку! — попросила Валентина Петровна.

Он и сам чувствовал, что не получается складное повествование с лихо закрученным сюжетом. Золотому детективу все время чинит помехи простенькое дело со сбором средств для «Радуги». Вот и сейчас не к месту вспомнилась записка, подброшенная знахарю! В тексте, который сочинил и написал Спицын, а вовсе не Ваня

Репьев, значилось сто рублей. Вера решила, что для знахаря это пустяк. Она была у него в доме и заплатила ему свои пять рублей за приворотное зелье из плакун-травы. Не постеснялся Лукич взять деньги с девчонки! Когда Вера рассказывала Нине Васильевне о своем визите к Лукичу, она, конечно, не призналась, какого лекарства просила, чтобы Джека наконец обратил на нее внимание. Вера сказала, что ходила к знахарю по маминой просьбе. Но Володе-то Лукич говорил про какую-то Веру. Ну и гусь! Третий ноль дописал он — это доказано экспертизой. Теперь у Лукича отпала охота жаловаться на шантаж, сам просит не придавать значения детскому озорству...

Усилием воли Володя отогнал мысли о другом деле и вернулся к золотому детективу.

— Хорошо, Валя. Буду по порядку. Значит, я установил чистое алиби для Грини. И как раз в это время мне случайно сделалось известным, что кто-то брал газорез из бывшей будки Сухарева и затем вернул, но положил в другое место. У меня мгновенно явилась догадка, что именно этот газорез был использован, чтобы вскрыть сейф в ювелирном отделе. Причал, где находится скопище будок, никем не охраняется, туда имеет возможность проникнуть любой. Мои поиски, кто брал газорез, грозили быть долгими, но один человек неожиданно выдал себя.

Здесь я должен сделать небольшое отступление,— предупредил Володя,— и рассказать кратенькую историю, как Витя Жигалов стал хозяином бывшей будки Сухарева. На будку претендовали двое. Победил Витя. И это было очень справедливое решение, принятое общим собранием владельцев моторных лодок. У Вити талант изобретателя, изумительная техническая интуиция... И вот однажды бывший Витин конкурент заглядывает на причал и видит, что Витя работает другим газорезом — не тем, что лежал в будке Сухарева. А где же сухаревский газорез? Витя побоялся сказать, что аппарат у него отобрал участковый Журавлев. Соврал, что газорез сломан, лежит дома. Ему на выручку пришел Васька. Бывший конкурент понял, что у ребят есть какие-то причины скрывать, куда подевался газорез. И очень расстроился — это, к счастью, не укрылось от наблюдательного Васьки.

Так я вышел на киномеханика Шашурина,— совсем просто произнес Володя и выразительно примолк.

— Потрясающе! — воскликнула Альбертовна.— Сколько всего надо знать, занимаясь расследованием.

Володя, конечно, воспользовался случаем и повторил свою историческую фразу, сказанную опытному следователю Егорову.

Фомин только крикнул.

— А ты помнишь, как интересовался неким Юрковым? — кротко спросил Володя.— Когда мы встретились в Нелюшке?

Ответа он не получил. Но какие-либо разъяснения Фомы и не были ему нужны.

— Так вот про Юркова...— Володя отвесил Фомину легкий поклон.— Я тебе очень благодарен за своевременную подсказку. Ты помнишь, я сразу сказал, что это фамилия владельца трактира «Эльдорадо». Однако Юркову принадлежал не только трактир, но и лавка в торговых рядах — та, где сейчас овощной магазин. А мы с тобой, Фома, встречались в детстве с представителем семейства Юрковых. Помнишь городского дурачка Кудыкина? Помнишь, какой он был несчастный, никому не нужный? А ведь в Путятине у него была родня...

— Ой, Володя! — взволнованно перебила Валентина Петровна.— Не говори! Я знала! Моя мама отдавала Кудыкину старые папины вещи и ужасно ругала Шашуриных — совесть потеряли...

Володя бросил иронический взгляд на Фомина: и это называется работник милиции! Упустить такой источник информации! У себя дома!..

— Правильно, Шашурины,— сказал он Валентине Петровне.— Они стыдились признавать Кудыкина своим родственником, но в дом иногда пускали. Впрочем, Гена Шашурин мог услышать рассказы про подземный ход и не от Кудыкина, а от своей бабушки, доводившейся несчастному старику двоюродной сестрой.

Володя перевел дух.

— Это все, что я пока знаю. Остальное — дело следователя. Он установит, делился ли Гена Шашурин фамильной тайной с Сухаревым или Сухарев сам что-то выведал у Юркова-Кудыкина.

Впереди у Володи лежала финишная прямая. Надо собрать все силы и эффектно рвануть ленточку. Конечно,

имя сообщника Шашурина уже известно всему Путятину. Что ж... И при этих обстоятельствах можно держать слушателей в напряжении.

Володе вспомнился вечер в обществе изобретателя Чернова и многоухого робота по кличке «Фантомас». В комнате звучал то лягушиный концерт, то загадочный разговор на болоте: «Поезд уже ушел...» Голоса оказались Володе знакомыми — Вера Соловьева и Спицын, явно трусивший.

Затем «Фантомас» воспроизвел разговор девчонок о поездке с Эдиком в город, торг Маркина и Лукича относительно платы за бетонирование дорожек, романс «Утро туманное, утро седое...» в исполнении Анюты Голубцовой и под аккомпанемент легких ударов весел по воде, беседу двоих неизвестных о начальниках, ничего не смыслящих в технике...

Много интересного и полезного услышал Володя от многоухого «Фантомаса». И смог сопоставить некоторые новые факты со старыми.

Володя понимал, что участие «Фантомаса» придает детективу современный шик. — Расследование на уровне мировых достижений техники. Путятин мог бы гордиться! Но... Рудик категорически потребовал — никому ни слова о «голосах жизни»: не стоит смущать такими вещами покой граждан. А с Валерия Рудик взял клятвенное обещание — больше никаких тайных записей, только в открытую и с согласия тех, кого записываешь.

Изъятие «Фантомаса» из детектива поставило Володю перед необходимостью приписать кому-то другому все, что сообщили «голоса жизни». В условиях Нелюшки этим другим мог быть только участковый Сироткин. Таким образом, из «Фантомаса» и Сироткина надо было сложить литературного героя, вобравшего в себя качества многоухого робота и реального участкового.

Свой творческий замысел Володя изложил Рудику, не очень-то надеясь на одобрение. Новое всегда с трудом пробивает себе дорогу. Однако Рудику понравилась идея вылепить из двух действующих лиц одно: «Чернов подрывал авторитет Сироткина? Подрывал. Неоднократно и систематически. Вот и пускай «Фантомас» поработает на авторитет участкового».

Зная честность Сироткина, Володя не стал приписывать ему напрямую все заслуги «Фантомаса». Пускай этим займутся увлеченные детективом слушатели. А Сироткин и в самом деле многое успел разузнать и уже выходил на след преступников, хотя и получил камнем по каске не за это.

Небольшой перерыв. Заварен чай, тот самый, которым восхищался Рудик, — на семи травах. Володя отставил в сторону свою чашку — пусть остынет — и приступил к кульминации детектива: Нелюшка, неожиданное нападение на участкового Сироткина.

— Я ломал себе голову — Маркин или Вязников? Казалось бы, факты говорили против Вязникова. Ведь в его отсутствие Сироткин опросил всех членов бригады, и после этого не было никаких попыток убрать участкового. Хотя Сироткин — я слышал от него самого — не скрывал своих подозрений, что следы ведут в бригаду шабашников. Как вы уже знаете, — продолжал Володя, выпив остывший чай, — в бригаде только двое были новичками. Маркин и Вязников. Остальные ездят этим составом на шабашки уже давно, придерживаясь правила, выбранного однажды и навсегда: наше дело вкалывать, а для махинаций мы нанимаем кого-то со стороны. Нынешним летом таким «человеком со стороны» оказался Маркин. Интеллигентов-шабашников совершенно не тревожило, что их бригадир оказался субъектом с весьма темной биографией. А Эдика им порекомендовал один прежний член бригады, обычно исполнявший обязанности шофера. На этот раз он поехать на шабашки не смог, и его заменил Эдик.

— Значит, Эдик никакой не научный сотрудник, — вставила Альбертовна.

— Не торопитесь с выводами, — сказал Володя. — Вязников действительно работает в солидном научно-исследовательском институте младшим научным сотрудником. В бригаде он оказался самым неимущим. Поэтому Эдик не только вкалывал на строительстве комплекса. Он хватался за любую возможность зашибить деньги. Маркин берется строить в Нелюшке частный гараж — Эдик у него на подхвате. Маркин организует фирму по изготовлению надгробий — Эдик вкладывает в это дело свои художественные способности, фирма начинает делать фигурные плиты из бетона. Джеке

нужно продать старинный шкаф — Эдик тут как тут, предлагает посредничество... И наконец, именно Эдик покупает по дешевке коллекцию мини-автомобильчиков у Максика Галкина — на этом тоже можно подзаработать.

От Володиного взгляда не укрылось, что Даниловне эти факты из жизни Эдика неприятны.

— Да, младший научный сотрудник Вязников не отличался щепетильностью, — подтвердил Володя, повернувшись к ней. — И ему ничего не стоило попросить кого-то из приятелей, чтобы тот отправил в Нелюшку телеграмму о болезни отца. Этот поступок не может быть оправдан даже опасениями Эдика, что на свадьбу сестры бригада не отпустит. Но скажу и несколько слов в его защиту... Эдик не только купил в подарок сестре на свадьбу золотое колечко и еще что-то. Семья у них небогатая, так что и застолье справлялось на заработанные Эдиком деньги. А достались они ему нелегко, и Эдик решил не оставлять дорогие закуски на ресторанном столе. Он захитнул икру и все прочее в сумку и привез в Нелюшку — я не сомневаюсь, что, выкладывая закуски на стол, он признался бригаде в истинной причине отлучки...

— Опять твоя интуиция, — скептически заметил Фомин.

— Она, — скромно подтвердил Володя.

— Ну, а кто же напал на участкового? — спросила Даниловна. — Маркин?

— Для опытного Маркина слишком примитивный поступок, — задумчиво произнес Володя. — Однако я и сам грешил таким подозрением. И опытные допускают промахи — взять того же Гриню... Всею виной моя невнимательность, — заговорил Володя после некоторой паузы. — В автобусе я совершенно упустил из вида одного пассажира. Знаете, существуют люди, которых, как говорится, в упор не видишь...

Володя чуть не брякнул, что таким незаметным умеет быть Спицын, подсунувший Анюте под гром дискотеки записочку насчет конверта в тайнике. Эту записочку, кстати, уже Ване Репьеву пришлось писать под диктовку Веры.

«Но о втором расследовании — ни слова!» — напомнил себе Володя и вернулся к золотому детективу.

— Я наблюдал в автобусе за Гриней, наблюдал за незнакомцем в кожаной куртке, оказавшимся впоследствии Эдиком Вязниковым, еще кое за кем...— Володя не стал вдаваться в подробности истории с шляпой.— Но сидевший не так уж далеко от меня киномеханик из «Салюта» не привлек моего внимания, оказался пустым местом, совершенно посторонний персонаж, не имеющий никакого отношения к моим тогдашним мыслям. И лишь когда Васька рассказал мне, как загрустил Гена Шашурин, услышав про сухаревский газорез, я вспомнил, что Шашурин тоже ехал тем рейсом в Нелюшку. И сразу все прояснилось до конца...

Володя красочно описал действия киномеханика, догадавшегося, что газорез конфискован милицией. Шашурин оставил за себя в «Салюте» помощника и поспешил в Нелюшку — предупредить Маркина об опасности, получить совет. Шашурин в панике. Поиски он, естественно, начал со стройки, но там уже никого не было. И вдруг послышался треск мотоцикла. Шашурин на всякий случай спрятался. Подъехал Сироткин, слез с мотоцикла и направился точнехонько туда, где укрылся Шашурин. Тот в страхе схватил обломок бетона. Ему ведь нечего ответить на самый простой вопрос участкового: «А ты что здесь делаешь?» Убивать Сироткина он, конечно, не хотел. Только оглушить и скрыться.

— Так случилось, что первым на месте происшествия оказался я,— продолжал Володя.— И первая моя мысль была, что Сироткин до чего-то докопался и его решили убрать. Но это шло бы вразрез с хитроумным планом преступников, а об их плане я начал строить предположения с того момента, как увидел серый бугорок под сосной. Драгоценности, похищенные в универмаге, они решили запрятать надолго. Существуют хорошо известные Маркину сроки розысков — пройдет время, и можно будет без риска воспользоваться награбленным. В качестве тайника преступники использовали бетонное надгробие — разумеется, без ведома заказчика. Однако после того, как Шашурин с перепугу оглушил Сироткина, расчет на долгие сроки лопнул. Шашурин решил бежать из Путятина — и не с пустыми руками. Он не давал покоя своему сообщнику и настаивал на дележе. Маркин тоже начал нервничать, опасался новых промахов Шашурина. Они оба и не подозревали, что мили-

ция следит за каждым их шагом. Но вот настал день, вернее, ночь...

И тут Володя оборвал свой детектив — как и советовал ему Рудик.

Из трубы изумрудного цвета лился старомодно перевернутый граммофоном могучий голос Шаляпина:

Я не сержусь...

Володя достал из книжного шкафа и раскрыл большую картонную папку, в каких художники носят свои рисунки. Пожелтая бумага, вычурный шрифт.

*В Народном доме г. Путятина
такого-то месяца и дня
имеет быть концерт
артиста императорских театров
Федора Ивановича Шаляпина
с участием хора рабочих фабрики Кубрина.*

Наконец-то музей обрел документ, подтверждающий, что великий русский артист действительно пел однажды для рабочих города Путятина. Афишу принесли Володе братья Голубцовы, а им велела Анюта — так разъяснил Васька, всегда располагающий точной информацией. И еще Васька сообщил, что на школьном комсомольском собрании, когда все критиковали Шумилина, Анюта вдруг встала и заступилась: «Вы что, ребята? Нельзя же всем на одного!» Володя был рад, что не ошибся в ней. Анюта талантлива и потому добра. А у злых людей нет песен — это старая и мудрая истина...

Его размышления прервал голос Валентины Петровны:

— Володя! Ты что? Не слышишь? Я тебя третий раз спрашиваю, читал ли ты статью Ольги Кречетовой?

Он позорно растерялся.

— Какую статью?

— Да вот же у тебя на столе газета!

— Я до этого номера еще не добрался,— промямлил Володя.— А о чем статья?

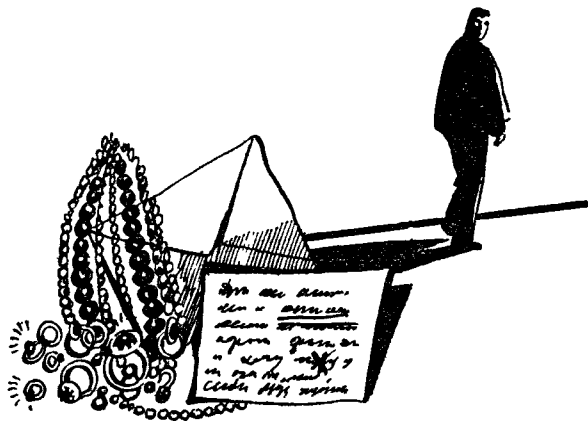
— Обязательно прочти! — посоветовала Валентина Петровна.— Ты ведь тоже печатаешься в этой газете. Но твои статьи ужасно далеки от современных проблем.

Обрати внимание, как остро ставит вопрос о неформальных объединениях Ольга Кречетова. Вот что значит настоящий журналистский талант. Ольга Кречетова никогда у нас не бывала, а читаешь — и словно написано про наш Путятин. Ты бы у нее поучился! Конечно, женщине легче завоевать доверие подростков. Есть особая женская чуткость и наблюдательность... — втолковывала Валентина Петровна. Володя помалкивал.

Альбертовне и Даниловне тоже очень понравилась статья Ольги Кречетовой. Какое прекрасное знание житья-бытья небольшого русского города с замечательным историческим прошлым!

«Ничего... — утешал себя Володя. — Это лишь первая статья! Ольга еще так развернется, вы будете только ахать!»

Фомин поглядывал на него с искренним сочувствием.

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Литературно-художественное издание
для СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Стрелкова Ирина Ивановна
ШАХ ПОМИДОРНОМУ КОРОЛЮ

Повесть

Ответственный редактор *И. В. Пахомова*
Художественный редактор *В. А. Горячева*
Технический редактор *И. С. Круглова*
Корректоры *В. В. Борисова, И. Н. Мокина*

ИБ № 11925

Сдано в набор 09.04.90. Подписано к печати 08.01.91. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бум. тип № 2. Шрифт литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6.
Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 13,39. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4591.
Цена 2 р. 70 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Министерства печати и массовой информации
РСФСР, 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпе-
чати РСФСР, 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Стрелкова И. И.
С84 **Шах помидорному королю: Повесть/Худож.**
А. Борисов.— М.: Дет. лит., 1991.— 288 с.: ил.—
(Б-ка приключений и научной фантастики).

ISBN 5-08-001582-9

В повести «Шах помидорному королю» рассказывается о новых приключениях двух «провинциальных детективов», известных читателю по повестям «Похищение из провинциального музея», «Знакомое лицо», «Опять Киселев» и «Одна лошадиная сила». На этот раз идет расследование крупного преступления — ограблен ювелирный отдел универмага. Перед читателем раскрывается жизнь подростков небольшого города, где сегодня есть и свои «звезды» рока, и неформальные объединения.

С 4803010102—076 306—90
М101(03)-91

ББК 84 Р7

